

САНДЖЭ-СУРУН

(Галина Раднаева)

Гуламтын гал

Уянгата поэмэ

Огонь в очаге

Лирическая поэма

III боти

Улаан-Үдэ
Номад
2023

УДК 89
ББК 84.(2 Рос=Буря) 5 бу
С 181

«Буряад Уласта 2021 – 2030 онуудта буряад хэлэ сахин хүгжөөлгэ» гэхэн Буряад Уласай гүрэнэй программын хэмжээндэ Буряад Уласай соёлой яаманай мүнгэн хангай дэмжэлгээр тус ном хэблэгдэбэ.

Книга издана при финансовой поддержке Министерства культуры Республики Бурятия в рамках реализации Государственной программы Республики Бурятия «Сохранение и развитие бурятского языка в Республике Бурятия на 2021 – 2030 годы».

С 181 Санджэ-Сурун (Раднаева, Галина)
Гуламтын гал = Огонь в очаге : уянгата поэмэ / Санджэ-Сурун (Галина Раднаева). – 3 боти. – Улаан-Үдэ: Номад, 2023. – 448 н.

ISBN 978-5-6049187-4-6

Книга «Огонь в очаге» представляет собой полифоническую поэму, в которой поднимается большой пласт духовной жизни современного человека. Язык «Путевых заметок» богат колоритными образами, родственными фольклорному мироощущению.

Огонь, поддерживаемый в очаге, – символ преемственности жизни, света и добра – является одним из сквозных образов книги.

ISBN 978-5-6049187-4-6

УДК 89
ББК 84.(2 Рос=Буря) 5 бу

© Санджэ-Сурун (Галина Раднаева), 2023

ПОЭМЭ ТУШАА АВТОРАЙ ТАЙЛБАРИЛЬАН ҮГЭ

1997 ондо поэмэйнгээ нэгэдэхи хубиие буряад хэлэн дээрэн хэблүүлхэ ханаатай, хэдэн хорообхо болохо гар бэшэгүүд соогоо намаржа, хаягдаха ёһотой заһагдаагүй түрүүшынгэй гар бэшэгыг хэблэлдэ үгэжэрхихэн байгаа. Нүүлдэ хэблэгдэхэн хойнонь (заһагдажа бэлэн болгогдоотой) мартагдаһан гар бэшэгээ хорообхон соогоо олоходоо, ехээр шаналһаншье, удаан сагай туршада ханаагаа яһала зобоһоншье байхаб.

Ушарын гэхэдэ, хүдөөгэйнгөө хара ажалда дарагдашоод, бүхы гар бэшэгүүдэ үзэхэ, шалгаханаа байтагай городто ерэхэ сүлөө сагшыг үгы ябааб. Тэрэ үедэ Улаан-Үдын хүгжэмэй училищи дүүргэжэ байһан Намсалмадаа найдаһамни, тэрэмни уншажа, корректировалхадаа, ямар гар бэшэгэй байһаниие ойлгоогүй байха юм. Тиигэжэ заһагдаагүй гар бэшэгни ном болгогдон, хэблэгдэшоо бэлэй.

...Тэрэ холын хүшэр хүндэ жэлнүүдтэ тэжээһэн гахай, үхэрэйнгөө мяхаар түлбэриенг үгэхэн байжа, досоогоо харанхалаад, дахинаа шэнээр хэблүүлхэ хүсэл ерээгүй. Теэдшыг 1986 ондо энэ поэмэмни ород хэлэн дээрэ Москвада хэблэгдэхэн байгаа бшуу.

Гэхэ зуура, 1980-1983 онуудта бэшэгдэхэн энэ поэмээ Совет засагай үедэхи 1980-аад онуудта хэблүүлхэ гээшэмни ехэ хүшэр байһан. Теэдшыг юугээ бэшэжэрхихэнээ өөрөөшье ойлгоогүй байһанһаа боложо (тэрэ сагта ямаршыг литературада иимэрхүү зохёол үгы байгаа бшуу), тиигэжэ өөрөө түргэн зуураар дутаг ядагаар мур дахан хээ болоод лэ, Москвагай «Современник» хэблэлдэ абашажа, «энэмни поэмэ гээшэ гү, али юун гээшэб» гэхэн асуудалтайгаар мэдээжэ шүүмжлэгшэ, литературовед Вадим Дементьевтэ хандааб. Тэрэмни энэ зохёолымни уншаад, мүнөө сагта эгээл хэрэгтэй поэмэ бэшэгдээ юм байна, оршуулуулаад хэблэхэмни гээ бэлэй...

Мүнөө энэ поэмымни мартагдаад байһан ёһото гар бэшэг одоошье түрэл хэлэн дээрээ (ондоо болгогдонгүй) түрүүшынхиг хэблэгдэбэл даа.

Автор

ОРОЛТО ҮГЭ

Үнгэрhэн жэлнүүдэйм мэндын тэмдэг –
Үхибүүн наhанайм дүрэ-зураг
Сагай эрьесэhээ

гартам оронхой шэшэрнэ.
Баатарай бэе бээлүүлхэ гэхэн
Бэрхэшээл ехэтэй дабаае дабуулhан
Сэдьхэлни мүнөө
юундэшьеб уйлана.

Хүнэй зан абариие нажааж,
Харилсаа холбооень ойлгожо ядаhан
Томоогүй ябаhан
өөрыгөө танижа яданаб.
Хүн бүхэниие найханаар нанажа,
Худалые үнэнhөө илгажа зобоhон,
Тулихал баатай
хуби заяаень гайханаб.

Голхоролой нулимса мухарюулбашье,
Эрьехэ зуураа мартажа хүхидэг
Эдэл нюдэд
эхин дурамни аал?
Гайхалайнгаа хойноhоо тэгүүлбэшье,
Энеэдэнэйнгээ ханяадан болоходо бархирдаг
Эндүү алдуугаймни
эхин зүүдэн аал?

Найдаhаар, урмаа хухаржа,
Нүгэлтэйшье, уриншье харасада дадаhан
Намаие яахадаа
энэ дүрэ-зураг
Найдал дүүрэн,
гэтэнэб, ай, халаг!
Этигэхээр, этигэлээ алдажа,

Энэ дэлхэйнгээ жамые ойлгоһон
Ульгэршэн намда
гараа харбайгаад,
Урдаһаам гэнтэ
гүйшэбэ хэбэртэй, ай, бурхан!

Эжэл нүхэдэйм нааданхай хүртэшэгүй һэн,
Үүлэгүй сэлмэг үдэрые үршөөһэн
Үнгэтэ шэлэй хэлтэрхэй
жаргални бэлэй –
Энхэ дуунайм
эхин мүнүүд гэлэй...
Урсахан гэрээ шэлэй саанаһаа харахадам,
Үндэр тэнгэрийн тулга болошоһон
Эгээл һайхан ордондол
толорогшо бэлэй –
Ерээдүйдэ орхихо
энжэ-бэлэгни гэлэй...

Хубсаһаар хомор байдалай ядууе
Хаанаһаа мэдэхэ байгаабиб, тиихэдэ –
Үндэр болотороо
үмдэхэш гээд,
Хүгшэн эхым
оёһон самса –
хубимни һэн.
Хүлыемни орёоһон хормойтой самсые
Үнөөшье тайлаагүйдэл мэдэрэгшэб заримдаа.
Жэлээр бэшэ,
үдэрөөр ургаха гэхэн
Зааханайм бэшэ,
эмгэйм хүсэл һэн.

Өөрын хубитайгаар түрэдэг юм гээд,
Өөрынгөө сагые эмгэйм үргэхэдөө,

«Олон хубсаһанһаа
хүнэй наһан
Охор болошодог юм,
басагамни», – гэхэ.
Өөхэн соо багадаа бөөмэйлүүлээд,
Өөдөлхэ жаргалаа үзэдэггүй юм гэхэдээ,
«Өөдэггүй гүүлэбэл,
хүндэ баһуулхаш,
Орилхын орондо
дуулажа һура», – гэхэ...

Эмгэйн дулаан үбэрһөө, юрэдөө,
Үхибүүндэ юун хэрэгтэйб даа.
Һайханһаа һайхан
бодол түрүүлһэн
Шэлэйм хэлтэрхэй
үнгэтэ дэлхэе бэлэглээ.
Элдэб хубсаһа, нааданшые һаа,
Үльгэрэй далайда хүргэхэ бэшэ даа.
Хүл нүсэгэн наһанайм
гайхалаар гоёһон
Шүлэгни мүнөө
сэдьхэлэйм тэжээл болоо.

* * *

...Энхэрэлээр үлэн хүүгэн наһаяа
Эхэ мэтээр хормой дороо
Эндэл мүнөө
абаха гэхэдэм,
Эльгэ бүтэн – эрхэлхэ дурагүй.
Элдэб наадан урдань обоолоод,
Эгээл һайхан хубсаһа үмдэхүүлээд,
Эндэл одоо
баярлуулха гэхэдэм,
Эльгэ дүүрэн энеэхэ хүсэлгүй.

Намда мүнөө ханаагаа зобоһоной
Хэрэггүйл гээд, урдаһаам гэтээ.
«Намтай хахасаад,
хэн болоһоноо
Хэлэжэ, ханаае амаруулыш», – гээ.
«Нюрганайш ашаан хүндэжэн хэбэртэй,
Наһаншни залуу, нараншни эртэ –
Хаанаһаа, хайшаа
зорижо ябаһанаа
Хөөрөөгөө мэтэр эхилыш», – гээ.

НЭГЭДЭХИ БҮЛЭГ

*Хүнэй уг изагуур гуламтын галай носожо байгаа сагта таһархагүй,
ажабайдалын унтархагүй гэхэн ёһо биш.*

Автор

ГУЛАМТЫН ГАЛ

Түрэхэн үдэрым хайндэр болгожо,
Дууша ажабайдал
тэмдэглээ хэн гү, үгы гү.
Тоонтом тиихэдэ хүйһем хадагалжа,
Дуушан болохыем
юрөөгөө хэн гү, үгы гү.

Зүгөөр дайнай һүүлээр түлигдэхэн
Арадайнгаа гуламтын
улаан согби.
Зоболонгой нулимса хатааха гэхэн
Амиды ябахые
захирхан хүсэнби.

Хэтын хэтэдэ хүнэй үриин
Хүсэл соо
нюугдаһан үнэнби.

Хаанашье, хэзээшье энэ дэлхэйн
Хуули шэшэрүүлхэ
үгын хүсэнби.

Тиимэл хадам, гуламта соом
Гашуун нулимса
шэргэн хатажа,
найдал дүлэтэнэ.
Тиимэл хадам, худахан соом
Гуламтымни галай
дүрэжэ дуунахагүй
гэрэл урдана.

Тиимэл хадань, хүн бүхэнэй
Эмгэг шархые
эмшэлхэ гэхэн
өөрын үнэнтэйб.
Тиимэл хадань арад зоной
Эльгэлэн дууладаг
дурые аршалха
өөрын үгэтэйб.

* * *

Нагаса абым нэрые мүнхэлөөд,
Нажартаашье, үбэлдөөшье
хүрэжэ үзөөгүй
Гожоо булаг
Наһандам хүрэхэ зориг үршөөгөөд,
Найман зүгы
сүршэн нагад
бурьялшоо юм гэдэг.

Тииһэн хадань гуламтынгаа галһаа
Түмэн мүшэдтэ
гэрэл үгэжэ,
үндэртэ носооноб.

Тииһэн хадань түрэнэн үдэрһөө
Дэлхэйдэ абаржа,
жаргалаа олохо
зориг дууданаб.

1

«Тас-няс...»

галнай шагшарна...
Айлшанай ерэхые зүгнөөд галнай,
Түргэн дундаа зугаагаа дэлгээнэ гү?
Абай Гэсэрэй һүүдэр ами оронхой,
Түмэн жэлые эбхэжэ али ахина гү?

«Тас-няс...»

галнай хүүенэ...
Дүлэндэ абтаһан сагнай самнажа,
Дороһоонь найдалай ошон сахилна аал?
Шолмос түрэлэй «жаргал» эшхэржэ,
Сүүбэн сагай нүгэл али найрлана аал?

«Тас-няс...»

галнай шагшарна...
Галаймнай хүлдэ – харуулшан мэтэ
Гэсэрэй һүүдэр эрьенэ хаяа...
Түрынь дуунай үдэрһөө үдэртэ
Гургадаг, үгыень шалгана хаяа.

«Тас-няс...»

галнай дуулана...
Туулган тобшо – мүндр соогуур
Дүрэжэ унатараа баатарнууд тэмсээ.
Дүлэтэ жаргалаа үзэхэ мэтээр
Дэншые үнэтэйгөөр жаргал асараа.

«Тас-няс...»

галнай гэмэрнэ...

Үнөө нэхэгшэдэй жадын үзүүр
Үхээри тээшэ нэнгэһэн зандаа.
Нарата дэлхэй үхэлэй сэнгээр
Нара буруу эрьехэгүйл шортоо.

«Тас-няс...»

галнай шомшорно...

Гуламта соомнай улаа бутаран,
Гэгээн шаргал үүр хираална.
Жаргалнай үнэн бээе бээлэн,
Жэмэсээ даажа ядан һагсайна.

«Тас-няс...»

галнай хүүенэ...

Гуламтынгаа галые һэргээжэ һуухадам,
Гэсэрэй хүлһэн сабиргай руум урдана.
Гушан гурбан баатарнуудайнь
нэгэндэл мэдэрхэдэм,
Гэгээн һаруул бодолһоом сагнай налайна.

2

Сагай шэрүүниие

оршолонтойнь дулаасуулха мэтээр

Шадаха болохоороо

гуламтынгаа галые сахигшаб.

Шэргэшэгүй байдалайнгаа

үндэһэ ундалуулха мэтээр

Сайгаа шанажа,

үглөө бүри жаргагшаб.

«Тас-няс...»

галнай зугаална...

Хүттэй зугааша галаа шагнаархан,
Халин алдаһан сайгаа һамарнаб.
Хамарыем зохолооһон хоншуу үнэрһөөнь
Хээрын нүүдэл амисхал гудамхинаб.

Ай, бурхан...
Угсаатамни аал, галыем тойроод,
Забилжа һуунхай, гаһаһая хороно.
Үгы эмгэймни бодожо ерээд,
Сайнайм дээжые галда үргэнэ.

О, ойлгоноб...
Аша гушанарайнгаа хуби золоор
Орон нютагаа уяруулна гэжэ.
Ажабайдалай хүлдэ – жама ёһоор
Оршолонто дэлхэйгээ тахинал иигэжэ.

Хуби заяамнай...
Жаргал, зоболонгоймнай эрьюулгэ юм хадаа
Гашууншые, нялууншые амтаараа хужарлуулаг.
Гайхалтайшые, гайтайшые хүлдэмнай юм хадаа
Шэрүүншые, уриншые бурхадые уяруулаг.

Гуниг, баяраймнай үнэһэн дээрэ
Гэгүүр багашуулай наадан бү замхаг.
Хүүгэдэйнгээ жаргалда удхаяа олоһон
Хүгшэд, үбгэдэй буян бү холодог.

* * *

Улаахан бэриингэй сайнай дээжэдэ
Унтархагүй угаа хараһан
баабайн этигэлээр,
Бэриингэй шанаһан сайтай аягада
Буян хэшэгээ таниһан
эхын жаргалаар

Үүрэй толон уурал һабанан,
Үдэрые хүлэн, тогоодомни салгидана.
Нараар дүүрэн талымни амисхал
Наһандамни хүрэхэ тамир асарна.

3

Улалзаһан галайнгаа
дүлэнэйн баярые гайхахадан,
Хүлгүү үдэрнүүдыем амаршалнашье гү?
Улаан наранаар
сайгаа һорон шэбшэхэдэм,
Хэрэгни хэлэгдээгүй үльгэрни гү?

Ажалдаа яараһан нүхэрөө үдэшөөд,
Арбагар саһанай ёохор һайхашаанаб.
Саһан сагаан дэлхэйһээ һаргаад,
Саашалһаар орхихон мүрһөөнь уярнаб.

Ажамидаралай хүлдэ – далинууд мэтэ
Амгалан ажалайнгаа тэмсэл руу тэгүүлнэ.
Хүбхэлзөөд саһан, хүгжэм мэтэ
Харгынь талаан тухай шэбэнэлдэнэ.

* * *

Захагүй мүнхэ байдалые ябталаад,
Хэнэйшье мүр өөрын хуулитай.
Сагай нэгэ нюуса нээгээд,
Харгышье һаа, өөрын заяатай.

Эрьюулгэ тойроһон түхэрээн зүргэшье
Эхэнэр хүнэй
заяан тухай хөөрэхэ.

Ээрсэг мэтэ эрьелдэһэн дэлхэйшье
Ээрэһээр нооһоо
 нажаһан эхые һануулха.

Эхэ болоһон миниишье эрьюулгые
Үлгын дуута
 нойргүй хүнинүүд гэршэлхэ...
Энэ дэлхэйдэ минии зүргые
Үнэн гүүлэхэ
 дэнгэймни гэрэл баталха...

Сагай орхиһон
 сараа мүрнүүдшье хаа,
Тамалхадаа баһал өөрын хуулитай.
Саһанай хайлахада
 хосорхо зүргэшье хаа,
Дуулахадаа баһал өөрын удхатай.

Тиимэл хадань хүнээ дууһан
Саарһан дээрэ
 мүрөө орхихые хүсэжэ,
Тэсэбэри дүүрэн зобожо һууһан
Сэдьхэлни унадаг лэ
 зоной зүргэ боложо...

* * *

Хуугайлһан заводуудай уушхан сооһоо
Агуу сагай хүгжэм зэдэлүүлхээ,
Һодоео хүсэһэн эрдэм ухаанһаа
Ажалай дэлисэ абажа гарахаяа –

Нэгэн мүнхэ урасхал болоод,
Нойрһоонь һэрээнэ хотоёо зомнай.
Урагшатайл байг ажалайнь дэлисэ
Арадай дуун боложо ургатараа.

Саһан дуулана...
 Саһаншые хадаа
Саг сагтаа өөрын дуутай.
Саһан дуулана
 сагаан замай
Залуур тухай, хүнүүд тухай...

4

Айлшанай ерэхые галнай зүгнөөд,
Аляа миихээмнай нюураа угаагаад,
Арзаяа нэрэнхэй
 эмгэн таламнишые
 үнинэй хүлээнэ.
Нүхэдэйнгөө дүхэригтэ мүнөөшые абтажа,
Наран мэтэ нютагайнгаа түхэл шарайлжа,
Анханайнь намтарые
 домоглон түүрээхэ
 хүсэл түрэнэ.

 Ай, бурхан...
Гааһатай тамхья хорон, хорон,
Галаймнай заяаша – үбгэд маһалзана хэбэртэй.
Шогууша нүхэдни дүхэриг татан,
Шогложо намаяа наадалнашые янзатай.

«Тас-няс...»
 галнай шомшорно...
Һониноо дууһыень
 хөөрөжэ үрдихэ шэнгеэр
Аргагүйл галайнгаа зугаалшахада баярланаб.
Айлшаар нүхэдэйнгөө ерэхэн мэтээр
Хүндэшэ заншалаар галаа хүндэлнэб.

* * *

Зүүдэндээ намаяа басагадни дуудана.
Хүнжэлынь заһажа, магнайень тааланаб.
Хоюулан тэбэрилдээд, нойртоо дарагдана.
Зүүдэндээ ташаганаса энеэхэдэнь энхэрнэб.

Улаахан хоер ленхобо сэсэгтэл –
Уралынь шомбойлдоод,
хөөрхэн гээшэнь!

Хүнжэлыем хэһэжэ, һэрэзхые һэдэдэг
Эмгэйм гарнууд ойндоом һэргэнэ.
Һүни болотор унтангүй зобоодог
Эсэбэритэйш гээд, унтаанагым гайхана.

...Хонгор жаргалайм зүүдэн мэтэл –
Хурьган хүнжэлөө
үгылхэ гээшэмни!

«Булжамар мэтэ орой унтаха
Үльгэршэн хүнэй жама юм.
Үнэгэн мэтэ эртэ һэрихэ
Бэри хүнэй табисуур юм», – гээшэнь

...Зүүдэндэм хоргодоһон наран мэтэл –
Зүрхэндэм мүнөө
зэдэлшэһэн дуумнил!

О, эмгэйм...
Нойртоо дарагдадаг наһам үнгэрөө.
Наранаар бододог хаһам ерээ.
Хэрэг, ажалайм захигүйнь гайхалтай.
Хүнэй мүнхэдөө унташадагынь харамтай.

Наананаб мүнөө,
нэгэтэ хэлээшыеш:
«Бээлэйн шэнээн бэемнай – һүүдэр,
Бараг гэдэг зөөримнай – шүүдэр,
Ажабайдалнай баһал
зүүдэн», – гээшыеш.
Басагадни теэд, хэлыш, һүүдэр аал?
Абарал эриһэн байдалнай зүүдэн аал?

Ажабайдал –
үдэрые асарһан
Үе наһанаймнай мүнхэ улыгэр гэнэб.
Үхэлгүй үдэрнүүд ерэнэшые, ерэхэшые...
Хэтын жаргалай
мүшэтэ харгын дуун
Хүнэй бэе бээлнэ гэжэ мэдэнэб.
Хүмүүни дэлхэйдээ түрэнэшые, түрэхэшые...

Хүлисэ, эмгэйм...
Сэсэ буляалдахаа хүсэнэгүйб эндэ
Сагые абарһан шиниим наһан хэлэнэ.
Үри хүүгэдые үргэжэ нэгэтэ
Удхатай болгоһон байдалшни һургана...

5

О, байдални!
Заабол золтой ябахам гээд,
Зон нүхэдөө доро дарангүй,
Бэрхэшээл ехэтэй байдал гээд,
Бархиран нагад гэгэжэ һуунгүй –

Гай болошобол, наһаа дурадхадаг
Эхэ хүнэй жаргал эдлэлсэнэб.
Гасалан гээшые таматай жэшэдэг
Эсэбэри ехэтэй зоболон амсалсанаб.

О, үе сагни!
Гайхалаар дүүрэн байдалдаа дашуурбал,
Эрхэлжэ шамда гэмэржэ ябахагүйб.
Гүйдэл дундаш ургалжа шадабал,
Эд зөөриие шамһаа нэхэхэгүйб.

О, үе наһамни!
Өөгшөөжэ намайе үргөө һаашни,
Өөрынгөө ашаае шамда тохохогүйб.
Өөдэгүй тулюур гүүлээ һаашни,
Өөдэшни татаха зоригоо мүхэхэгүйб.

ХОЁРДОХИ БҮЛЭГ

Буряад ороноймнай зүг бүриһөө урдан байдаг гурбан зуу гаран гол горьход аян замдаа уулзан нэгдэхэдээ, ехэ мүрэнүүд боложо, Байгал далайдаа шудхан ородог. Тиимэһээ Байгал далайгаа буряад араднай нютаг, нютагуудайнгаа нангин хүлдэ мэтээр хүндэлдэгшье, тахидагшье байха юм.

Автор

ЭХЭ ОРОН

Нарьдагһаа эхитэй
 хадын дошхон горьход
Сагай үймөөнһөө замаа сэбэрлэнээр:
Гасалан гээшые
 мэдэхгүй эдэ мүрэнүүд
Гайтай үндэр заяагаа гайхуулһаар –

Байгал далайдаа зорижо ошоһондоо,
Зэдэ мүрэмни долгинуудайнь нэгэн
 гүүлэн юм гү, үгы гү?
Бэрхэшээл ехэтэй замые гаталһандаа,
Буурал баабайдаа сэгнүүлэн юм гү,
 үгы гү?

Үндэр хүлэгүүдээ
 соройлгоод эндэ,
Үльгэрэйм одоол баатарнууд шэнгил.
Дабташагүй мүнхэ
 симфони мэтэ,
Дууша гээшэнь ханашагүй байбал.

Иимэл хадань
 түрэл арадни
Дуушанай сэдхэл түрэнхэн алтай.

Иимэл хадань
аян замынь
Домог түүхээрээ суурхаа ёһотой.

* * *

Хүсэлөөр найхан найдалби гэхэдэм,
Үбгэн Байгални
этигэһэн юм гү, үгы гү.
Хүн зонойнгоо үнэнби гэхэдэм,
Үбгөөмни мэтээр
өөгшөөгөө юм һэн гү, үгы гү.

Хада хабсагайе хамха сохиһоор,
Байгал руугаа
тэгүүлжэ ябахадаа,
Зэдэ мүрэн байһанаа
нэгэнтэ бэшэ
мэдэрээб өөрыгөө.
Хэн байһанаа мэдэхэ хүсэлөөр
зобооб даа
харгы замдаа,
Зуугаад жэлые ахиһаар
ерээб шамдаа
гэхэдэмни одоо –

Үбгэн Байгал һахалаа шобтороод,
Үндэр магнайгаа эльбэжэл байгаа.
Мянган ондоогоор шарайгаа хубилгаад,
Магтаад орхихогүй, шэртэжэл һуугаа.

1

О, эмгэйм!
Нэгэтэ түлиһэн гуламтыеш һэргээгээд,
Байхаараа галаа тахинаб, һүгэдэн.

Нүхэдөө суглуулжа, дүхэриг татаад,
Бархиран хагад байдалаа магтан –

Хэлэхэ юумэнэйнгээ олонһоо ээрэнхэй
Хөөрөжэ нүхэдтөө үрдеггүйб залуудаа:
Байдал тухайгаа...

Байдал соохи

жаргал тухайгаа.

Хүгтэй зугааша галһаан дутуугүй
Хөөрэхэ юумэм захагүй һэн одоо:
Бэлиг тухайгаа...

Бэлиг соохи

зоболон тухайгаа.

* * *

Һаял түрүүшынхиеэ Москва ошонхой,
Хөөрэлдэжэ Пушкинтай
хүшөөгэйн урда
шалгалта бариһанаа;
Нүхэдэй дүхэригтэ дуратайгаар абтанхай,
Нютагаа магтажа,
атаархал, гайхал
нүхэдтөө түрүүлһэнээ;

«Хэмши?» гэхэн асуудалдань одоо
Талын хүнби гээд,
омогоор харюусаһанаа;
Хаанаһаа ерэхэн, хайшаа зориһоноо
Талын хүнэй
ёһо заншалаар хөөрэхэнөө;

Бултанай ёһо жамые сахинхай,
Хубилжал байдаг
байгаалинь гайхалтай юм гээд,
Хизааргүй ехэ далайһаа угтай

Баян дайдынъ
хэшэг хэмжүүргүй юм гээд,

Хангай хүбшэ тайгын орон –
Хурамхаан, Баргажан тухайгаа хөөрөөб.
Хилэн хүхэ хилыень хараха
Хубитай хүн түрөөгүй юм гээб.

Мүльһэтэ далайһаа эхиеэ абahan
Хазааргүй хүлэг – Баргажанаа магтааб.
Мүнхэ сэбдэг амисхалда туулгаһан
Хүйтэн шуурган тухайнь домоглооб.

Барга сагай ёһо заншалаар нэгэтэ
Харида хулуулгажа,
бэри болоһон
Баргажан мүрэмни
Булгиһаар гэдэргээ сухариһан юм гэдэг.
Хадамайнгаа зүгһөө
тахил табижа,
хүлисүүлээд Баргажамни
Буян хэшэгээ абажа ерэнэн юм гэлсэдэг:

Хоер эрьез тайгаараа хүбөөлөөд,
Тэбэри дүүрэн
алтаяа сасажархеод,
Хүдэр баатар – хушануудаа жагсаагаад,
Түмэн наһанайнгаа
утаһаа хубаалдаад –

Мүнөөшье
Баглагар сагаан хөөһэ бушхуулһаар,
Мүнгэн долгидоо
сахилгаан шэнгээр сахилуулдаг,

Манхан огторгойн хүлэгийг шэшэрүүлнээр,
Байгал руугаа
барас шэнгээр дэбхэрдэг.

* * *

Баргажанайм шэмэрүүн үбэлэйн шэрүүнхээ
Шулуун болоод,
нийдэл дундаа
шубууд унадаг юм лэ.
Баргажанайм дулаахан нажарайн үбэрхөө
Шад улайхан
хасараа алирhad
сэлсэгнүүлдэг юм лэ.

Наадаха дуратай алая хэрмэдээрын,
Модонhоо модондо ниидэхэн булгадарын;
Нарантай үнгэ буяалдан үнэгэдөөрын,
Модые альгадажа унагаадаг хүсэтэнөөрын;

Хатарша, дууша дангина түрэлэй
Сэбэр тэгшэ дууша наhадаарын;
Хүбшыг дорьбооhон бугын дуунай
Субаса болоhон бүтүү буртагарын

Һонирхуулжа шадахан юм гүб, үгы гү,
Атаархал дүүрэн нүхэдни гэтээ.
«Хүн бүхэнтнай шүлэгшэн ёhотой гээд,
Аргагүйл шүлэгөө уншыш», – гэлдээ.

Һанан дурсан, хөөрэжэ һуухадам,
Һаруул һайхан зүүдэндэмни мэтээр
түхэл шарайгаа
намда танюулхан алтай?
Бэринь боложо, гуламтын мүнөө тахихадам,

Бэхинээ бэхи хэрмэмни мэтээр
Дархан сахюусань
харуулдамни зогсонхой.

2

Хадын хүбүүдые гайхуулхан юм гүб, үгы гү,
Хүсэлэйнгөө далида
найдаад эндэ
хөөрөөгөө эхилээб.
Хаашуулай ехэ орон юм гээд,
Хадын орон –
Түнхэн, Ахынгаа
домогһоонь эхилээб:

Дэлхэйн хуурмаг болохоо байхада,
Үнэниие аршалһан Гэсэр тухай,
Үнэн хэрэгэй дайгаар дарагдахада,
Тэнгэридэ хэлмынь харагдадаг тухай,

Гушан гурбан мундарга болошоһон
Гушан гурбан баатар тухайнь,
Гал гуламтаяа нангинаар сахиһан
Гурбан һайхан хатанар тухайнь,

Дайсанай довтолбол, хүнэй бэе бээлжэ,
Дайе даража,
даагаа хүлдэдэг
Мүнхэ Сарьдагаа*,
Наһанай утые сэрэгшэ хүбүүдтээ үреэжэ,
Нютаг орондоо
мүнхэ нэрые
үршөөдэг Саяанаа**

* Мүнхэ Сарьдаг – уулын нэрэ

** Саяан – уулын нэрэ

Хэнгэргэш боложо агшан зуураар хубилхыем
Хэшээжэ намаяа
зүбшөөгыш гээб.
Дагестанай хүбүүдые гайхуулха гэхэн хүсэлыем
Дэмжыш гээд,
ооголон дуудааб.

Домогым теэд, сэгнээ юм хэн гү, үгы гү,
Домогто уулаараа
түрэлһөө түрэлэлди гэлдээ.
Дүүмнэйшые – эгэшэмнайшые гэхэн юм гү,
Дагестанай хүбүүд
айлшалжа ошохыемни
нютагтаа уряа.

3

Нулимсаа аршан, хөөрэжэл һуугдаа,
Нүхэдэйм нюдэд баһал уһаташоо.
Һаруул һайхан
талынгаа шарайе
таняад эндэл –
Һаял һэрижэ,
хүнэй дайдаһаа
эльгэлээшэм энэл:

Хун сагаан хонидойм нооһондо
Үүр хираанаар мүшэдүүд хоргодоод,
Үглөөнэй наранаар үнээдэйм мөөрөөндэ
Хүлэг поездын хуугай шэшэрээд,
Унайгаа ууюулһан талым зэрэлгээн
Огторгойн мүшэдые адуулжа тэниишэнэ.
Улалзаһан түүдэгтэл тэрэнгийн дүлэн
Оршолонгой асуудалаар ухаам урилдуулна.

Амгалан сагаймнай бураздаа татагдаад,
Булд агтын суурян хүнхинэнэ.
Ажалша үдэрэй хүлһөөр уһалагдаад,
Баярай илалтаар таламни сууряатана.

Тэнгэри өөдэ ажаמידаралай хүүргыг
Дуугаараа табидаг жэргэмэл дэгдэшэнэ.
Наран өөдэ таряанай зүргыг
Залаагаараа зааһан хилгана долгилшоно.

Һудаһан мэтээр ханаабууд татагдаад,
Зэрэлгээтэ талым зүрхэнэй сохилшохоодо,
Һэрюу татаһан һөөгүүд нютагжаад,
Захагүй сэсэрглигэйн мүндэлжэ эхилхэдэ,

Тоохон-дэлһээ манан мэтээр
Адуун хүрэгэй орхихон зэрэлгээндэ
Талымни һүлдэ-харуулшан шэнгээр
Ангаһан зумбараагай шомшорон сомсойхоодо,

Нютагтам үнгэрһэн балшар наһыемни
Эльгэ дүүрэн горьхоной угтахда,
Эхэ талымни торгон пулаадыг
Надхуулһан һэбшээнэй нугада буухада,

Замайнгаа зүгыг олоһон горьхоной
Тэбдэһэн урасхалшыг гэнтэ дуулашана.
Дууень дэмжэһэн хөөрхэн сэсэгүүдэй
Зугаа-наадан, ёохор наяршана.

...Хүүгэн наһыемни хүгжэмөөрөө аблаад,
Шэжэр мүнгөөр гэзэгыень шэмэглээд,
Хүхюүхэн энэ горьхон
хүтэлөөд ябашаба аал?

Хойноноонь гүйшэхэдөө али
бусааха хүсэлни аал?

Нюдэднөөм баярай нулимса урилдана,
Нашан бүргэдтэл зүрхэмни элинэ.
Нютагаа ханахан
үншэрэлни энэ гү?
Нараяа дахахан
али заяамни гү?

...Уһанай хоер эрье зубшаад,
Уг гарбалайм нэеы гэрнүүд
Урдажа ябаһандал
гэнтэ үзэгдэлэй.
Унайнь үнэрһөө
хамарни зохолшолой.

Нюдэндэм энэ зураг харагдаад,
Нулимсаа аршажа дуугай һуугдаа.
Нютагайш шарайда
Азияа таняабди гээд,
Нарата Казахстанай
нүхэдни уяраа.

* * *

Ульгэршэ үбгэдэй түүрээдэг жэшээгээр
Ульгэрэйнгөө удхаар
үнэншэһэн нүхэдөө
һүрдүүлһэн юм гүб?
Шүдхэрөөр дүүрэн ульгэрэй мүрөөр
Шогшодог хаһаа
морин-эрдэнитэй али
сасуулһан юм гүб?

...Талын шуурган засагаа абабал,
Арьяатан мэтээр хүниие залгихаар
аашалхадаа одоо
гайтай юм гээб.
Ангаһан талын хуулияа сахибал,
Тэнгэрийн бурхадай гэнтэ сошохоор
Амин шүүдэршье
унажа үрдингүй
хаташадаг юм гэлэйб.

Зэрэлгээндэ мэхэлэгдэжэ, тархья эрьебэл,
Зүгөө алдахаш гээд,
талаяа зэрлиг гээб.
Хүхирэ, ооголо – хэншье туһалхагуйл,
Һөөлдэһэн мэтэ
сууряаншье гарахагуйл гэжэрхёоб.

Талын хүнэй хуби заяан
Эмнигэйнь һонор,
хурданһаа дулдыдадаг.
Туруунайнь табараанда заяагаа найдан,
Эмээл дээрэ
наһаа үнгэргэдэг.

Тиимэһээ талын хүнэй хажууда
Морин эрдэнийн һүлдые дарабал,
хэншье хүлисэхэгүй гээб.
Түмэр моторой хүсые эндэ
Моринһоо үлүүгээр магтажа одоол
огто болохогүй гээб.

4

Тэмсэлдэ унаһан талын бүргэдүүдээ
Тоолохо болоо һаам олон...
Түрэ, нараяа аршалһан баатарнуудаа
Домоглон дуулаһаар лэ байгаалиньшье өөрөө...

Мүшэдэй туяада – замайнь утые,
Тэрэнгийн түүдэгтэ – дүлэтэ бэеын,
Мүнхэ огторгойдо – унадаг хүлэгийн,
Талын хонхосогто – тулалдаанайн шангы,

Хилганын үзүүртэ – харбаһан годлиинь,
Талын шуурганда – шэбшэдэг бодолын,
Дэгнүүл бүхэндэ – дэрлэдэг эмээлын
Хазаарай ханхинаанда – гүнгэнөө дууень

Шагнажа, хаража нурахын түлөө
Холые хунгажа, ерээлби нүхэдни.
Шүлэг уншахыем яруулһанай үлүү –
Харюу бэдэрһэн асуудални олон.

* * *

...Ород эхэдэ эжыгээ танилгам
Ямар ехэ шагнал – буян һэм!
Оршолонгой удха тэндэһээ бэдэрэлгэм
Ямар ехэ хуби талаан һэм!

Олон яһатан нүхэдым дүхэриглүүлээд,
Сэдьхэл ухааемнай шэрэжэ нэгэдүүлээ.
Омог дорюун зориг түрүүлээд,
Сэдьхэл соомнай Ази, Европые ябталаа.

Хүсэл, дуунаймнай тоонтонь боложо,
Угтан абаһан Герценэй гэр*,
Унаган дууемнай хүлэг болгожо,
Урилдаанда табиһан Тверской бульвар.

* Герценэй гэр – Литературна институтдай байшан

Һүнийимни зүүдэн, үдэрэйм һанаан
Үнидэ болошоод, даллаһан зандаа.
Хүлгөөтэй, шууяатай нүхэдэйм ооголоон
Үүдээрни мүнөөшье адхарһан зандаа.

Айлшанай ерэхые
зүгнэн галнай
Мэхэлээ аал,
хүлэг нүхэдни!
Алдарта Байгалаа
магтажа шадаагүйдэм,
Маргаа гүт, али
һэжэглээд нүхэдни?

5

Түрэл арадайм
сэдьхэл, шарайе түхөөһэн
Тунгалаг һайхан Байгал тухайгаа
Хөөрэхэл байгааб,
үгэнүүдни теэд дуталдаа –
Хараагүй хүндэ зураглахань хүшэр һэн.

Шүрэтэнһэн хүрөөтэ Байгалай урда
Шүлэгшын үгэ
досоогоо бүглэрдэг юм гээб.
Дуран тухайгаа хөөрөжэ шадахагүй
Дурлашаһан басагандал
улайжа, сайжа болооб.

Байгал далайгаа дошхон юм гэхэдэм,
Барас хүлэгтэнь
шэдүүлжэ үзөөгүйт;
Сахилгаан шэнги омог юм гэхэдэм,
Сагаан дэлһэнэйнь
самнаае хараагүйт;

Нийдээн соогоо тэнгэрийе
шүүрэдэг юм гэхэдэм,
Халхинайнь урдахаа далбагаа задалаагүйт;
Нидэрээн соогоо хабсагайе
сабшадаг юм гэхэдэм,
Хэлмэ – туруунайнь бутархые гайхаагүйт;

Эрьеэ нэшэн, турьян
заададаг юм гэхэдэм,
Эмниг хүлэгие ургалжа үзөөгүйт;
Мянган үнгөөр зүһөө
хубилгадаг юм гэхэдэм,
Мүрэн горьходойнь шарайе танихаагүйт;

Задарюун шангаар дууладаг юм гэхэдэм,
Зоноймнай дууе
шагнаагүй байгаалта;
Одоол шүлэглэн хөөрэхэ аад лэ тэндэ –
Оройдоол дуһалайнь
суурьян байгаалби тиихэдэ.

...«Задарюун дуутай дуушан хадань,
Үльгэршэн гэдэгтнай,
зүб лэ даа», – гэхэл һэн нүхэдни.
«Залууһаа залуу далай байхадань,
Үбгэжөөл гэхэдэтнай,
гайханалди », – гэхэ бэлэйл тэдэмни.

6

...Үлбэр үлэн һүүдэрээ даажа ядаад,
Угсаатамни ангахадаа,
нютагаа урилһан юм гэдэг.
Жаргалай түлхюур – уһа бэдэрээд,
Зүүдэндээ мэхэлүүлһэн
нэгэ домогтой юм гэлсэдэг.

Үбэл, зунгүй бороотой намжар
Үрэ жэмэсэй
 нютаг бии юм гэжэ этигээ.
Үхэлгүй наһатай хүнүүд тэндэнь
Удаан жаргал
 эдлэдэг юм гэжэ ханаа.

Үргэн ехэ голоо зубшаһан
Үзэсхэлэн хайхан
 сэсэрлиг – зэрэлгээн
 даллажал байгаа.
Үхэлэй һүүдэртэ хүтэлүүлжэ ябаһан
Үлэн һүүдэрнүүд
 дэгнүүл болон
 унажал байгаа.

Улайн мұрые алдангүй мүшхэхэн
Сүүбэн шононууд
 шүлһөө һайран,
 шогшожол ябаа.
Утынь харгыда абарха гэхэн
Сахюусанайнь орондо
 хирээгэй найр
 наяржал байгаа.

* * *

Хүйтөөр угтаһан хүнэй дайдаһаа
Һүрэг угсаатанайм
 һүлдэнь мэтэ
 заяашань алтай –
Таяг тулаһан үбгэниие золгоходоо,
Тама болоһон
 тоонто нютагаа
 орхёобди гэлдэлэй.

«Түрэн дайдахаа хулжажа гараад,
Далигүй хүсэлдөө хэнэй хүбүүн
хэн абаруулаа юм?
Жаргалаа дархалха табисууртай аад,
Дэлхэй дүүрэн бэдэрээд тэрэниие
хэн олоо юм?..

Хүниие хүлээжэ, угтаад абадаг
Бэлэн жаргал үгы юм лэ.
Хүнүүд лэ өөхэдөө
жаргалаа дархалдаг –
Бурханай үршөөхэн
бэлигтэй юм лэ.

Бусагты хөөргөө хүн зомни,
Бууса тоонтооон хүлисэл гуйгты.
Байдалаа зохёожо,
түбхинөөд арадни,
Худал нурагы
бү шагнагты...»

Зобобол жаргал ологдодог гэлсээд,
Заяамнай өөрөө
энэл гэлдээд,
тэдэнэр этигээ ха.
Үбгэжөөлэй үгы юрөөлдэ тоолоод,
Үгэ дууламгай
угсаатамни тэрээндэ
эндэ найдаа ха.

...Бүхэтэр нюргаа тэниилгээд үбгэжөөлэнь:
Таягаа хаяжа,
залууһаа залуу
болошобо гэнтэ.
Булагай үһандал найбарлаба нахалань:

Дахаһан зонойнь
ундые харяаха
уһан мэтэ.

Зобожо нютагаа бусахадань теэд,
Хубхай халзан
талань гандаад,
үнидэ хоһоршоо.
Засагаа абаһан оршолон лабхайгаад,
Хада ууланьшые
бүхэтэр боложо,
добонууд болошоо.

Зоной эзэн – үхэл болонхой:
Уһанай үгүдэ
ами наһан
яагаад абарагдалай.
Зүүдэн шэнгээр найдалынь унтаршалай:
Үлгы тоонтодоо
яһаа табиха
азатнай гэнхэй.

Зайгуул үбгэн мэхэлээ гэлдээд,
Шулуудажа хойноһоонь,
зоной гэмэрхэнь
олошоржол байгаа...
Дахижа нютагһаа ябаха гээд,
Тамир, зоригынь
үхэлдэ мэдүүлээд,
үнидэ урбаа.

Үбгэжөөл урагшаа, урагшаал жүдхэнэ,
Хүнэй хараалда
гомдохоошые һананагүй.
Хэнэйшыеб шулуун нюргыень тудана,

Үйлын үриие
дурдажа зондоо
хануулха дурагүй.

Үбгэжөөлнай одоошье зоноо дахуулаад,
Бартаа хабсагайн
хормойдо асараа ха.
Улаан зүрхээ сээжэһээн ходоолоод,
«Байгални» гээд,
газар шабажархео ха.

Зүрхэн сооһоонь булаг мандаад,
Аршааниинь гэнтэ
шанха өөдөө
сохиһон гэхэ.
Сошоһон хабсагайшье шэшэрэн хүнхинөөд,
Агшан зуураар
захагүй далай
хүльбэршөө ха.

Нүрдэһэн зоной гэдэргээ гүйлдэхэдэ,
Үбгэжөөлнай далайдаа
гансаараа
үлэһэн юм гэхэ.
Нахалайнь уһан дээгүүр самнахада,
Үндэр долги
сахилзаад,
эбхэршоо юм ха.

Эндэл далайн мүндэлхые гайхаад,
Угсаатамни
дууша сэдхэлтэй
болоһон юм гэдэг.
Энэл даа, жаргалаймнай түлхюур гэлдээд,

Үбгэн Байгалдаал
сэдьхэлээрээ сэбэр
ябахыг оролдодог.

7

Гуламтынгаа дэргэдэ нүхэдөө суглуулжа,
Дүүрэн сэдьхэлээр
хөөрэлдэхэ гэнэн хүсэлни
Нютагтайм холбохо харгы боложо,
Нютаг руум
зурын хунашалай.

Гуламтынгаа галһаа гэрэл носоожо,
Дэлхэй дүүрэн
дуулаха гэнэн зоригни
Нэгэн мүнхэ дурамни боложо,
Нютагайм богоньег
тэбэрин унашалай.

Зориг, хүсэлөө дуудажэ эхилхэдэм,
Жэргэмэл болоод,
дэгдэн дуулашабал.
Өөгшөөжэ дууень шагнаад хажашахадам,
Өөрымни зүрхэн
жэргэжэ байбал.

ГУРБАДАХИ БҮЛЭГ

Хүн гээшэ үтэли наһанайнгаа нойргүй хүнинүүдые эбхэжэ хэбтэхэдээ, дэмы бэшэ үхибүүн ябаһанаа, залуу наһаяа ойндoo хэргээжэ, наһан дурсадаг. Тиимэһээл тэрэ хари газараар хуби заяагаа, жаргалаа бэдэрээд, үбгэрхэ, хүгшэрхэ сагайнгаа ерэхэдэ, хэзээ нэгэтэ яһаа хаяхаяа тоонто нютагтаа бусадаг нэгэ табисууртай хаяа.

Автор

ТООНТО

Дуунай далайда хүрэхөөр мордоходоо,
Дууша Зэдынгэй найдалынь
 болоо хэн гүб, үгы гү.
Дошхон солгёо абариинь абахадаа,
Дабшажал ябадаг зоригтонь
 хураа хэн гүб, үгы гү.

Сая сагуудые үргэлөөд дууладаг
Урасхалынь байһанаа
 нэгэнтэ бэшэ мэдэрдэгби.
Золтой наһаа зондоо үршөөдэг
Юрөөлэйнь һайханда
 хүртэлсөөб гэжэ этигэдэгби.

Эндэл дуһал мэтэ зүрхэн соогоо
Дэлхэйн һайхание ябталха гэхэн
 шуналда аблуулааб.
Эршэн дундаа һалхи үһэрхэдөө,
Далайда хүрэхэ замыень агшааха
 хүсэл түрөөб.

Тийһэн лэ хадаа үе сагуудай
Уриншые, шэрүүншые
 һалхи үһэриһэн зандааб.

Тиийнэн лэ хадаа Зэдэ мүрэнэй
Ульгэршэн гүүлэхээр
хуби заяагаа туршааб.

Эхин долгинойнь нэгэн болоходоо,
Далай руу
харгы гарганаб.
Эсэжэ унаха эрхэгүйгөө мэдэхэдээ,
Дабаануудай саанахи
дабаануудые гаталнаб.

Тиимэл хадам Зэдэ мүрэмни
Дуунайнгаа найханни
намдаа үрээдэг.
Тиимэл хадам, Гунзан уулымни
Дабхаряа харьдагууд
намаяа үгылдэг.

1

«Хэзээнэ юрэдөө нэгэтэ далижахадаа,
Дальбараа уурхайдаа үлэдэг юм:
Далитанай табисуурта
гомдоод эндэ
яалайб даа.
Хари газарта жаргалаа олохом гэхэдээ,
Хүнэй нютагаа орхилгон хайшаа юм,
хүнэй дайда
хүйтэн даа», –

Тархидам логшожо, шэхэндэм гэмэрнэ,
Тугаар золгоһон үбгэжөөлэйм үгэнүүд:
«Түрэнэн гараһан
дайдамнай эндэ –
бү уйла,

Түшэһэн бүхэ хэрэм байха», – гэнэ,
Төөдэймни мэтээр толгойем эльбээд.

Нютагаа ерэнхэйб...
Зөөгдэһэн гэрээмнай пезшэн ёдойжо,
Зайран миисгэй оройдонь хажана.
Хүнэй зүргэ харагдахаа болижо,
Һалхинай буутар хамхуул түбхинэнэ.

Гэрээнгэй газараа һарабшалан зогсоходом,
Ямаршые холо һэм
үхибүүн намда
Халзаалайн добо
Гэдэргээ эрьежэ мүнөө ойлгоходом,
Ялбама һайханаар
үзэгдэдэг байгаа гү
ерээдүймни тиихэдэ.

Махажа саанань гарашабал одоо
Үльгэрэй орондо
хүрэшэхөөр һанадаг бэлэйлби.
Мэдэхэ хүнүүдһээм үлүү хүсэтэй
Үльгэрэйнгөө баатарнуудта
үнэхөөрөө зүдхэдэг байгаалби.

Нютагһаа мордоходоо, Халзаалайн оройһоо
Нулимсаа аршан,
бусахагүй шэнгээр хахасааб одоо.
Томоогүй һаһанайм манан соо
Далбагагүй онгосодол
нютагни хойном үлөө.

Ябууд дундаа гэрээ урилжа,
Харгыда ходо
ябаха шэнгээр һанагдаа.

Яатараа тиихэдэ нютагаа орхижо,
Холын аянда
яарагша хэнбиб багадаа...

* * *

Садахагүй һонюуша хомхой сэдьхэлдээ
Далайншые, хадыншые
харгые ябталааб.
Сог мэтэ үбсүүгээ сэлихэдээ,
Даарахааршые, дулаасахааршые
һалхинда үлээлгээб.

Хүсэгдэшгүй ерээдүйе хүсэхэ зоригтой –
Зэдэ мүрэндэл
залуу һаһанайм
солгёое хэлэшгүй.
Хүнэй дайдада хүнһөө нюугаатай –
Зөөри бэшэ,
хуби заяагаа
бэдэрһэмни аргагүй.

Ааяма халуун Азиин губи
Хүлһэнэйм бусалтар
эльгэлэн намайе
жэгнэжэ байгаа.
Ашата эмгэймни мэтээр Росси
Хүлыем дүрөөдэ
хүргэхэ хүсэлтэй
һорижо байгаа.

Нэгэнтэ бэшэ нүхэдэй дүхэригые
таһалжа ороод,
Нютагайнгаа түүдэг мэтэ ябагдаа.
Нулимсашые хадаа хари газарта
нангин гээд,
Нюусаар аршахаа тиихэдэл болигдоо.

Хари газарые найхашааха бүрээ
Нютагайнгаа шарайн сэбэрые гайхааб.
Хари нютагуудай заншал хүндэлхэдөө,
Нарамни гээд, нютагаа ооголооб...

2

Зүрхэмни шэмшэрнэ...
Нулимсааа эшэжэ хасараа улайхагүй
Ажаһуудалайм хилэ эндэһээ эхилээ.
Найдал түрүүлжэ, гэдэргэм табихагүй
Ажабайдалайм наран эндэһээ дахуулаа.

Ульгэрөөр дүүрэн буусаяа шэртэжэ,
Үбдэгөө тэбэрезд нуунаб удаан.
Ульгэрэйм эхин ойндом нэргэжэ,
Утын харгы нуунагтана досоом.

Холбожо гүрэгдэдэг зургаан гэзэгыем
Нэбшээ халхин эльбэн нагад бэдэрнэ.
Хохирой үнэрөөр хамарыем гэжэгэнүүлжэ,
Хүнэй зэргэ ябаһандам баясана.

Надхаһан гэзэгыем олоогүйшые хаа,
Тархья гээгээгүй бусаһандам хүхинэ.
Дуушан хүнэй зоболониие мэдэнэл ха,
Нугаржа, дохижо ябаагүйем тухайлна.

Зүрхэм хашхарна...
«Үндэрэй жаргалые таниһан дальбараада
Уурхайнь юрэдөө хэрэгтэй аал!
Дэлхэйн найханиие сэгнэһэн хүндэ
Тоонтоһоонь түрэл юумэн бии аал?»

Үгы эмгэйм сошоһон абяан
 Зүүн шэхэндэм ханхинан зэдэлшэлэй.
 Үншэн хабһандам тэршэлнэ үбшэн –
 Зүүдэлнэ гүб, залд гэнхэйб.

Нюдэнэйм урда...
 Тахилгатай уулын мүнгэ суглуулһан
 Томоогүй зээгээ эмгэйнэ зэмэлнэ...
 Бурханайнь саахар хулуугаад баригдаһан
 Басаган улайжа, бурхандань тохоно...

Өөрөө өөрынгөө үнэниие аршалаад,
 Шадахысаа хүбүүдтэй
 наншалдадагни һаял бэлэй.
 Өөдэ абадаггүй эмгэйнгээ зэмэлээд,
 «Шамдаал хэрэгтэй
 үнэн», – гээшэнь һанагдалай.

Тэрэ гэхээр үнэниие аршалхаяа
 Тэмсээб даа
 яхала эдир наһандаа.
 Тэмсэжэ бэшэ, үнэн үгөөрөө
 Дайсанаа дараха
 хэшээлшые баһал гарагдаа.

О, эмгэйм...
 Харахыешье харааб, үзэхыешье үзөөб,
 Шамтайм адли хэншые харагданагүй.
 Хүхихэдөөшые, зобоходоошые
 ондоо болоогүйб,
 Шамдам адляар гэмэрхэ
 хэншые олдоногүй.

Ажабайдалыг намдаа удхалан хөөрэдэгөө
Эндэл эхилхэ бэлэйш, эмгэйм!

Сэсэн сэхэ,

мэхэгүй үнэн

үгөөршни анганаб.

Аниргүй нуухал нэм, орхёод арсалдаагаа,

Эсэбэритэй болошоо сэсэ буляалдаан.

Сагай эрьюулгэнээ

мүнхэ юумыг

бэдэржэ сүхэрөөб.

Үйлымни үри –

сансарын шабарнаа

һалгаажа ядадаг

Үе сагнай иихэдээ мэхэшэн аал?..

Үеын үедэ

хүнэй үрийн

табижал байдаг

Үнөөхил асуудал...Үнөөхил тэмсэл...

Саахар хулуугаад,

улайһанһаа өөрэгүй

улайнаб заримдаа –

Эшэхээ болиһон ажабайдал нүсэглэнэ.

Сагта тохожо,

нүгэлөө сагааруулган

заншал болошоо –

Этигэлээ баража, бурхад хилгэнэнэ.

Үбшэнтэйшьг гээшэнь

хүнэй байдал,

байдалай бэрхэшээл –

Үнөөхил алдуу... Үнөөхил хэшээл...

Үйтайшьг гээшэнь

хүнэй наһан,

наһанай хэмжүүр –

Үнөөхил түрэлгэн...Үнөөхил үхэл...

Мянганда хүргэбэл,
 бурханай даабари
 дүүргэхэб гэгэншүү
Маанияа татажал нуудаг бэлэйш.
Һүүдэр боложо,
 төөриһэн амитадта
 туһалнаб гэгэншүү
Һүнээ дууһан бурхандаа зальбарааш.

Бултанай түлөө
 һанаагаа зобобол –
 буян гэдэгшни
Эб найрамдалай эблэрхэ хүсэн –
Энхэ байдалай оршохын түлөө һэн.
Бурхадай үбэрһөө
 хойто үедэ
 жаргал гуйлганшни
Түрэхэн, түрөөгүй хүнэй заяан һэн.
Түмэн маанииншни шэди ехэ һэн.

Шиниингээ һургаал
 дахаһан наһам
 үнэниие бэдэржэ,
Үе сагтаа үргүүлхэм гэжэ оролдоогүй,
Ухаан бэлигээ хэндэшье худалдаагүй –
Шиниингэй агуу
 хэлэн дээрэ
 хабарые угтажа,
Соведүүдэй талмай дээрэ гаралсааб.
Зоной найдал, этигэл дэмжэлсээб.

Һургаал багшалһан
 бурхадайш номнол
 адлирхуул удхаараа –
Зоболон дараха тэмсэлдэ оролсожо,
Золые дархалха шэдидэ этигэжэ,

Хадаг мэтээр
Ленин багшадаа
сэдьхэлээ дэлгээгээб.
Улаан тугуудай намираае амаршалааб.
Ухаан бодолойngoо дали дэлилсээб.

Наһаараа татаһан түмэн мааниеш
Нунаабал, халаг, дэлхэе бэһэлхэл һэн.
Наһаа зорюулжа, хэһэн мүргэлэйш
Хүсэн мүнөөл үхэлые илаха һэн.

Бишье баһал
Өөрынгөө мүргэлөөр энэ дэлхэе
Аршалха шэдиe дуунһаан ололойб.
Өөрынгөө этигэлээр энэ байдалыe
Абарха золоо хүүгэдтээ танилайб.

4

Гэрэймни буусаһаа гү,
сууряан шэнгээр
«Хэмши даа...»
Гайхалтай дурасхал мэтэ танил абьян
Гэнтэ хажууһаам дуулдаһандал бололой.
Эрьежэ харахадам хараһан хүн –
Эсэһэнэй тэмдэг – уршалаа шарай.

«Үдэрөө дууһан,
ай, зайлуул,
һуужал һуухадаа,
Үүри нүхэрэйм зээн гүш даа,
Эндэ һуухадаш, зүмни таана.
Үтэлөөб, танижа бү яда,
Эбэр дээрэм абирдагаа хана...»

Самсынгаа хормойгоор
уһатаһан нюдөө
аршан, аршан,
Сортоотой шангаар энеэжэрхибэ хүгшэмни:
«Жэгтэйл байна даа наһанай ошохонь –
Зүнтэг болошоһон намдаа ханимни
Залуухан зандаа һууһан мэтэлши...» –

Гэхэтэйнь сасуу –
нюдэнэйм урда
агшан зуура
Галаймнай дэргэдэ эмгээтэйм сайлажа,
Сэсэрхэн һагад хүршэмнай зугаална.
Гэрээмнай оболзоно гэхээр энеэжэ,
Самсанайнгаа хормойгоор нюдөө аршана.

Эмгээтэйм сасуу
хүршэнь гэжэ
танибаб одоол:
«Нүхэр һүүдэртэй ябабал, хүүхэм,
Наһан гээшэ захагүй ута юм...» –
Эмгэйм хэлээшэ эндэл тодорлой.
Эгтээ уйлаха дурамни хүрэлэй.

Нюур шарайдань
багынгаа гайхалые
бэдэрээд, олоногүйб...
Арһа элдэһэндэл сагнай талхижа,
Хүниие гасаалхадаа гайтайл ха.
Ажабайдалай эрьюулгэдэ бүхэтэр болгожо,
Хүнэй энеэдэн лэ абарагдадаг ха.

Хониной хоёр
бөөрэдэл дүтэ
ябадаг бэлэйл:

Эмгээнгэй эдлээгүй үлэхэн наһые
Энээхэн үүри нүхэртэнь харанаб.
Ханияа намда хараһан эжые
Хэтэдээ амиды ябаһайш гэнэб.

Уйлан хагад
таалалдаад хоюулан,
үетэнөө нурагшалхадам:
«Абай Гэсэршни адуу манана.
Аламжа Мэргэншни хүүдинсэдэ хүдэлнэ.
Алтан Шагайшни хони харана.
Арюун Гоохоншни нютагтаа багшална...»

Хургаа даран,
тоогүй олон
баатарнуудай нэрые
Бахархал дүүрэн дурдашабал даа –
Наадална гү, харасыень ургалнаб.
Наадалһаншье хэбэр үгыл даа –
Байхаараа оролдожо, байһанаа хөөрэшэбэ.

Даруу номгон
уһанай урасхалдал
зугаалаашань энэ:
Хэнэй хүбүүнэй хаана байдагые,
Хэды хүүгэд, ашанартай болоһониие,
Хэнэй хэзээнэ наһан болоһониие,
Хэдыдээ хэнэй хэн болоһониие

Киолентэ мэтээр
нютагайм һониниие
урдам эрьюулжэ,
Хэзээшье, хайшаашье түрэл нютагһаа
Хахасан ошоогүй мэтэб, одоол.
Нюргамни сүлөөрбэ таабариин ашаанһаа –
Нютагни альган дээрэмни шэнгил.

Хүгшэнэй хөөрөөнхөө
 һэриһэн мэтэ
 һананаб мартаһанаа:
Хүнэй һайниие сэгнэжэ баярладагаа,
Хүнэй мууе даража үмөөрдэгөө,
Эрэл һаань, баатар болгодогоо,
Эхэнэр һаань, дангинатай сасуулдагаа.

Үльгэр бэшэдэнь
 байдалаа үргэжэ,
 үетэн нүхэдтөө
Заабол баатарнуудай нэрэ зүүжэ,
Зүрхөөр үнэн омогорходог бэлэйб.
Үбгэд, хүгшэдые тиихэдэ уяруулжа,
Үймар, худалшан ябаһанаа һаналайб.

Оо, эмгэйм,
 гарһаам хүтэлөөд,
 гэртээ оруулхадаа,
Шамтайм яаһан адлиб үүришни –
Үндэһэн аягаһаань айрагынь уунаб.
Шамтайм адли хэншые харагданагүй гээд,
Үнэн дээрээ дэмыдэ үгэ алдааб.

* * *

«Хүшэтэй гашуун
 айраг уубал,
 заабол хүн
Тэнсэлгүй ехэ хүсэтэн боложо,
Дайсанаа дарадаг байһан юм», – гээд,
Тэнэг намаяа мэхэдээ оруулжа,
Түйсөөр уулгадаг бэлэйл эмгэйм.

Дайсанаа тиихэдэ
 дараа һэн гүб,
 үгы гү,

Тамир шадалаа добтолгодо бэлдэжэ,
Түйсөөр айрагань уугдаа даа.
Хуһан хэлмынгээ эри шалгажа,
Халаахайда одоо добтологдоо даа.

Эмгэйм үгые
баталһан мэтэ
хүшэтэй гашуун,
Хангал айраг хамарыем сохёод,
Зориг тамирайнь хүсэн ямар һайхам!
Хүхын дуута талым хэшэг һайбарлаад,
Зүлгэ ногоонойм амтан ямар һайхам!

Наһандам хүрэхэ
амтан хэшэгэйнь
энэ тамир
Хэлээгүй үгэнүүдтэм хүсэ үгөөд,
Хуби заяаеи дуунтай нүхэсүүлһэн аал?
Һудаһан соом жэрьен дуулаад,
Һайхан, һонор хүсэл бэлэглэһэн аал?

Нара буляалдаанда
шагнал-наранда
хүртэһэн нютагайм
Намтар түүхэ хүгшэнэй шарайда
Арюун зандаа үндэрлэнэ, харанаб.
Амиды ябаһан золойнь түлөөдэ
Намжаа сагаан һаншагыень тааланаб.

Таалажал байхаар
дэлхэйн һайхан
үнгые ябталһан
Ямар золтой наһан бэ!
Дуулажа үрдегүй
дууем ерүүлээд,
юрөөлөө табиһан
Ямар һайхан «намар» бэ!

Аянай галууд
 зэлэ татан,
 агаарта хушуураад,
 Тарган жэлэй орохые зүгнэжэ,
 Доогуур ниидэн, үндэрые абана.
 Түрэнэн нютагтайнь үринэрөө танилсуулжа,
 Дуутай шуутай намтай урагшална.

Наратай намжаа
 гарагай талааниие
 харгыда абанхай,
 Гунзан уулые галууд махажа,
 Ганганаа-гунигаа холоһоо мэдүүлнэ.
 Шара набшын халуунда жаргажа,
 Зэдэ мүрэмни наранай гэзэгые угаана.

* * *

Нэгэнтэ бэшэ
 бургаанан морёо
 зайдаар унанхай –
 Ногоон соогуур нарантай урилдадаг
 Шарай нюсэгэн балшар наһам ханагдалай.
 Намһаа үлүү
 жаргалтай хүн
 үгы хэмнай –
 Нарантай гэрэлээ буляалдажа жэнгиришэдэг
 Шүүдэртэл хонхо – энеэдэмни дуулдахадал гэлэй.

Айл боложо
 наададаг хаһам
 төөришөө аал, хараашалнаб –
 Хүйтэн шабар түнхижэ бодхоон
 Гэрэйм буусада – элһэн добонууд.

Аляархан жэнгирдэг
хонхо сэсэгүүдни
хоргодошоо аал, гайханаб –
Гэшхүүр богоһым эльбэн сухариһан
Хүлэг-долгидни хульбэрнэ саагуур.

Ган гасуурай
засагта мүрдүүлжэ,
Эрьеэ орхиһон Зэдэ мүрэнэйм
Эрэ хонгёо дуунииншые
һөөлдэшөө ха.
Гүйдэл дундаа
ургада орожо,
Эрьеэ нэшэнэр эршэтэ долгинойм
Эмээлээ хаяжа, бухиндаханьшые
орхигдоо ха.

Даажа ядадаг али хүрзым эшэ
Гуурһамни болоод,
сэдьхэлым ургалжа
зобооно аал?
«Гэрэйм» богоһые эльбэдэг долгид
Дуушан болоод,
һалхи үһэрин,
ябашоо аал?

Эрьеэ орхиһон али өөрым сэдьхэл
Эмээлдээ дадашоод,
боро юрьеэн руугаа
бүншэнэ аал?
Энеэдэнэй удхые олоһон наһам
Эрхээд али
байдалһаа эсэжэ,
номгоршоо аал?

* * *

Эльгэн шулуунуудай орон гү гэхээр
Үхэрэй шагай мэтэ
 бүмбэрнэ шулуунууд.
Эгээл иимэхэн үнгэтэ шулуу бэдэрхээр
Ухан руу бухадаг бэлэйб
 үдэрөө дууһан.

Альган соом
 шулуунууд мүнөө
 дулаасанһандаа юм гү,
Арсалдажа нойрмогоор хуурия буяалдана.
Хүнэй нэгэтэ
 анхарал татаһандаа
 сошоо юм гү,
Хуугай табиһаар зүүдээ таһална.

Хэтэдээ хэбтэхээр зэһэнэн шарайдань
Үе сагуудай һэрихые харанаб.
Хүйтэ дааһан досоохи дэлхэйдэнь
Үтэлхэгүй мүнхэ зүрхыень мэдэрнэб.

«Унтуулха гэхэн
 үе сагнай али
 мэхэлбэ аал?
Ухаан, сэдхэлэй буһалгаанда дуратай
Үндэр түрэл манда хэрэггүй.
Ажабайдал гээшэнь
 ямар хашартай
 үйлын үри бэ?
Амгалан нойрыемнай таһалжа һалахагүй,
Амар заяа, сэдхэл амаруулхагүй

Атаа жүтөөтэ байдалнай эрьебэл», – гэлдээд,
Урмаа хухаранги гэншэн гэмэрнэ.

Удхагүй наһанһаан амья бүтөөд,
Альган дээрэм удангүй үтэлшэнэ.

Ажабайдалай
хүлгөөн соогуур
дүлэтэ наһаяа
Һүлдэ-туг мэтээр үргэхын түлөө
Һөөргэнь бусаажа, тэмсэхэл хэрэгтэй гэнэб.
Хүхюутэйшье, гомдолтойшье амин жаргалаа
Һандархагүй зүрхэнтэй һэлгээд яалайт гэнэб.

Уһан руу
хаяһан өөрынгөө
жэлнүүд мэтээр
Шэдэнэб шулуу. Далда ороторынь
Олохон юумэ бодожо үрдинэб.
Шэнхинэн һагад
миралзаһан сахаригуудайнь
эрьмэг дээгүүр
Шулуунуудай, гансал шулуунуудай бэшэ,
Он жэлнүүдэйнгээ оодорхые харанаб.

«Баяртай,
алдуутайшье, жаргалтайшье
жэлнүүдни – шулуунуудни,
Бэдэржэ таанарые, туршагша һэм тамираа
Балшар наһанайм дууша жэлнүүдни!
Дуулажал ябаха золтойной түлөө
Долгин руутнай табибаб, шулуунуудни!

Тэндэ –
атаа мэээншье,
мэхэ гохошье үгы:
Дошхон Зэдымни гүн оёор соо
Дуулахашье, жаргахашье арга бии.

Тэндэ –
хэрэлдээ, арсалдааншые,
хулгай, худалшые үгы:
Сэдьхэлэйтнай дууе хэншые хулуухагүй,
Сэхэ ханааетнай хэншые муушалхагүй.

Дурандаа хэрэһэндэм
хүлисөөрэйт намаяа,
жэлнүүдни – шулуунуудни!
Хэбтэжэ хээли алдадаг зариманһаа
Хэшээл абажа яалайт даа.
Долгидшые хаа, гүн оёорһоо
Дуулаха эршээе абадаг юм даа.

Хойноһоотнай мүнөө
эрье дээрэһээ
сахариг бүхэндэтнай
Харгын талаан хүсэхэ зуураа
Хүлгөөтэ байдалай жаргал юрөөнэб.
Залуу наһантаяа дахижа хахасахаа
Зүрхэнтнай бү аараг», – гэнэб.

Хүнэй наһан –
далайда яараһан
мүрэн гэнэб –
Хүшэр замдань дуун лэ туһалдаг.
Дуунгүйгөөр харгынгаа хахадта хосордог.
Хүнэйшые байдал –
унжагай борохон
урасхал гэнэб –
Дуунтай нүхэсэбэл, зориг ородог.
Дуунгүйгөөр шалбааг боложо тогтодог.

«Тиимэһээл
хайрата минии
жэлнүүдни – шулуунуудни,

Далайда яараһан Зэдэ мүрэнэймнай
Дуушаниинь боложо дүнгөөрэйт заабол.
Таанад,

«амигүй» шулуунуудай
дууе шагнабал,
Дуулахагүйшые хаа, хүн бүхэндэмнай
Дуушан хүнэй сэдхэл мүндэлхэл!

Дуугаал дуулагты, дууша шулуунуудни,
Шэрүүн хүнэй зүрхэншые хадаа
уяржа болохо.
Далай мэтэ аза талаанһаашни
Сүүбэн сагай үһөө нэхэлгэншые одоо
ааража болохо».

6

Һалхинай буухада,
оршолондо төөришэһэн
үүлэд бөөгнэржэ,
Огторгой дүүрэн зөөхэеэ болёод,
Һэлмэ, жадаяа шалгажа тухашарна.
Омог дохёонь
тала дүүрэн
удангүй нэрьежэ,
Ургалжа хойноһоонь дахан намнаашад,
Урдаһаань баһал угтажа сохёошод

Сугларһан хүсэн –
һүлдэ тугуудайнь
хиисээгээр
Сэрэг моридойнь түбэрөөнһөө сошоод,
Сахилгаан – һэлмэнһэнь һүрдэжэ сухарина.
Сэрэгшэ зонойм
дурасхалынь гү гэхээр,
Сабшалдаанайнь бурма сооһоо лужаганаад,
Сууряа – абяаниинь газар дорьбооно.

О, аадар!
зан абаряараа
ямар адлибши,
Түрэхэн дайдаяа аршалжа бодоһон
Түрэл арадайм хуби заяантай.
Тэмсэлэйнъ шангы
аадарай энэ
түргэн борооноор
Хасаг зонойм зүүдые манаһан
Хэтынъ домог һэришэбэ хэбэртэй.

* * *

Зүүдэншье бэшэл ха –
тойроод
тала дүүрэн
Тамга мэтэ хонхосог орхиһон
Сагай тахын мүнхэ сууряан,
Тэнгэриие тулажа одые ургалһан
Сагай омогорхол – арангын толон

Долоон үнгын
һолонгодо гүрэгдөөд,
дэлхэй дүүрэн
Хүшөө боложо унаһан хасагуудай
Һүлдэнь болонхой дуугаа эхилнэ.
Хубирхагүй ногоон субаа хэдэрэнхэй,
Хүбшын модод харуулда зогсоно.

Үндэр наһатай
Гунзан үбгэнэй*
юрөөл мэтэ
Амгалан байдалай дохео татаһан
Уран бугыншье урамдаан зэдэлжэ,
хүбшые доһолгооно.
Ажабайдалай амин хүлдые үргэхэн

* Гунзан үбгэн – уулын нэрэ

Уряал дууниинь оршолонто дэлхэйн
жамые ёһолно:

«Уран дууем шагнахаа ерэбэл,
Ута наһанһаам хүртөөд бусуужан».
Ута наһыем таһалхаа ерэбэл,
Унадаг эбэрэйм наһа абуужан...».

7

Гэсэрэй сэрэгшэ
хүлэгүүд мэтэ
Үе сагые үргэлһэн мүрэн дээгүүр
Үүлэн хүлэгүүд эрьен үүрхэнэ.
Гунзан уулын сэнхир һарьдагаар
Галууд ганганалдажа намаяа үгылнэ.

Мүнөөшье болотор
уулын мундаргые
Махажа ходо зүүдэндээ зоболгом
Жэгүүртэнэй зүндэ али ороо гү?
Жааханайм хүсэл һодоёо хүсэхэдэм,
Мэхэгүй үнэншэ зандаа үлөө гү?

ДҮРБЭДЭХИ БҮЛЭГ

Бэрхэшээл ехэтэй сансарта түрэнхэн амиадай дундахаа хойто түрэлдөө хүнэй бэе бээлжэ түрэлгыг эгээл хайн түрэл гэжэ буддын шажан номнодог. Тиймэнээ авторай ханаашаар литература, искусствэдэ хүдэлдэг хүнүүдэй зариман арад зонойнгоо талыг үнэн зүрхэнхөө барижа шадабал, элдэб эсын зоболон гээшые гаталхаар, үшөө амиды ябахадаа хоёрдохиео түрэдэг.

Автор

МУНДАРГА

Далая зэхэнэн
 бүргэдэйнгөө дунда ябуулха гэжэ
Хадын мундарганууд
 хүсэхэн юм гү, үгы гү –
Агшан зуураар махагдаад орхигдохогүй
Наһанайм холын хүтэлнүүд гэжэ танинхайб.

Дэлхэйн найхание
 орьёлһоонь хараха гэжэ
Хормойдонь ерэдэгым
 дэмжээ һэн гү, үгы гү –
Ахир өөдэгүй хүсэл дүтэлүүлхэгүй
Нангин дуунай мундарганууд гэжэ ойлгонхойб.

Үндэр түрэлтэ
 хаашуулай үргөөн гээд,
Хэдыдээ хэзээн минии угсаатан
Обоо болгон тахижа эхилээб!
Үндэрыг абадаг
 баатарай солодо дурлаад,
Хэды олон хатуу зүрхэтэн
Оройдонь хүрэнгүй, халижа унааб!

Үе сагуудай
 амардаг орон гэжэ
Һанаан соогоо дали урганхай,
Һарьдагынь махагшад олон даа.
Үльгэрэйм эзэн –
 бүргэдэй орон гэжэ
Зүүдэндээ баһал зоридог болонхой
Зоболонто энэ наһамни даа.

Тиимэһээл
 алдуутайшые, урагшатайшые
Алхам бүхэнөө хэшээл болгоходоо,
Аялга дуунайнгаа альпинист мэтэб.
Тиимэһээл
 нойрмог дундаашые
Зүүдэндээ зобожо, мундаргые махахадаа,
Заяата дуугаа олоношые хэбэртэйб.

1

Үгэдэ сохюулжа, мууладаг наһам
Урагшатайл һэн, мүнөөшые урбаагүй.
Үндэрые абахаяа яарадаг хадам
Үншэрэлэй далайшые шалбааг бэлэй.

Мундаргын оройһоо дэлхэе эбхэжэ,
Альган дээрээ мэдэрхээр ябагдаа.
Муулар баһалгада
 хүсэгдэхгүйгөөр үндэрлэжэ,
Арюунһаа арюун
 орон гэжэ һанагдаа.

Оройень нэгэтэ зүүдэндээ махаад,
Дээрэлхүү омогорхойой түрөөгүйдэнь гайхааб.

Оройдоол тооһониинь шэнгээр
өөрыгөө мэдэрээд,
Доошоо халижа,
унан алдааб.

Альган дээрэм багташахаар ханагдаһан
Алтан дэлхээмнай захагүй байгаал.
Наһаараа голодог
мүнөөхил талам
Нүгэлтэйшье хаа,
түрэлһөө түрэлөөр ханагдаал.

Тэсэшгүй гунигһаа амьяа бүтөөд,
Түрэл таладаа буухаар яарагдаа.
«Бурханай орон
хэрэггүй», – гээд,
Бархиран хагад
доошолооб бушуу.

«Түлюур хүн түрэлөө бэдэрээд,
Тама руугаа ошобол», – гэлдээ.
«Тамын хүн
тамадаа жаргалтай», – гээд,
Дээрэһээм мундарганууд
эльгэ хатаа.

Шоргоолжоной бутатад хотомни үзэгдөөд,
Шамарлахаар байдал доромни исална.
Мунхаг ханаандаа
бэрхэээ гайхаад,
Мүнхэбди гэхэн
шоргоолжод үймэнэ.

Шобхо үндэрэй зүрхэнүүд мэтээр
Шулуунууд мухарин, дуулаһаар доошолоо.
Юун тухай
дуулана хаб, мэдэһэйб.
Юугээ бэдэржэ
доошолно хаб, тааһайб.

Хүнэй үриин бэе бээлжэ,
Зоболониим ойлгохоо хүсөө аал?
Хүнэй хүлгүү наһа эдлэжэ,
Золой удха бэдэрхэнь аал?

Зобожо ологдоһон Эхэ орон
Зүрхэнһөө сэнтэй
болошодог юм гэжэ
Һэжэг түрөөгүй шулуунууд мухарин,
Һөөргөө тэхэрихэ шэнгээр
жэрьенэл ха иигэжэ.

* * *

Сээжэм һонор, теэд һэрижэ ядаад,
Шулуунда дарагдаһандал,
харада дарагдааб.
Сэдьхэлдэм бүглэрһэн һүлдээ дуудаад,
Зүүдээ үгэгүйгөөр
таһалжа зобооб.

Энэ түрэлдөө хэлэгүй түрэхэн мэтэб...
Ай, бурхан,
мэдэхэ үгэнүүдни
шулуун болошоо аал?
Эгээлэй нэгэшые үгэ ханажа яданаб...
Ай, зайлуул,
бээмни баһал
хүшөө болошобо аал?

Дүли, дүлиһөөр шашхаһамни энэ:
Айһандаа юм гү,
 «эжы» гәһән
 үгэ һанааб.
Тули, тулиһаар дуугараашамни энэ:
Амин хайрата
 амидын жаргалые
 иигэжэ ойлгооб.

Үгын хүсые эндэл сэгнэжэ,
Үргэһэ нойрогүи нюусыень бэдэрээб.
Үгэ бүхэнэй удхые оложо,
Үе сагайнгаа хэрэгтэ зууршалааб.

* * *

Хуби заяагаа
 бэдэржэ нэгэтэ
 харгыда гарахадам,
Үнэн жаргалые хэншые дурадхаагүй.
Үгын хүсые
 зондоо туһалхаар
 хэрэглэжэ ябахадам,
Хэншые этигэжэ, нааша хараагүй.

Хүнэй урда
 гэгэхын орондо
 дуулажа һурахадам,
Ажабайдал дуунайнгаа шэдиһээ хубаалдаа.
Харюу болгон,
 аргагүйл магтаха
 хүсэлтэй ябахадам,
Ашыемни харюулха басагамни ха гээ.

Дуран соохи зоболон тухай
Дуулаад нэгэтэ
 нулимсаа аршажа
 һуухыем хараад,

Зоболон соохи ажабайдал тухай
Зориг дүүрэн
хоолойн найханаар
дуулахыг шагнаад,

Хүлэг эрдэнийн бэе бээлээд,
Ажабайдални намдаа
үүрхэжэ эхилхэдээ,
Аласай холые гаталуулхаб гээд,
Нүрдэхөөр урдм
соройн бодоходоо,

Тахамал мүнхэн туруугаараа заадажа,
Томоор бодожо нура гээ.
Эмээл, хазаарыг досоогоо багтааж,
Эршэн дундам мордо гээ.

2

«Мүнхэн бүүргэ –
шэмэг намда
бү дурадха,
Махахаа яараһан мундаргадаа яарыш.
Удааржа болохогүй,
харгышни холо,
хүшэр байха –
Урбажа болохо сагнай, шамдыш.

Зөөри суглуулжа
харгы замдаа
бү хаата –
Шадал тамир мүнхэ бэшэ.
Ямаршые хүнэй
тархи эрьюулхэдээ
шадамар байха –
Атаа жүтөөнэй шүүдэр гээшэ.

Харгынгаа хахадта
амархаа ханаад,
эндэ хаатабал,
Зорихон хүн зорилгоо мартадаг юм.
Хүнгэн зугаа,
аляа нааданай
мангар ерэбэл,
Зобооходоо хэрзэги хатуу байдаг юм.

Үсэд заншни үлүү болохогүй –
Өөдэргэн дорюун
унага болгожо,
солодо дурлуула.
Урилдаанда хожомоо түрүүлхэ хабатай
Омог хүсэлэнь
өөртэшни хэрэгтэй,
үгыем дуула.

Үнөө нэхэжэ, бээе бү зобоо,
Дабһагүй нялуун
ажабайдал шамда
һонигүйл ойлго.
Дурлааб гэжэ дуундаа бү урба,
Үндэр зорилгоо
өөрсэ өөрын
харгы болго.

Дуһал дуһалаар шадалыш хорооһон
Утын харгы гэдэргэш табихагүй.
Дууншни баһал арадай болоод,
Угтаад шамайе танижа абахагүй.

Хүшэр абариһаам эсэбэлшни гэнтэ
Үншэрэлэйш гашуун нулимсашье
туһалхагүй.

Урбаад, намайе орхиболшни эндэ
Хилээмээр дутамаг хүүгэн наһаншни
хүлисэхэгүй.

Хэһэн нүгэлыеш нюдөөршни үзүүлдэг
Сэмүүн саг
тулажа ерээ», – гээд,
«Хүгшэн эхынгэй һурган хэлэдэг
Сэсэн үгэ
мартабаш омогорхоод.

Ажабайдал хадаа олон зантайб даа –
Хараажа бэшэ, ойлгожо үзэ.
Ахирдаадшые абахадаа ядахагүйб даа –
Хэрэглэһэн сагтамни дэмжэжэ һура.

Мундаргын оройдо хүниие асараад,
Мэхэлээд хаяхадаа
гайтай гээд,
намайе хараадаг.
Мундарга өөдэ зариманиие мүлхюулээд,
Муутай гээд,
мууем баһал
хүнүүд дурдашадаг.

Дүтыень хаража, дүрбэ хоноод,
Тулиһанаа гайхаад,
хэбтэшэхэдэнь теэд,
хэн туһалха юм!
Сэдьхэл дүүрэн дуулахаяа болёод,
Сагта зариманай
төөришэдэг ахиртань
хэн зэмтэй юм!

Угайнгаа удхые шабартай худхаад,
Уһан дээрэ

түймэртэ абуулхадань
хэн абарха юм!

Эрхэжэ намда, сагые зэмэлээд,
Энгэр өөдэм

аһалдахадань эндэ
хэн хүлисэхэ юм!

Зоригтой ябахадань, хүндэлхэ замдань:

Зоной хүндые

даагаагүй зариман
зүдэржэ хосордог.

Сэхэ үнэн үгэһөө сухарихадань:

Сэдьхэлэйнэ зоболон

удхаяа оложо,
мэдэлдээ абадаг.

Энээниие ойлгохо хүнүүд үсөөн:

Шэлэгдээ хадаа

бэрхэб гэжэ
ама бү гара.

Эгээлэй борохон шунал эрээн:

Шоо үзүүлжэ,

нэрээ хухаранхаар,
яһаа хухара.

Сэсэн сэдьхэл зоной гэдэг:

Сэдьхэлэй ухаае,

һэшхэлые хүндэ
эрдэм бэлигшые олгохогүй.

Үнэн үгэ дэлхэе шэшэрүүлдэг:

Үгэ соо

хоёрдохи түрэлөө
олохонь бэрхэ, ойлгоорой.

Тиимэһээл хэтын хэтэдэ хүнүүд
Тэрэл мундарга өөдэ зоридог юм лэ.
Бүхы сагуудай нюуса гэгдээд,
Богони наһанайнь уряал юм лэ.

Нангинһаа нангин мундаргые махаад,
Сэдьхэл дүүрэн ябагдаха гэжэ бү найда.
Наһанайнгаа хярада хүрэхэһөө урид
Сагые ахин, хоердохиео түрэдэг юм тэндэ.

Түрэхэн үдэрыеш мундарганууд тэмдэглэжэ,
Тэнгэрийн үндэрэй дали бэлэглэхэ.
Хилэгүй мундаргые талатаяа жэшэжэ,
Худа оруулха хүсэл ерэхэ.

Ододые шүдэрлэжэ буулгахам гэхэнтэй
Энэ хүсэлшни адли байха.
Оршолонто дэлхэйн эбдэршэгүй засагтай
Эсэргүүсэн тэмсэхэнһээ өөрөгүй байха.

Зуугаад жэлэй
 голлохо бүхэндэ энэ засагань
Хүнэй зоригые
 туршадаг нэгэ табисууртай юм лэ.
Зүүдэлжэ хэбтэхэн
 нэгэнэйнэ заяае һэрээгээд сагань
Хүсэл түрүүлбэшье,
 хэрэм мэтээр бододог юм лэ.

Гэсэрһээ өөрөгүй
 баатар боложо хүнэй бодоходонь,
Сагынь баһал муугаа харуулдаг.
Гэгээн тэрэ
 мундаргада хүрэхөөр зориходонь,
Сэсэрлиг боложо замдань далладаг.

Тиимэһээл ахир гүүлээд хүн
Таладаа бусажа,
бүхэ нойртоо
дахинаа дарагдашадаг.
Тэрэниие һэрэзхые һэдэһэн хүн
Дээрэмшэн гүүлээд,
хуугай шашхаанһаань
өөрөө сошодог.

Энэл даа сансар гээшэмнай:
Хуули засагаа
хубилгаа гэжэ
байгаагүй юм лэ.
Эгээл болбосоройнгоо үндэртэ ерээд,
Хүнэй наһан
урбахадаа баһал
гайтай юм лэ.

Махагдаагүй хүйтэн орьёлнууд саанань
Ерэхэ сагай
хүнүүдые уряалһаар үлэдэг.
Махажа туршаха хүсэлөөр тэдэнь
Энэл харгыгаар
ганса нэгээрээ дабшадаг.

Мундаргануудай нэгы
махажа одоо
нэгэтэ үрдибэл,
Зонойнгоо замда нэмэри алхам хэхэш.
Мундарганууд гээшэ
Загууридын ехэ
хабсагай шэнгил,
Зула боложо, хэрэгтэй һаань, бадархаш.

Мүхэшэгүй зоригые
золо дахадаг –
зорихондоо хүрэлбэлшни,

Дахажа хойноhoош хэншьеб зүрхэлхэ...
Муулар найлараа
 намда тохоод,
 гэдэргээ бусабалшни,
Дутахагүйб шамаар, зондо дуушад олдохо»...

3

Хүн бүхэн өөрын дуунтай –
Уярхадаа шэргэшэгүй булаг – сэдхэлтэй.
Хүхижэшье, уйлажашье ябахадаа – хамаагүй,
Үгэгүйгөөр дуулажа шадаха заяатай.

Хэжэ ябаһан хара ажаланьшье,
Хүүгэдээ үргэжэ,
 ерэхэ үдэрөө
 угталганьшье,
Дуугай шэбшэдэг борохон бодолоньшье,
Дуранай үлгэдэ
 шүлэг уншажа,
 hogтолгоньшье –

Дуун боложо заабол ниилэхэдээ,
Арадай боложо,
 бэежэн зэдэлхэдээ
 найтай.
Тиимэл хадань байгаалишье хадаа
Аялга дуугаа
 гүнгэнэн оршоходоо
 гайхалтай.

Бэлиг ухаанай гал бэдэрэлгы
Хараһаа хара ажал гээд,
Борохон хүсэлөөр шүлэг бэшэлгы
Хүниие абарха абаралда тоолоод,

Амигүй, өөдэгүй
 «шүлэг» уншадаг
 шүлэгшэд олошороо.
Дуушад бэшэлтэ, үгы даа,
Дуулахын түлөө мундарга өөдэ
Дүүлин ошоходоо, өөрынгөө дүлэнһөө
Дүрэжэ үхэхөөр бэлэн зориходоо –

Агуу сагуудые
 ахижа тэндэ
 зууршалаад өөрыгөө,
Өөртөө бэшэ, түрэл арадтаа
Соло нэрыень асаржа олгоод,
Өөдөө, тэрэл мундаргада тэгүүлхэдээ,
Зоболонтойшые, омогшые замыень ойлгоод,
Аялга дууень
 өөртэнь бусаабал,
 шүлэгшэд гээшэлтэ, одоо.

Өөрсэ ондоо
 өөрынгөө харгые
 шэлэжэ гараһан
Өөрөө теэд, хэн, юун гээшэбиб?
Хаанаһаа,
 хайшаа,
 хэндэ дүүлиһэн
Хэн аад, зобохогүй бээ зобоонобиб?

Уран шүлэгөө
 асфальт харбаһан
 ногоонтой сасуулжа,
Хабатай дорюун, омогшые ябагдаа.
Уян сэдхэл,
 дүлэтэ зүрхөө
 дэлбэ татажа,
Хэндэшые һаань
 дуһал, дуһалаар
 бэлэглэжэ хүхигдөө.

Шүлэг дуунайм
хэрэгтэй, үгыень
дуулахашье дурагүй –
Борохон борбилоодошье бэлэглэжэ ябагдаа.
Шэргэшэгүй булагтал,
бэлигээр дүүрэн
толгой хайнтай
Бэрхэб гэжэ баһал ханагдаа.

Умай соогоо үриез бөөмэйлһэндэл,
Уран бодолоо мансылбашье хаам,
Үхэхэ, түрэхын далайе гаталһандал,
Удаан зобожо, түрэбэшье хаам:

Амигүй хүүгэндэл шүлэгэй түрэшэбэлынь,
Зүрхөө ходолоод,
болодог хаань,
үгэхөөр бэлэн нуугаандам,
Абьяагаараа дэлхэй дүүрэн дуулашабалынь,
Шагнал – буюмни
энэ гү гээд,
шагнан хагад уяраандам –

Үүлэтэй бүрхэг хүүгэн наһыем
Хайралаад зүрхэм шэрүүжэжэл байгаа.
Хэнһээшьеб харюугаа абаха хүсэлыем
Үгөөр үсөөн һэшхэлни зобоожол байгаа.

Зүгөөр
Багымни гомдолһоо юуншье үлөөгүй,
Өөрөө өөрыгөө хайралхадаа яагаабиб?
Өөхэн соо үндыхэ золо үгөөгүй,
Бурханда гү, али хэндэ эрхээбиб?

Нэгэтэ ойлгоходом
зүрхэндэм дулаахан
Кремлин курантнууд
Нүнеэр үдэрым дархалжа байгаал.
Найдамтай үндэр
этигэл дүүрэн
үгэнүүд...Үгэнүүд...
Хүлгэжэ, дуудажэ, энеэжэ байгаал.

Бүхы дэлхэйн улаан зүрхэндэл,
Сахюур сагаан
Москва хотомни
логшоно гэлтэй.
Сэбэр сэхэ сагаан сэдхэлһээ,
Байһанаа хубаалдажа байгаал намтай.

Түмэн нүхэдтэйнэ зэргэлээд тэгүүлһэн
Зүрхэнэйнэ нэгэ
худаһан байшоолби
өөрөө.
Түүхэ домогһоонь намтараа бэдэрһэн
Золтой хүүгэдэйнэ
нэгэн байһанаа
мэдэрээлби одоо.

Тэгшэ сагаан сэдхэл түрүүлхэдэнь,
Уйлахадашье,
хүхихэдөөшье
түргэн нулимсатай болошоолби.
Ухаатай, томоотой хургаал үгэхэдэнь,
Таамаг ерээдүйнгөө
түхэл шарайе
түрэлни гэжэ таниялби.

Жаргалнаа гү, али зоболонһоо гү –
Толгойгоо үбсүүндэнь
нэнгүүлжэ бархирааб.
Жабхаланта түргэн он жэлнүүдһэнь юм гү –
Түргэн дундаа
ерээдүйн саг –
өөрөө байһанаа ойлгооб.

Дуунайнгаа дээжэ – далайда шэдэжэ,
Дуушан болохо, үгыем түршаа.
Тунаха һамбаандам дүмүүхэн үргэжэ,
Тамаралгын хүшэр хэшээл үгөө.

Эндэл иигэжэ
харые сагаанаар
дараха
Бүдэрхэгүй эрын зоригто һурааб.
Бодолһоонь таһаршагүй
дуһалынь байһандаа
бахархаха
Эхэ оромни гээд ооголооб.

Эмнигыгэ һургажа,
эмээллэһэнтэй адли
агуу байдалайнгаа
Һогтуу долгиие ургалжа һурабашье –
Ээм дээрээ,
хэрэгтэй һаань,
үргэхөөр тэрэнээ
Хуби заяагаа дархалжа үрдибэшье:

Ута наһатай шүлэг түрэхэ гэдэл,
Орос эхэдээл
сэбэр, сэхэ
ябахаб гэжэ ойлгооб.

Удаан жаргал эдлэхэ гэбэл,
Олоной түлөө
 тэрээндэл ажаһууха
 сэдьхэл хэрэгтэй гээб.

Һүнээ дууһан
 дэнгэй гэрэлээр
 «харгыдаа» гараад,
Наһаяа бэшэ, түрэ нараяа хамгаалжа,
Нойрһоо гаралгам дэншые олошороо.
Хубиингаа бэшэ,
 арад зонойнгоо
 заяае үргөөд,
Хоёр хүүгэдэйнгээ ерээдүйтэй холбожо,
Һанаагаа зоболгом захигүй болошоо.

Харые сагаанаар
 даража ядаад,
Хара зүүдэндээ диилдэхээ байбал,
Унтангүй орос эхээ дуудадагби.
Мүнхэ юумые
 бэдэржэ зобоод,
Хүсэлөөр һайхан үнэнэйнгөө бүдэрбэл,
Үнөөхил ородойнгоо сэдьхэлдэ бусадагби.

Түрэл хоёр нютагайнгаа хоорондо
Мүшэн зүрхэм
 мянгаад модоной
 зайе махадаг.
Түрэлхэн хоёр эхынгэй хоорондо
Мэндэнь мэдэхээ
 бэшэг мэтээр
 иигэжэ дугшадаг.

Дэлгүүр мэтэ
 байдалай шууяанһаа
 эсэшооб аргагүй:
 Байгаалиин мэдэлдэ абтаха хүсэлтэй
 Дээшээ хараад хэбтэнэб нугада.
 Дэлхэйн хүйһэн гэжэ эндүүрээ алтай –
 Дэгдээд тэрмээлжэн дээрэм шэшэрнэ.

Агуу далайн
 номгорһон мэтэ
 огторгой дуулана:
 Аялга сооһоонь хэншьеб түрэжэ,
 Үүлэн онгосын далбага задална.
 Ангаһан талада һалхин буужа,
 Уян хүгжэмынь таһалаад арилна.

Сэдьхэл соом
 гуниг уурхайлжа,
 зүрхэнэйм шэмшэрхэдэ:
 Саг зуурын зориг ороод,
 Үндэртэ хэнэйшьеб наһан болошоходо,
 Үүлэн онгосын далбагаа хуряагаад,
 Сайбалзажа огторгойдо дахинаа гансаардахада,

Үлгы тоонтоёо
 наранда зууршалжа,
 жэргэмэл жэргэнэ:
 Жэргээн сооһоонь хэншьеб түрэжэ,
 Үндэр өөдэ ажамидаралай дугы татана.
 Залинта аадарай үүлэн дүтэлжэ,
 Үндэрһөө халаяд дуун замхашана.

Гайтай энэ

наһанай урбалгаһаа
сэдьхэлни ёолоно:

Саг зуурын шунал эдлээд,
Газар тэбэрин хэнэйшьеб хосорходо,
Газарай татасада дугын татагдаад,
Сэсэгтэ нугада эбхэгдэн унахада.

Хурим түрын

нааданда мэтэ
сэсэгүүд хатарна:

Холшорлоод эрбээхэй дээрэнь элижэ,
Ёохоройнь дүхэригыг таһалан ороно.
Хажуурай абьян гэнтэ дуулдажа,
Ёро хараһан таршаанууд сасаршана.

Уйтай энэ

хахасаха болзорһоо
зүрхэм гажарна:

Үнгэтэ хибэс – нугадаа уригдаад,
Үхибүүн наһанайм хужар байһандань...
Саг зуураар инаглан һагад
Сэсэгтэ нугадаа хосорхо байһандань...

Азарга сагаан

хуһанай набшаһад
шэбэнэн дуулана:

Дуун сооһоонь хэншьеб түрэжэ,
Ажабайдалай найхание тэмдэглэжэ найрлана.
Аяшарһан наран набшаһад руу бухажа,
Дуу хаялсаанайнь баярыг унтараана.

Зүрхэм яншажа,

үншэн хабиргам
сэдьхэлым ёборно:

Саг зуурын жаргал эдлээд,

Найр дээрээ хэнэйшьеб наһан болошоходо,
Сэдьхэлэйнй найхан байдалдаа сэгнүүлээд,
Наһа эдлэнгүй эндэ унтаршахада...

Сэмүүн сагай,
 һудаһа барибал,
Һудаһанайнь оройдоол нэгэхэн сохидолдо
Хүнэй бүхэли наһан ябталаатай юм лэ.
Сансарын орондо
 худалые дараха
 үнэниие олобол,
Сохидол бүхэниинь дуун болгоходоо,
Шүлэг соогоо шүлэгшэн агуу юм лэ.

Тиимэл хадаа
 сансарта шүлэгшэн
 хоёрдохийё түрэхэдөө:
Үгөөрөө дэлхэе шэшэрүүлжэ шададаг.
Үсэдөөрөө үхэнэн хүниие «бодхоодог».
Үнэнөөрөө дайсанаа заабол дарадаг.
Ульгэрөөрөө байдалаа үргэжэ шэмэглэдэг.

Тиимэхээл эндэ
 дэлхэймнай өөрөө
 хүн бүхэнэй
Хуби заяанайнь дууе холбоходоо,
Нэгэн мүнхэ симфони болгоод наярдулдаг.
Тиимэхээл
 бурхаднай баһал
 шүлэгшэндөө мээхэй:
Шүлэг сооһоонь байдалай жэрьешэхэдэ,
Нэгэн мүнхэ һудаһан болгоод лугшуулдаг.

Дуула, дэлхэймни,
 дуула, бархира!

Наһанайм дуун таһалагдаад нэгэтэ,
Наһамни унтарна гү, үгы гү –
зобоногүйб эндэ.
Гансал шиниим хүгжэм бү замхай:
Гайхал орхин, нэрьежэл мүнхэдөө байһай!

5

Үе сагайнгаа антеннэ хэбэртэйб,
Уйлаан, энеэдэнэйн долгиие ургалнаб.
Гансал зүрхэндэм яаһан хүндэб,
Гасалангай олон асуудалда тамалуулнаб.

Сэдьхэлээ тариһан сэсэрлиг соом
Дуран соогоо «мал» бэлшэжэ,
Сэдьхэлэйм мүнүүдые
саарһан дээрээ
туужа тухашарна.
Зүрхыем хүлгөөһэн мүшэдүүд соом
Дундаршагүй баялиг байха гэлдэжэ,
Зөөхэ тухайгаа
зүбшэн хэлсэжэ,
баһал арсалдана.

Дэлхэй дээрэ бүхы юумэн
Саг сагтаа дабтагдадаг юм гээд,
Дууһахагүй мүнхэ байдалшые хадаа
Саанаһаал өөрын хубитай юм гээд,
Сахюуса – мүшэдһөөн
абарал эрижэ
бэшэ даа –
Түүдэгэй нааданда мүшэдые урижа,
Дуранай гал буляалдаха зориг түрэдэг.
Дахижа мүнөө
сэсэрлиг соо
бэшэ даа –

Дуун соогоо сэдхэлээ тарижа,
Дэлхэй дүүрэн дуулаха дурамни хүрэдэг.

6

Ажабайдалай мүнхэ үлгы соо
Үнэн юундэ эртүүр сайнаб?
Амгалан сагай умай соо
Үнгэрһэн дайн юундэ ханагданаб?

Үхэл соогуур абажа гараһан
Эхын сэдхэл ерээдүйдэ
 hanaагаа зобоно гү?
Үринэрөө үргэжэ, байдалые сэгнүүлһэн
Эхын ханшаг
 сагай хюрууда хушагдана гү?

Эхэнүүдэй сэдхэлһээ үбшэниинь ходоолоод,
Саарһан дээрэ
 орхихо дуран хүрэнэ.
Эрьехэгүй залуу наһыень энхэрээд,
Сэлмэг жэлнүүдые
 бэлэглэхэ хүсэл түрэнэ.

ТАБАДАХИ БҮЛЭГ

Эхэнүүд ондо, ондоонууд байдаг. Зариман үри хүүгэдтээ мээхэй, тэдэнээ тэжээхэ, хайн хүнүүд болгохо талаар наһаа зорюулдаг. Тиухэдэ үбгэн-гүйгөөр, илангаяа дайнай хүлээр, гэртээ түрэхэн нүгөөдүүлынь эхэ хүнэй уялгыг дүүргэхгүй, жаахан ябаһан хүүгэдээ аришалжа, үргэжэ, тэжээхын орондо үлүү үзэжэ, хашажа, тэдэнээ хараажа һуулгыг уялгада тоолодог эхэнүүдишье байһан.

Тиимэхээ эхэ хүн гэшиз ямар байха ёһотойб гэхэн һанамжяа энэ бүлэг соогоо бэшэхэдээ, дайнай үедэ ажаһууһан, ажаллажа ябаһан зарим тэды ёһото эхэнүүдэй хөөрөөе шагнаһан хадаа хөөрөөень нэгэн болгожо, өөрөө тэрэ сагта үхибүүн ябаһан шэнгээр, үшөө тиухэдэ ондоо гэр бүлын намтарыг өөрынгөө гэр бүлын намтартай нэгэдүүлэн хагад бэшээб гэхэдэмни болоно.

Автор

ЭХЭ

Наранай унтардаг
баруун зүгһөө
бэшэг хүлээдэг
Гасалангай далайда тамарһан бүлэдөө
Найдалын болоо хэн гүб, үгы гү.
Намһаа зүрюу
хүүгэн хаанашье
үгыл гэдэг
Нагаса эхынгэй тахидаг бурхадһаа
Гэрэл асараа хэн гүб, үгы гү.

Зүгөөр сагайнгаа
мүнхэ дуудаан –
буһалгаан гүүлэхээс
Үхэлгүй мүнхэ агуу ажабайдалай
Һүлдэ үргэн түрэхэн золтойлби.
Зоболонто дайнһаа
гансаардаһан эхын
ганса сусалһаа

Нүнэхэгүй гэрэл үгэхэ хубитай
Үхэлдэ эсэргүү найдалайнь одонби.

Эндэл зоболонгой нулимса хатааж,
Эсэгынгэй нэрые нэрлүүлхыень захижа,
Зориг дуудан
 хоёр хүүгэдээ
 үргэхэ уялгатайб.
Эхэ, эсэгын жаргал эдлэхэдээ,
Энээгээр элинсэгэйнгээ наһа мүнхэлхэдөө,
Золойнгоо дээжые
 байдалдаа үргэн,
 дүнгэхэ үритэйб.

1

Хуурайгаар бархиржа хабдаһан нюдөө
Нюухаяа мартаһан
 инагуудай
 хахасалгын үедэ һэн.
Наранай унтардаг дайда руу
Хүлэг морид,
 хүнэй хүбүүдэй
 мордолгын үдэр һэн.

Хүнэй үридэ мэдэгдээ, дуулдаагүй
Үе сагуудай
 шуһан улаан
 дүрөөнүүдэй хабираае,
Хүн хүнөө хараха зүрхэгүй,
Үгэ дуугүй
 үбгэд, хүгшэдэй
 бурхандаа мүргэлгые

Хүүгэд хаанагаа мэдэхэ бэлэй:
Дайнда мордохо
 эсэгээрээ омогорходог
 наһандаа ябаа.
Далайха «һэлмэтэй» баатарнууд бэлэй,
Харгын далангаар
 дахажа аханараа
 үдэшөөд бусаа.

Гэнтэ
 зоной дундаһаа
Дүрбэтэйхэн басаганай һанаа алдан,
Гомдолтойгоор бархиршахада,
 хэншьеб гэмэршоо.
Тэргын хойноһоо гансаараа басаган
Гараараа даллан,
 унан дуһан,
 гүйжэл ябаа.

Эндэһээ хэниешье үдэшөө бэшэл:
Ерүүл эхын басаган һэмнай.
Эхэнь басаганаа хургаагүй аал:
Эгтээ иигэжэ уйлахадаа яалай.

Хон-жэн.
 Гансал тэрэ
 басаганай уйлаан...
Хүрин-улаан бэһээ бэһэлһэн
Хаяагаараа тэнгэри үүлэнүүдээ суглуулна.
Хашаагай саана
 уяанда һууһан
 нохойн уляан...
Мүльһэн болошоһон нулимсаа яларууһан
Мундаргын оройдо сууряаниинь шэнгэнэ.

Зогсоһон газартаа ургашаһан мэтэ
Зогсожол байгаа хүн зон.
Бүрхэг тэнгэрийн хүмэришэһэн мэтэ
Бүлхи болошоһон сэдхэлээ яншаан.

Үдэшэлгын үедэ
эхэнэр хүн
уйлажа болохогүй:
Үзэгдөөгүй баһал юуниинь бологшааб?
Үдэр дунда
нохойшые улихадаа
нэгэл ушартай:
Үдэрэй ямар тодхор бологшааб?

«Хүбүүднай заабол
амиды мэндэ
бусахал ёһотой:
Ёһо мэдэхэгүй хүндэ одоо
Ёро бү болоһой», – гэбэ эхэнь.
«Хүн зоной
хуби гэжэ
байхал зэргэтэй:
Нүгэл мэдэхэгүй нохойн уляа
Найдалымнай бү орхиһой», – гэбэ хүршэнь.

* * *

«Ай, бурхан,
зоной нулимсада
садаха гэдэхэгүй
Хүшэр лэ дайн болохонь хаяа...
Ашатын үридэ
аманай алдуури –
һэжэглэхэ хэрэггүй,
Хүн хүнөө хүлисэхэ саг тулаа.

Нарай хүүгэнэй
нулимсада
 һэжэг бү түрэгты:
Заяанайнь ганса нүхэрынь мүнөө
Бусахагүйгөөр мордошобо гэлтэй.
Наһаараа гансаардаха
заяашань
 уйлалал, этигэгты:
Зэмгүй хүүгэдэйшые наран хойшоодоо
Баһал хиртэхэнь алтай...».

Бууралай энэ
үгэ шагнажа,
Оршолонгой нэгэ нюуса гээд,
Ойлгоо хэн гү, үгы гү һамгад тиихэдэ?
Бэрхэшээл ехэтэй
сагта нюдаруулжа,
Олоной заяан төөрихэнь гээд,
Орилоо хэн гү, үгы гү бэрээдүүд эндэ?

* * *

Хадамда гараагүй эхэнэрнүүд олон...
Ганса сусалгаа
гал гаргажа
мүнөө зобоно.
Хурьгэн ябаһан наһандаа мүнхэрэн,
Заяанайнь нүхэрнүүд
Европо дүүрэн
нойрсоно.

Диваажанай оронгоо
зулын гэрэлээр хүбүүднай заабол
Түрэлөө оложо түрэхэл гэлдээд,
Айл бүхэндэ зулын гэрэл бадаржал байгаа...

Нараншье хадаа
баруунай зүгтэ
унтараад заабол
Зүүнэй зүгтэ дахинаа түрөөд,
Нарата дэлхэйн
табисуурые иигэжэ
баталжал байгаа...

Гуша хүрэтэрөө
хадамгүй ябаһан эхэнэрые
Баханатай гэрлүүлжэ,
туйба зүүлгэн болигдоо.
Гэртээ түрэлгэн
шоо үзэгдэхөө болигдожо,
Бусаагүй хүбүүднай
түрэжэ ерэнэл гэгдээ.

«Хүлдүүрээр ошоһон хүн бусахагүй,
Хүлөөрөө ошоһон бусадаг», – гэнхэй:
Нэгэтэ түлиһэн
галаа бэрээдүүд
сахижал байгаа,
Наранай эрьедэг
жамаар сайгаа
үргэжэл байгаа.

* * *

Бусаагүй хүбүүдтэйнь
Наһаараа мүнөө сасуу ябаһандаа,
Заяанайнь нүхэр шэнгээр
өөрыгөө ханадагби.
Нэрэдэнь хүрэмэ хүүгэдые түрэхэндөө,
Золтой наһаа тэдэнь
эдлэнэ – этигэдэгби.

Амиды үлөөшэдэй ута наһан
Ажабайдалаймнай шагнал буян гү?
Үбсүүндэнь, зүрхэндэнь яларһан мүшэн
Үхэлые диилэдэг хүлдэмнай өөрөө гү?

* * *

Ханияа алдабал,
хун шубуун
наһаараа гансаардадаг гээд,
Хүүгэдээ арадни багаһаань хурганал.
Ханииень алаашад
хараалһаань заабол
үндэһөөрөө хосордог гээд,
Хүгшэдэй хэлээшэ дэмы бэшэл.

Ханияа алдаһан шубуунай хараал
Хүрэхэ ёһоороол хүрэдэг ёһотой.
Ханияа алдаһан эхэнэрнүүдэй хараал
Хүнэй дайсадые угаарань хүнөөдэг һай...

2

Үдэшэ бүри бадараһан
зулынь гэрэлдэ
Эмгэйнгээ оршолондо төөришэһые мэдэрэгшэ һэм.
Үбдэг дээрээ унан,
һунан мүргэхэдэнь,
Эрхэ бэшэ бурхадынь шарайшалагша һэм.

Үхэлэй газарта
хүнэй хүбүүдые
абаралсанаб гэхэншүү
Үглөө бүри хүөө эмгэйм үргэхэ.
Дайн дажарай
зогсохо болзорые
һунаана гэхэншүү
Дай хэһэн хүүгэдые зэмэлхэ.

* * *

Нэгэтэ
«Ньюуртаа нооһотой
малһаа байха
хүнэй үринэр
Арьяатан шонодо эдюулнэл» – гээд,
Айхаар үгэнүүдые эмгэйм дуугарлай...
«Намагта болоһон ушар» – гээд,
Наманшалан һагад иигэжэ хөөрэлэй:

«Хэтын хэтэдэ
алил эхын
эдлэхэн зоболониие
Тооложо, хөөрэжэ барахабши даа –
Тиимэл хубитай эхэнэрэй табисуур ха.
Хүүгэдэйнгээ хойноһоо
амья табитараа
ябадаг эхэнүүдые
Тоохогүй ноёд энээгүүршье бии даа –
Хаа хаанагүй хашахадаа адлинууд ха.

Һүни болотор
газар хахалһан
нэгэ эхэнэр
Хүхөөр эхэнэр байгаа юм гэлсэнэ.
Һарын сагаанаар
нялхадаа яаража,
ноёдһоо нюусаар
Харгыгаа хороожо, Шэлээр ошоһон гэнэ.

Үүрэй сайхын
урдахана һөөргөө
бусахаб гээд,
Тэрэ хүниндөө бусаагүй, хөөрхы.
Үлэхэн ханинь
һахы халаг
гансаараа хүдэлөөд,
Үдэ багаар гэртэнь ошоходонь, үгы.

Уй-хай бархирһаар
бэдэржэ гарахадань,
Шэлын оройдо
Шонодо эдюулһэн байгаал, хөөрхы.
Сүүбэн шоно
дайралдаа ха –
толгойнь лэ олдoo:
Үйлынь үри тиимэл байгаа гээбы.

Нүхэрынь – дайнда,
гэртэнь ганса
һалга эсэгэнь
Нарай нялхатай үлөө гэлсэнэ.
Нойтон бэетэй
амитан хадаа
тэрэ нялхань
Нүхэдэй ашаар үндыхэ юм бэээ...»

...Шоноһоо намайе
эмгэймни эндэл
аршалха гэһэншүү
Үбдэгынь тэбэреэд гэнтэ бархиршахадам,
Шэмшэрһэн зүрхөө
нарай нялхын
заяатай холбоһоншуу
Үбэр руунь тархьяа шэхэхэдэм –

«Урда наһандаа
нүгэлтэй ябабал,
энэ наһандаа
Үйлынгөө үриие хүн үзэхэл ёһотой.
Нүгэл, буяниие
нэгэтэ, басагамни,
илгажа һурахадаа,
Нулимсаа баридаг болохош», – гэлэй.

«Ай, бурхан,
түрэлөө найханаар
олохой даа:
Алил хүнэй үхэлые энэ гэхэбши...
Ай, зайлуул,
ямаршые саг
гээшэб даа:
Яажа үхэхее яагаад мэдэхэбши...

Гуринха шонын
зүһэтэй юм гээд,
юугээ хэлсэгшэб,
Ай, зайлуул, тэрэ Гитлер гээшэнь.
Янжима хүгшэнэй
хөөрөжэ һуухадань
гайхажа сошооб,
Газетэдэ харааб гэнэ дүрэ-зурагынь*

Яажа тэндэ
хариин газарта
хүбүүднай мүнөө
Тэрэ шонотой тулалдажа байгаа юм!
Түмэр жада,
буутайл хадаа
тэнсэнэ хаяа,
Ямаршые жэхүүн саг ерээ юм!

Дасан дуганаа
эбдэжэ, һандаргаажа
аашалхадань зариманай
Бурхан буруу хараа ёһотой.
Бурхангүй газарта
шолмос, ороолон
галзуурдаг гэлтэй –
Тэрэнь шонын бэе бээлээ алтай...»

* Дайнай үеһөө «Кукрыниксы» гэхэн ара нэрэтэйгээр зураг зурадаг байһан хоёр уран зураашадай карикатурые хараһан байгаа гэе даа

Дайнай орхихон
 үлэн сагай
 һабарһаа
 Дарагдахааршые,
 тээхээршые байдалай
 ашаанһаа
 Үлбэр наһыем абарһан эмгэйм
 Үтэлшөө һэн үргэһөөр намаяа, хөөрхэйм.

Жаран жалга,
 зуугаад хадые
 нэбтэ хараһаар,
 Захагүй дайдые
 үдэн болотороо
 махажа үдэрөөр
 Һэе һэбхүүл үридөө асардаг
 Хирээгэй нэгэтэ харанхалан унадаг

Үүргэ юундэ
 үргэлжэ ходо
 шоо үзүүлнэб,
 Үри бээдээ
 мээхэй гүүлээд,
 юундэ уяруулнагүйб.
 Һэшхэл боложо юундэ эрьенэгүйб?
 Хаагалаань юундэ һэжэг түрүүлнэб?

Хүршынгөө уурхайда
 үндэгөө хаяжа
 жаргадаг,
 Хүбшөөр зайжа,
 үдэрөө дууһан
 донгододог
 Хүхы шубуун юундэ магтуулнаб?
 Худал табисуур юундэ хүлисэгдэнэб?

Үдэн болошогон
эхынгэй ашые
харюулхаяа
Үнөөхил зоболонто
эхынгэй замые
гаталхаяа
Хирээгэй хүбүүд лэ зоридог юм гэдэг:
Хэншые иигэжэ эхээ үргөөгүй гэдэг.

Бишые баһал
эмгэйнгээ намаяа
үргэһэн жэшээгээр
Байдалай шэрүүниие
бэрхэшээл гээгүй,
наһанайнгаа сэнгээр
Ажалай хүшэрые мүнөө шэлэнхэйб,
Ажабайдалаа сэгнэжэ, удхыень олонхойб.

Үнэндөө теэд
ашыень харюулаагүй,
дэншые хойнотооб.
Үгы эмгэйдэм
юуншые намһаа
хэрэггүйл, мэдэнэб.
Хүлисэл гуйхадам, хүлисэхэ бэшэл,
Хойнотохо гээшэ амидын тамал.

4

Доро дорохоноо
басагадни шэмээгүй,
сэсэг зурана:
Дэльбэ бүхэниинь
наран мэтэ
саарһан дээрэһээ

Алтан элшэнүүдээ гэрээр дүүрэн
Адха, адхаар сасана хэбэртэй.

Хүүгэдэйм зурахан
 сэсэгүүд ямаршые
 адлиб даа
Хүүгэн наһанайм
 мүнхэлхэ гэхэн
 зураг-хилээмэнтэй.
Тиихэдэ одоол үнэрынь абahanшуу,
Үлэн шүлһэмни набирагша бэлэй.
Үнэхэн сооһоо наранһаа өөрэгүй
Туяа гэрэлээ сасана гэхэншүү.

...Эхэ ороноо,
 зоноо хамгаалжа,
 дайнһаа бусаагүй
Эсэггүй үхибүүдэйл атаархал һэн
Садхалан нүхэдэйм зүһэмэг хилээмэн.
Элүүр мэндэ,
 дайгаа даража,
 даагаа хүлдэгшэдэй
Энеэбхилэл бүхэнһөө хилээмэ хүлээлгэхэн
Садахые үзөөгүй наһан һэн.

* * *

Саг сагтаа,
 сахилза хүхэдөө –
 гомдоногүйб энээндэ:
Жаргаһан наранай
 гэрэл ньюһан
 сагайнгаа шарайда
Сэсэгэй орондо хилээмэ зуража,
Сэдьхэлээ тэжээһэн минии наһан – өөрымни гэлэй.

Үнэндөө үгы
«тарьян далайгаар»
нюдыем мэхэлээд,
Ульгэр мэтэ
хүн далайе
шэхэндэм салгидуулаад,
Үлэн байдалай үльгэршэн болгожо,
Үндылгэһэн зэрэлгээн – минии саг гэлэй.

* * *

Эльгэ нимгэтэй эгэшимни нэгэтэ
Эбхэжэ сагые һуугаашань ханагдалай.
Үлдэһэнөө, даараһанаа баһал тоолоходоо,
Үнөөхил хилээмээ дурдашоо бэлэй:
«Хубсаһа хунараа
хилээмэ болгоһондоо
баярлаһан эхэмни
Һүнийн тэнгээр бусагша һэн газааһаа
Хилээмэнэй, наранай гэрэл сасаруулһаар.
Һарын гэрэлдэ дулаахан үбэрһөө
Хилээмээ гаргажа, һарбайхадань намдаа –

Эжыгэйм үнэрһөө
дутуугүй хоншуухан
Эхэ газарайнгаа
Эгээл һайхан
үнэртэ тиихэдэ
һогтогшо һэм зүндөө.
Өөрынгөө хубиие өөрһөөн нюугаад,
Сайгаа удангүй хорохыень харахадаа,
Садаагүй аад, садааб гэхэдээд,
Өөрынгөө хилээмые һарбайхаб эжыдээ...
Абынгаа түлөө
эди гээд,
эжым харюусаха.
Абынгаа ерэхэдэ,
амбаар дүүрэн
хилээмэтэй болохобди гэхэ...

Тиимэһээл
Садхаландаа бэшэ, сэдхэл мэтээр
Байһанаа бултантай хубаалдажа һурагдаа.
Садхаажа бултаниие эхэ мэтээр
Сэдхэлээ ханаалган заншал болошоо.

Нангин удхыень хилэ дээрэ
Тарижа долгиулха үетэнэйм хүсэл һэн.
Түби дүүрэн наранай хэлэн дээрэ
Найдалын одоошые заабол бээлхэл һэн».

5

Хазахада,
алишые хурганай
үбэшэн адли:
Хүбүүдшые эхэдээ
хэн, хэнгүй
адли хайратай:
Ажабайдалаа магтахаа һанаһан үринэртөө
Бэхэнь, шабарань болохоор лэ эхэнүүд.
Аргагүйл шуһа жүрөөдэһэн хүбүүдтээ
Бээшые дурадхаха зоригтой юм лэ эхэнүүд.

Нэгэниинь –
бэлэн жаргал
хүнһөө нэхэхэ,
Нүгөөдэнь –
зоной түлөө
бэээ зобоохо.
Хара, сагаанай зүрилдөөн шэнги
Харгы замынь баһал ондоонууд:
Нэгэниинь –
хара хэрэг –
нүгэлтэй ханилха.

Нүгөөдэнь –
сагаан хэрэг –
буян хэхэ.

Эхэ, эсэгийн
хургаал-захяа
хэрэггүй гэхэдээ,
Үгэ дууладаггүй
хүүгэдшые гэжэ
бии даа:
Эндэл хүбүүдэйн
хомон наа,
эрьежэ ерэхэдээ,
Үргэһэн эхын лэ
зүрхэ тудадг
ёро даа.

Бишые хадаа
хоёр хүхэнэйнгөө
нидхэрэн шэмшэрхэдэ,
Баһал мүнөөхи
эхын зориг
досоом һэридэг:
Ажабайдалай гасаалбал, тамираа дурадхажэ,
Хэрэм мэтэ хүүгэдээ аршалхаар;
Амидаралай хара, сагааниие шэгнэжэ,
Хүсэ ороторын сэдхэлын мансылхаар
Хүсэтэнһөө хүсэтэн
боложо бодоходом,
сэдхэлни одоо
Хэнэйшые засаг,
хуулиие эндэ
сахихагүйгөө мэдэдэг.

* * *

Хожомоо хүүгэдни
этигэжэ ядаха
үтэлөөб гэхэдэм,
Ходол залуугаар
эжынь амиды
ябахаар ханагдаха:
Мүнөөхил зүрхэ, сэдхэлээ үбдэжэ,
Хормойгоо тодон абахаар ябаһандаа,
Мартагдаһан балшар наһыень хануулжа,
Хажуудань нойрһоо гарахаар бэлэндээ
Хүлисэл эрјуулэнгүй,
хүлисэжэ шадаха
эльгэ нимгэтэйдэм,
Хүүгэдни заримдаа
эрьехэ сүлөөгүй,
мартажа болохо...

Саг – сагтаа,
сахилза – хүхэдөө,
найदानаб ерээдүйдэ –
Сагнай хайхан,
зула шэнгээр
бадаржал байһай.
Бэрхэшээл ехэтэй байдалдаа хүүгэднай
Бү дабтаг лэ хүүгэн наһыемнай.
Хилээмэнэй орондо сэсэгүүдээ зураг лэ,
Хүсэл бодолоороо хайхан ябаг лэ.
Ехэ юумэн хэрэггүйл
эхэ болоһон
намда одоо –
Энэл бэшэ гү
наһаараа бэдэрдэг
зол жаргалнай.

Эхэнэр хүнэй
 олдошогүй нюуса,
 таагдашагүй таабари –
 Ажабайдалые мансылжа, энхэрэл дүүрэн
 Ами үгэдэг эхэнэрэй табисуурта,
 Алтан дэлхэйдэ үриие түрэжэ зүрхэлэн,
 Ажабайдалтай танилсуулдаг эхын хэшээлдэ –

Агууһаа агуу,
 элбэг дэлбэг
 Эхэ газарайм
 Бүхы юумэн хамтаршаһан аад,
 Сасуулхаар юумэнэй үгэдэ гайхалайб.
 Баатарай хэрэгтэй сасуулха гээд,
 Мүнөөхил эхын хэшээл танилайб.

Һаруулшье, харанхышье
 ажабайдалай
 зүрхэн сохилно
 Ерээдүйн эхэнүүдэй һудаһан соо.
 Һүртэйшье, хайратайшье
 үе сагуудай
 зүрхэн логшоно
 Эхэ оронойм умай соо.

Энэ логшоое
 дуулаха хүн
 үсөөн гэдэг –
 Үриие түрэхэдөөл, эхэеэ ойлгожо,
 Нойргүй һүнинүүдэй утые гайхадаг.
 Улаан нялха байһыень мартуулһан
 Нүгэлтэй наһань эндэл нүсэглэдэг.

Эхын сэдхэл
булагай аршаантай
холбоотой юм гээд,
Халуурхан хүүгэнээ үбсүүндээ няажа,
Халууень эридэг эхын мүргэл,
Эдээнэйнгээ һайе хүүгэдтээ орхижо,
Энхэрэлээрээ сададаг эхын хэшэг –

Эрьежэ ерэхэдээ,
худал гүүлэһэн
энэ дэлхэйдэ
Хэмнээтэй, хилэтэй унтарха наһыем
Хэмжүүргүй, хилэгүй ута болгоо.
Альганда багташахаар заахан зүрхыем
Алтан дэлхэе багтааха дуһал болгоо.

Бурхан гэшые
үгы гэһэн
номнолдо этигүүлээд,
Нүгэл, буяниие худал гүүлэһэн
Өөдэгүй сагшые альгадажа үрдээ.
Өөрөө өөртөө бурханби гэһэн
Намайе хүүгэдни бурханда этигүүлээ.

Үеын үедэ
ямаршые бэлигтэнэй,
ямаршые ухаатанай
Хэзээш, наһаарааш солыень дуудажа,
Эхын шарайе мүнхэлхэнь хүшэр һэн.
Хэтэдээш урдань үриез тоосожо,
Ашыень харюулха гээшэ хомор һэн.

Энэл бодолоор
элинсэг хулинсагнай
эртын эртэдэ

Эхынгэй дүрье шабараар бүтээжэ,
Дари эхэмни гээд, тахья гү?
Һүнэхэгүй мүнхэ наһа бэлэглэжэ,
Һүлдэ – һэшхэл болгоо гү?

Эхэ хүнэй
сэдьхэл мэдэрхэдээ
бишье баһал
Уран дуунай эзэн гүүлэбэшье,
Үгын һайхание бэдэржэ сүхэрнэб.
Элэхэгүй мүнхэ хэлээ уудалбашье,
Үнэндөө хүрэмэ үгэ олоногүйб.

Уран зурагтаа
зобоһон, жаргаһан
эхэ хүнэй
Дүрэ шарайе буулгаха гэхэдэм,
Дэлхэйн шэрэ будаг дуталдана.
Үлгынь дууе мүнхэлхэ гэхэдэм,
Уран хүгжэмэй ноотонууд дуталдана.

Эхынгэй хажууда
үншэн шэнгээр
үндыһэн наһанайм
Бэлиг ухаан хүрэнэгүй гү?
Бардам шунал али зобооно гү?
Эхын энхэрэл багадаа гү?
Эхын жаргал али ехэдээ гү?

* * *

Хүсэл һанаанайнгаа гүйдэлдөө бүдэршэбэл,
Эгтээ зүүдэндээ хүн уйлажа эхилдэг.
Хэрэг, ажалаа эндэл хаябал,
Эсэһэнээ мартажа, эхэдээ яарадаг.

Эхын шарайе зураха гэбэл,
Хүлээжэ эсэхэгүй
 зоболон амсаха хэрэгтэй.
Үлгынь дууе үргэлжэлүүлхэ гэбэл,
Эхээе ханажа,
 уйлаха сэдхэл баһал хэрэгтэй.

Энэл ха юм –
 бэдэржэ зобоһон
Бэлиг ухаанай шэргэшэгүй булаг.
Бардам шуналай зориг хүсэн.
Далайһаа өөрөгүй эхын энхэрэл.
Дуунаймнай эхин – уулзалгын жаргал.

7

Түмэр хүлэгэй түөрөөн дүүжэндэжэ,
Түмэр рельснүүд хойном мушхарна.
Сэдхэлдэм ямаршьеб гуниг орхижо,
Сонхын шэшэрээгээр хуһад жэрэгнэнэ.

Гоогол мангиртал
 гашуун байдалые
 нэрэнэн
Минии сэдхэл арза бэшэл.
Москва шадархи
 огторгойн бороодо
 аяшарһан
Гэнэн хуһадай шэбэнээншье бэшэл.

Сэдхэлым угаахаяа
 hanaба аал энэ бороон,
 урдаһаам шабхадана –
Сонхын шэлдэ духаа няахадам.

Сэлмэнэн шарайгаа
дуһал бүхэндэнь
удангүй обёорходом,
Сэдьхэлэйм удхаар хүгжэмөө тэрэ зохёоно.

* * *

Нютагаа бусаха саг дүтэлөө.
Нүхэдтээ уулзажа,
яһала уярааб.
Гурбадахи үдэрөө бэдэрэлгэдэ гаранхайб,
Гансал теэд
эжым
захяа үлөө.

Үбэр соом эжым барюулһан
Альганай шэнээн саарһан хайрана:
«Эхэ ороноо
хамгаалжа унаа» гэнэн
Аймшагтай мэдээн
мүнөөшье үбэртэм
соробхино.

Үшөө тиихэдэ бууса тоонтоһоон
Шэшэрһэн гараараа
эхым харбайһан
адха шорой.
Шуһан улаан нангин удхаараа,
Үнэр, амтаараашье
гашуун болошоһон
дурасхалын альтай.

* * *

Мартагдахагүй шанга тулалдаанай мүрөөр
Москва шадархи
шулуун хүшөөнүүдэй нэгэндэ

Тоонтодоо бусаһан шубуунай ниидэлгээр
Түһөөлжэ эсэгээ
танилсахаяа яаранаб эндэ.

Борооншые зогсожо,
 һэбшээнтэй аляалжа,
Мүнхынгөө уһые сэсэгүүд гүбинэ.
Булсагар улаахан
 яблоканууд мийэржэ,
Мүшэртэ ургалуулһан нарандал толорно.

Түгшүү бодолым
 таажа ядахадаа,
Харуулшан эхэнэр намда дүтэлнэ.
Һарабшалаад баһал
 хажуудам зогсоходоо,
Дуугай һарабшалгыемни ойлгоһониинь энэ:

Хүрин-улаан яблока һарбайжа,
«Ешь на здоровье» – гээд,
 урдаһаам мийэрбэ.
Хүнэй зүрхэндэл тэрэнь улайржа,
Эжыгэйм мэндые
 һурагшалһан мэтээр
 һанагдаба.

Юрын лэ үгэнүүд,
 удхань теэд нангин –
Элүүр энхэ ябахым тулада үгтэлэй.
Юрыншые һаа,
 жаргал урбахадаа гасалан –
Эхыем тамада хаяһан дайн һанагдалай.

Эдир минии
хорёод наһандаа ябахадаа,
Зоболонгой далайда эхэм яһала тамараа.
Эдлээгүй жаргалань
эгээл эндэ Россида
Золоо аршалжа, газар болон мүнхэрөө.

Тиһэн лэ хадань
Ородой агуу газар
Тоонтоһоон өөрэгүй нангинаар һанагдадаг лэ.
Тиһэн лэ хадань
урдам зогсоһон хүшөөдэ
Түһөөлжэ түрэлөө арадууднай золгодог лэ.

Туулган хара
мүндэр соогуур нүхэрэйнь
Дураяа арюунаар абажа ябаһандань юм гү,
Бүдэрһэн шуһаниинь
газарай шүүһээр дамжагдан,
Булсагархан яблокада мүнөө шүрэтэнэ гү.

Дайнда хулуулгаһан
золыеш эхэм,
Таняалби мүнөө яблокын үнгэдэ.
Эндэл ойлгооб,
хүлөөлгыеш эхэм,
Этигэһэн зандаалши эрьехэ жаргалда.

Унтархагүй найдалыш
яблокада мэдэржэ,
Олдоһон жаргалыеш бусаахаар үбэртэлнэб.
Ута наһа
эдлэхыеш юрөөжэ,
Ород үүришни шамдам эльгээгээ гэхэб...

Нюдэээ, уралаа шэрдэнхэй
 нютагаараа ябахадаа,
 Нүгэлтэй, зэмэтэйдэл улайдагби
 эжынэрэй харасаһаа.
 Залуу наһандаа үмдэжэ үрдегүй
 хубсаһынь үмдэнхэндөө,
 Зүрхөө үбдэжэ,
 саашалдагби мүнөө.

Зүгөөр...
 Уян хуһадтал эдир залуу наһанайнь
 Зургаан пүүдэй
 мэшээг талха
 үргэлхэн мүрэнүүдынь;
 Үхэлэй газарһаа бэшэг хүлеэжэ шүтэнхэй,
 Зоболонто уйдхараа
 улхархай соогоо
 хадагалһан нюдэдынь;

Үхэл соогуур абажа гараһан сэдхэлынь;
 Сагыё абарһан
 һааритажа хахарһан
 гарынь;
 Үбгэдөө, хүбүүдээ хүлеэжэ эсээгүй этигэлынь;
 Сагай хатууе
 үргэжэ гараһан
 наһаниинь

Мүргэлни болоод,
 намаё эжынэртэм
 шүтүүлнэ.
 Мүхэшгүй болоһон
 хүсэлни илалтада
 хүтэлнэ.

Зоригни болоод,
гуурһа гартам
барюулна.

Заяамни болоод,
жаргажа ябахыем
захирна.

ЗУРГААДАХИ БҮЛЭГ

Инаг дуран гээшэ биш юм гээд, илангаяа түрүүшынгэй дурые дурдадаг гү, али мэхэ гохоор эдлэгдэдэг харюугүй дуранһаа боложо, этигэл, найда-лаа барагшадай дуран тухай юрэл өөрынгөө һанамжые хэлэдэг ушар-нуудшые дайралдадаг.

Гэхэ зуура, ёһото үнэн дуран гээшэ хоморой хомор, тиимэхээ инаг ду-ран гээшэ бурханай, эхэ, эсэгын үгэһэн хайра-буян ха гэхэн бодолишые ерэ-дэг гээшэ. Тиибэ яабашые эртын эртэ саһаа ямар шүлэгшэн, ямар дуу-шан энэ мэдэрэлые үндэртэ үргэн, хангюурдаагүйб даа. Ямар арадай ли-тература, уран һайханай бүтээлнүүдтэ энээн тушаа үлгэр, домог, хүг-жэмтэ дуу, шүлэг гэхэ мэтэ үгы гээшэб!

Юрэдөөл ёһото үнэн дуран гээшэмнай удааараа ямар байха ёһотой юм гэхэн бодол хэзээ нэгэтэ хэн хэнэймнай досоо түрэдэгшые байжа бо-лоо. Тиимэхээ бишые хадаа инаг дуран тушаа баһал өөрынгөө һанамжые энээхэн поэмынгэй бүлэг соо шүлэглэжэ туршаһанаа, үшөө тиихэдэ хүн зонтой хөөрэлдэжэ ябахадаа, Дээдэ Үшөөтэй нютагта ажаһуудаг Мун-куева Сэсэгма Санжиевнаһаа нэгэтэ болоһон ушар тухай дуулаһанаа жэ-шээ болгон, уншагшадайнгаа анхаралда дурадхабални иимэ.

Автор

БУРЯАД ЭХЭНЭРЭЙ ДОМОГ БОЛОҢОН ДУРАН ТУХАЙ

Нэгэ баян айлай хүбүүн хамалганда орохогүйн тула тэрбелээ. Гэбэшые дуратай басаганинын тэрэнэйнгээ хойноһоонь дахалдаад, хойулан Бү-рин-Хаанай һарьдагта ошожо, хоргододог юм байна. Тэндээ заахан гэр барижа, найман жэлэй туршада ажаһуугаа.

Хүнэй ябадаггүй һарьдаг газар байжа, үдэрын баабгай болоод бэ-шэшые ангууд ябадаг. Баабгай гүлгэнүүдтээ газаань ерээдшые, наадажа байһанаа ябадаг байһан.

*Нүхэрын агнуури хэжэ, эдихэ хоолоо олохоһоо гадна булга болоод бэ-
шэшье ангуудые барижа, арһыень элдэжэ, хүнндөө гараад лэ, тэрэнээ
тоһо, гурил гэхэ мэтын эдихэ юмэ болгожо, асардаг байһан.*

*Тиигэжэ найман жэлэй үнгэрхэдэ, өөһэдөө доошоо буужа, НКВД-дэ
бээ тушааһан юм гэдэг.*

ИНАГ ДУРАН

Түүдэг тойроһон үдэшин нааданһаа
Одон шэнгээр

шэлэгдээ һэн гүб, үгы гү.
Дууша, сэбэр басагадай дундаһаа
Омог басаган
гүүлээ һэн гүб, үгы гү.

Нүхэрэйнгөө

Бэлигтэ дуушадайнгаа солоор омогорхоһон
Үгын дүлэндэ аблуулаа бэлэйб.
Бүргэд нүхэдөө магтан дурсаһан
Үнэншэ сэдьхэлын сэгнээ бэлэйб.

Эндэл наһанайм түүдэг энэ гү гээд,
Этигэл дүүрэн сээжэдэнь нэнгээ гүб?
Эгээл һайхан дуунайм эхин гү гээд,
Энхэрэл дүүрэн дураяа золгоо гүб?

1

Эртын эртэдэ һэн гэлэй:
Наһан болоһоһон
инаг нүхэрөө үгылээд,
Эхэнэрые үргэһэн үльгэршье гэлтэй,
Наһанайнгаа бурхание
шабараар бүтээгээд –

Оршолонто дэлхэйн засагыг ябталхан
Ёһо хуулиень

бэлигэйнгээ мэдэлдэ үгөөд,
Үхэлгүй мүнхэ дуранай охёор
Үгы инагаа
амиды мэтээр бодхоогоод,

Түрөөгүй хүбүүгээ баһал бүтээжэ,
Үбэр дээрэнь
һуулгаһан юм гэдэг.
Үүрэй нарыг харасадань мүнхэлжэ,
Дураяа шабар зүрхэндэнь
шудхаһан гэлсэдэг.

Иигэжэ
Ёһо хуулиин хилэ хуряаһан дуран
Ногоон Дари гүүлээд, тахигдаа аал?
Ёндойжо гансаараа һуулганда эсэргүү
Наһанай удха олгоһон жаргалнай аал?

Тэрэ гэнээр
Хэнэй хүбүүн
шэдиһээн зоригтой боложо,
Эрэлхэг эрын үнэн бэе бээлээгүй юм.
Хэнэй үхин
хэнэй сахюуһан боложо,
Элэхгүй, һандархагүй түшэг гүүлээгүй юм.

Зүгөөр байдалаа удхатай болгобошье,
Дуранһаа теэд
үлүү һаруул үгэнэгүйлди.
Замайнь сольё дуудажа магтабашье,
Дуранһаа теэд
үлүү һонор болоногүйлди.

Үльгэр руу байдалаа дэмжэн хүтэлөөд,
Дуранһаа үлүү
 сэсэн юундэ бологдоногүйб.
Уһанай урасхалыг гэдэргэнь сухаряагаад,
Дуранһаа үлүү
 хүсэтэй юундэ бологдоногүйб.

Иимэл хадань –
Дурыг мэхэлжэ, эдлэхыг оролдоод,
Хүнүүд лэ өөһэдөө өөрыгөө хэһээдэг.
Дуран гээшэ үгы юм гээд,
Хүнүүд лэ бэе бээе тамалдаг.

2

О, нүхэрни,
Үнэн шини үгэ намда хэрэггүй –
Үльгэрэй далай захагүй ехэ даа.
Урдамни ажабайдал үүдээ сэлинхэй –
Үтэлхэ наһамни дэншыг холо даа.

Мүнхэ дуранай тангариг бү хэлэ –
Мандаха, үгыгөө
 наран һурадаггүй юм лэ.
Сэсэ буляалдаха
 ухаанайм наадан бэшэлши –
Сэдьхэл, зүрхэнэйм дуун гээшэлши.

Мини эдлэхэ эд зөөри бэшэ –
Ажабайдалаа үргэн,
 дуулаха наһанайм хүсэн гүш?
Мини тахиха, хүгэдэхэ сахюуһан бэшэ –
Амидаралай али
 гаталшагүй ехэ мурэн гүш?

Үндэр өөдэ улыбэлни одоо
Үргэлжэ намайе
 үргэхөөр бэлэниеш гайханаб.
Үргэн ехэ ажабайдалай тэгэндэ
Урбахадаашье ядахагүй
 шэрүүнһээш зобоноб.

Жаргал эрижэ шамһаа нэхэдэггүйб –
Залуу наһамни, ерээдүймни
 өөрын засагтай юм лэ.
Жаргал бэдэрэлгын хэшээл абаагүйб –
Заяа, хубяараа
 айл байһамнай буян лэ.

Эндүүшни уршалаамни болоод,
 шарайдам үлөө һаань,
Уршалаагаа тооложо,
 эдир наһаяа шаналхагүйлби.
Эсэбэришни хюруумни болоод,
 һаншагтам унаа һаань,
Үтэлһэнөө гайхажа,
 эдлэһэн жаргалаа шамарлахагүйлби.

Гансаардалгын ооһорһоо
 абарагдаха гэжэ дуудаагүйб –
Гандашагүй угайш
 үндэһэ тараахые яараалби.
Урбахаа һанабалшни,
 урмаа хухаржа муулахагүйб –
Үнгэрһэн дуран
 һүнэдэггүй гэжэ ойлгуулһайб.

Дуулаа һэн гүш,
Инагаа дуудажа хүбшые хүнхинүүлһэн
Бугын дуун нажартаа
 замхадаггүй юм гэжэ.

Инагай шунал – омог энэ дуудаан
Байгааалиин хүсэтэ
агуу табисуур юм гэжэ.

Хүнэйшые хадаа омог наһан
Хүхын дуунаар
һанагадаг юм гэжэ.
Үтэлһэн хойноо хүртэшэгүй холодонь хүн
Үгэгүйгөөр нулимсаараа
өөгшөөдэг юм гэжэ.

Мэдэхэ гүш даа,
Үхидэй сэбэрые найхашаахаяа болиходоо,
Үбгэрөөб гэжэ
эрэ хүн голхордог ха.
Жаран наһаяа алхан гарахадаа,
Жаргални дүүрээ гээд,
эхэнэр хүн уйдадаг ха.

Тиимэһээл
Ангаһан мангарһаан
даарахаа, дулаасахаа болишобол,
Ажабайдалнай
эсэбэритэй унжагай болошодог аал?
Амисхалайнгаа охинһоо
һогтожо, хүлгэхөө болишобол,
Амидын жаргал гүүлэдэг
мангарһаан али зобохоёо болишодог аал?

3

Дахин, дахин танилсуулжал байдаг
Инаг дуран олон нюуртай юм байна.
Дурлаадшые, хүйтэрөөдшые ябахада эбсүүлдэг
Инаг дуран гээшэ орёо юм байна.

Хажуудам дүтэлэ,
Үнжэгэн дуранайнгаа хэды наһатайе мэдэхээс
Үбсүүндэш нэнгэжэ,
зүрхэнэйш сохидолоор тоолохом.
Урдаһаам дурлал дүүрэн гэтыш намаяа,
Уйтан нюдэдэйш
халуухан ошонһоо дулаасахам.

Гараа үгэ,
Гарайш альганда
золонгоо харгыс олоод,
Шинии мур болгон дэлхэйдэ орхихом.
Гарһаам хүтэлэ,
наһанайнгаа удамарша болгоод,
Шамайе мүшэн шэнгээр носоожо ябахам.

Гашууншье наань, ажабайдалда дурлуулжа,
Хүшэршье наань,
жаргааб гэхэлби.
Газарай татасадал охиндош татагдажа,
Хубаалдаад ашааш,
хүтэлыс дабахалби.

Мүнхэ дуранай тангариг бү хэлэ –
Мандаха үгыгөө наран һурадаггүй юм лэ.
Дүүрэн сэдхэлэй сэсэ буляалдааншье бэшэ –
Дуран гээшэ дуун юм лэ.

4

Баруун зүгтэ жаргаһан наран
Улаа бутарһаар арюундаа ороно.
Байдалаймнай сэлмэг үглөөдэрыс зүгнэн,
Үри хүүгэдэймнай зулайе таалана.

Бү гайха,
Манайшые наһан энээхэн нарандал
Мүнхынгөө духаряе салгидуулһаар
арюундаа орохо.
Эгээл найхан жаргалые манда үгэхөөр
Эхин дуунаймнай
үргэлжэлэл гэжэ байха.

ДОЛООДОХИ БҮЛЭГ

Хэр угһаа хойшо буряад хүн гээшэ үри хүүгэдые үдхэжэ, үргэжэ ябалгые наһаяа мүнхэлхэ гэхэн нангин уялгада тоолодог байһан. Тиимэһээ ямаршые хүндэ хүшэр сагта үри бэеынгэй түлөө оролдожо ябадаг байгаа бшуу.

Буддын шажанай хургаалаар хүмүүнэй бэе оложо түрэхэн сагһаа хойшо үхибүүн бүхэн өөрын үйлэ хубитай, эдихэ эдеэтэй, үмдэжэ ябаха хубсаһатай түрэдэг юм гээд хэлсэдэг.

Гэхэ зуура, айл бүхэн гал гуламтыень, элинсэг хулинсагайнь, өөрын нэрые нэрлүүлжэ, уг изагуураа үеын үедэ үргэлжэлүүлхэ, залгаха хүбүүнтэй (мүнөө сагта басагантайшые) болохые оролдодог, болоогүй наа, ондоо айлһаа үргэжэ абадаг байгаа юм.

Хүгшэрхэ наһан ерэхэ, ходол шадалтай залуу ябахаб гэжэ ханажа болохогүй, үри бээдээ үргүүлхэ, абхуулхашые саг ерэдэг юм гэжэ ойлгодог, мэдэдэгшые байгаа.

Автор

ҮХИБҮҮД

Хадамай басаган болоод ябахадаа,
Уг найнтай үхин
гүүлээ нэн гүб, үгы гү.
Хадамда гаража нүхэртэй болоходоо,
Үбгэдэй найдалын
болоо нэн гүб, үгы гү.

Найдал дүүрэн
хүүгэдые үрездэг элинсэгэйм
Үри нэхэлгэн
амар заяа үзүүлдэггүй юм гээд,
Нарата дэлхэйдэ
хара амьяа харалган
Угаа уһанда
хаяһан ябадал юм гээд,

Үлгэн дэлхэйншые, наранайшые ерээдүй
Үлгын дуунтай нэгэл заяатай ха.
Үри хүүгэдэйм, миниишые ерээдүй
Үндэхэтэй юумэндэ өөрыгөө танидаг ха.

Тиимэхээл шэнэ үдэрэй гэрэл асаржа,
Эхэнэр хүнэй
жаргалда хүртэлсэхэнөө мэдэрээд,
Тиимэхээл түрын үрээл тогтоожо,
Эхэ боложо,
хүүгэдэйнгээ үглөөдэрые угталсаад,

Ажабайдалаа үхэлгүй мүнхэ болгожо,
Уг залгалгые жаргалда тоолоолби.
Алтан дэлхэйнгээ жама ёһо сахижа,
Үри хүүгэдтээ өөрыгөө мүнхэлөөлби.

1

Уйла, уйлаһаар үндыхэдөө,
Үнэниие худалһаа илгажа
һураа һэн гүб, үгы гү.
Үтэлһэн эмгэйнгээ хөөрөөнһөө
Үльгэрые үнэн гэжэ
ойлгоо һэн гүб, үгы гү.

Хоорондоо бурхадшые хадаа
Хэрүүлтэй дайгаа дарахаар
 тэмсэжэл байгаа.
Хүнүүдшые баһал дундаа
Худалһаа үнэниие аршалхаар
 зобожол ябаа.

Он жэлнүүдээ эмээллээд,
Оодоруулһаар эмгэймнишые бурхандаа
 үнидэ мордошоо.
Олон юумэ ойлгоод,
Оролдожо байдалаа эбхэхэдээ,
 үгылөөб эмгэйгээ.

Үнэн бэээ бээлэнхэй,
Үүлэн олбог дээрээ
 үзэгдэдэг заримдаа.
Ооголо, бархира – шортоо,
Одон болоод, өөдөө
 дэгдэхэдээ гайхалтай.

Тиимэл хадань сэдхэл руугаа
Замаа гаталһан зандааб.
Тиимэл хадань ашыень харюулхаяа
Зүүдэндээ бэдэржэ эмгэйгээ зүдэрөөб.

Эндэл эмгэйнгээ үльгэрые
Үнэн болгохо
 хүсэлни ехэ.
Эмгэйнгээ хэхэн буяниие
Үдхэжэ арьбадхаха
 үримни энэ.

Холын харгыда
 һурахаяа гарахадам,
 эмгэйм дурагүй:
 Хажуудань үлэхыем
 яатараа гуйгаа һэм –
 һанаанһаам гарадаггүй.
 Наһанайнь захяае дахажа мүнөө,
 Нүхэрөө дахуулаад ерэнхэйб нютагтаа.

Үүр хираанаар
 эмгэйм баһал
 бодонхой үнидэ,
 Сайгаа шанажа
 һалирһандал гэнтэ
 үзэгдэдэг заримдаа.
 Нарьмай дэгэлээ мүнөөшье хэдэрэнхэй,
 Урдынхидаал дуугай һуунашье хэбэртэй.

Наһаараа даараһан
 үе мэсээ
 гэдхээхэ гэхэндэл,
 Наринайм обоошье
 нарые угтахадаа
 эмгэйм шэнгил.
 Сайгаа шанажа ундалуулха гэхэндэл
 Сайнгаа дээжые үргэнэб обоодоо.

Ходол мүнөө
 эдеэнэйнгээ дээжые
 урдань обоолхо,
 Хубсаһа, торгоной
 һайхание шэлэжэ,
 мүрыень дулаасуулха
 Хүсэл намайе мүрдэнэл – дэмы.
 Хойнотооб халаг – эмгэйм үгы.

Гэбэшье
Үгы эмгэйм захяа-хургаалаа
Үри хадаһандаа үгэлжэ үрдеэгүй мэтээр
Хөөрөөгөө ходо эхилдэг болошоо,
Хүлгүү байдалай алдууһаа абарха шэнгээр:

«Эхэ болоһон эхэнэрэй хүн
Хараалые үрээл болгодог шэдитэй юм.
Эхын дуулаһан үлгын дуун –
Харые сагаанаар хүлэдэг үрээлтэй юм...»

Зүб даа,
Хүүгэндээ хүзүүдүүлһэн эхын золые
Үүрэй толон соо хаража жарганалби.
Хормойнь саанаһаа хүтэрэлдэһэн улаан сурбанайнь
Уулын оройһоо үдэрэй асархые хараналби.

О, эмгэйм,
Үүдэрни ороһон нарые альгандаа тодоод,
Үрээл түүрээн, ашанарташ барюулнаб.
Үхэлгүй мүнхэ хундага дээжэмни гээд,
Үхидөө нарантайнь мүрэ дээрээ һуулганаб.

3

Үри хүүгэдые намда бэлэглэһэн
Шагналтаашни, инагни,
бэшэ үшөө юун бии юм.
Эгээл һайхан дуранһаамнай мүндэлһэн
Шэргэшэгүй энэ булагһаамнай
ондоо ямар үнэн бии юм.

Нэрээ зүүтэрынь өөрынгөө нэрээр нэрлүүлжэ,
Хүн болгожо,
хулыень дүрөөдэ хүргөөд,

Нэрэ алдараа өөһэдөө бэдэрхыень һургажа,
Хүүгэдээ эмээл дээрэнь
дүнгэн мордуулаад,

Баяр, зоболоноймнай эрьюулгэ соо
Тунажа бү орхиһой гээд,
нойrhoо гарахалди.
Бэе бээе дүнгэлсэн, байдалайнгаа уры соо
Тамаралгада бү гологдоһой гээд,
һанаагаа зобохолди.

Аянайнь замда эхын үрээлгүйгөөр
Ажабайдал бэлээр
хилээ хуряадаггүй юм гээд,
Алтан дэлхэйдэ эсэгын захяагүйгөөр
Ажабайдал бэлээр
нэрэ олгодоггүй юм гээд,

Миниишни сагаан һүмбэйе
ажабайдал һэлгэжэ,
Тамир зоригые хүүгэдтэмнай үгэхэл даа.
Шиниимни һургаалай
үнэн байһание гэршэлжэ,
Түрэ нэрыень байдалнай олгохол даа.

Мүнөө
Үдэрые угтан, наран тээшэ гүйлдөөд,
Үри хүүгэднай
үглөөнэй арюунда шунгана.
Үнгэрһэн залуу наһыемнай һануулаад,
Улаахан хасартаа
жаргалыемнай сэсэглүүлнэ.

Табан наһандаа
 Эхэ хүнэй заншал дахажа,
 Эхин дууем хаанаһаа ханалайб?
 Эртүүр намаяа үхимни нажаажа,
 Эльгээ хүмэрюулжэ хэзээнэ хуралайб?

Үхимни куклаа үглөөнһөө бүүбээлээд,
 Үлгынгөө дуугаар али үншэрнэ аал?
 Үглөөнэй наран сонхоор улыжэ,
 Үлгынэ дуунһаа нажаханы аал?

Уг залгаха жаргалда хүртэһэн
 Үсэгэлдэрэйм дуун бэшэ гү?
 Угсаатанайм мүнхэ үлгын дуун
 Уг дамжан али үргэлжэлнэ гү?

* * *

Эхэ газартаа үндэһөө найдаад,
 Умайдань нэгэтэ мүнхэрдэг
 жама ёһо гэжэ бии.
 Үхэхын түлөө нэгэтэ түрөөд,
 Эхин дууниинышые
 үлэдэг гэжэ баһал бии.

Ашадаа
 Эмгээдээл адли
 дуушан болоорой гээд,
 Милаан дээрэнь үрээхэ зол тудаха гү?
 Элинсэгынгэй нэрые
 гамнажа ябаарай гээд,
 Мүнхэ хэрэгын үрээхэ хуби ерэхэ гү?

Үтэлхын далайда хүрэхэмни үдыл даа –
Түрөөгүй ашадаа
 түмэр үлгы дархална гүб?
Үнэр үнэн байдалайнгаа хилые үзөөгүй хадаа
Таамаг ерээдүйгөө али
 харахые хүсэнэ гүб?

 Хүнэй наһан
Дуун шэнги һайхан юм гээд,
Дуугаа ашанартаа
 үзэхые яарана аалби?
Дэлхэй дүүрэн үндэһөө тараагаад,
Дэлхэйгээ орхилгы
 жаргалда тоолоно аалби?

5

Эмгэймни хуруулдаг
 сахюуса шэнгеэр
 харуулда хээрэ
Элинсэг хулинсагайм
 субарга-хүшөө
 зогсодог эхиндэ.
Хүйһымни хадагалһан тоонтомни эндэ:
Элинсэгэйм бууса – Сагаан Шулуута.
Эльгэлэн намаяа дуудаһан мэтэ
Һарабшална гэжэ һанагдадаг ходо.

«Эмгэйшни одоо
 дууша гээшэнь
 аргагүй һэн:
Энгэй хүниие
 уяруулжа уйлуулхаар
 хоолойнь һайхан.
Һаял бууһан бэри ябааб,
Эмгэйшни тиихэдэ эмгэрээгүй ябаа.
Хурим түрэ боложо байгаа,
Эмгэйншни дуулахада, уяржа бархирааб.

Хоолойнь найхангаа
эжы, абамни,
нютагни ханагдаад,
Эльгэ, зүрхэмни хүмэришөө», – гэхэн
Ханда эмгэйн хөөрөө баталһандал,
Эгтээ хүүгэмни дуушан болошоо –
Энхэ мүнхын булагай тэһэрһэндэл.

Тиимэл хадаа
амиды зандаалши
намдаа, хүүгэндээ.

Тиимэл хадаш
дууншни замхахагуйл
энэ дэлхэйдэ.

Хоолойншни найхание
дэлхэй дүүрэн
ханхинуулха гэхэндэл

Хүүгэдэйм нэгэн
дуушан болохо
хүсэлдэ шунанхайл.

Мүнхэ юумые наһаараа бэдэрээд,
Мүнөөдэр олооб: энэл ха юм!
Түрэхэн хүүгэндээ шамаяа танияд,
Түрэхэн үдэрыень амаршалнаб, эмгэйм!

Мүнөө
Дуранай мэдэлдэ абтаһан шэнгээр
Ажалайнгаа охиндо носожо дүрэхээ –
Дуунай шэдидэ аблуулһан мэтээр
Ажалайнгаа һулдые үргэжэ ябахаяа –

Ээм дээрэхи нараая үндэрлүүлээд,
Ажалта үдэрэйнгөө гимн дуулуулнаб.
Энгэрээ сэлижэ, хамшыгаа шуугаад,
Ажалайнгаа амин худар шунганаб.

НАЙМАДАХИ БҮЛЭГ

Манай буряад зон үхибүүдэйнгээ саашадаа ажалша бараг хүнүүд болохынь тулада хара багаһаань шадал соонь ажалда хургахые оролдодог байһан. Үни унтуулжа хургабал, залхуу дүндэ боложо магад, үшөө тиихэдэ эхэ, эсэгийн шанга хургаалһаа, хургуулиин хургаалһаа үхибүүнэй ажалша бүхэриг болохо, үгынь дулдыдадаг гэжэ мэдэдэг бэлэй.

Гэхэ зуура, хара багаһаа хэшээлтэй, зоригтойгоор хүшэр бэрхые үзэжэ, ажал хэжэ һурабал, эрдэмэй шанарыешье эдлэжэ шадаха аргатай болодог гэжэ хэлсэдэг һэн ха. Тиимэһээ урагшаа һанаатай буряадууд үри хүүгэдэ бэшэг соёлтой болгохо гэжэ оролдодог байгаа. Дэмы бэшэ ажалай талаар үхибүүдэе хүмүүжүүлхэ гэхэн һаналтай зоноймнай дунда иимэ оньһон үгэнүүд тараһан байдаг гэбэл иимэ: «Эрэ хүнэй олоһон олзо эхын һүнһөө үлүү амтатай», «Зориһондоо хүрэхэ», «Хатуужал тэсэбэритэй байха», «Хэлэһэн үгэдөө эзэн болохо» гэхэ мэтэ.

Мүнөө хүн зонтой хөөрэлдэжэ ябахадаа, һаһатай болоһон буряадуудай үхибүүдтэе ямар хургаал хэлэдэг байһан тушаа нютагайнгаа эхэнэр Худакова Гарма-Ханда Болотовнагай хөөрэхэниие жэшээ болгон, уншагшадайнгаа анхаралда дурадхажамни.

Автор

* * *

Мүнгэн, эдихэ юумэн, хубсаһа хунар хомор, саг хатуушаг һэн. Эжымни намдаа ходол хургаал-захяа хэлэжэл байха. Жэшээлхэдэ: «Басагамни гое хубсаһатай, садхалан хүниие хараад, атаархажа бү ябаарай, мүнгэтэй зоной архи, тамхяар найрлажа ябаһадань, атаархажа болохогүй. Энээгээр хүн жаргадаггүй юм, иимэ ябадал һайн бэшэ, хада, уулын эзэниие гомодхоожо болохогүй. Өөһэдөө зобожо ябаһан хадаа хүнүүдые өөһэдтэйгөө адляар зобохыень хорложо болодог юм, лусадые сухалдуулжа болохогүй. Урдажа байһан уһан руу муухай юмэ, һүнэй, шуһанай юмэ хаяжа болохогүй. Лусад бузартаха. Лусадай хорлол гээшэ ехэ аймшагтай юм», – гэхэ мэтээр хэлэжэл байдагыень мүнөөшье һанажа ябадагби.

Тиихэдэ нагасамни: «Зай, басагамни, хайша хэрэгээр ажал хэжэ болодоггүй юм. Маллажа байһан малаа һайнаар эдэлүүлжэ ябаһан хүн буянтай байхаһаа гадна эдихэ юумээр дутадаггүй юм», – гэхэ, харин нагасахаймни: «Зарим хүнүүдэй дотор хубсаһаниинь хирэтэй байгаад, гое хубсаһа үмдэхэдөө, ехэ гоебди гэжэ һанадаг. Энэшни ехэ муу. Дотор хуб-

*саһанайнгаа хахархай, халааһатайшые һаань, ариг сэбэрээр үмдэжэ
ябабал, хайн юм. Гэрээ сэбэрлэхэдээ, гансал шалыень угаагаад орхингүй,
бүхы эд бараагаа угаажа сэбэрлэжэ, тооһыень аршажа байбал, еһото
эхэнэр гүүлэхэш», – гэхэ мэтын хургаал үгэнүүдые хэлэжэл байгша бэлэй.
Эдэ хургаал заабаринуудыень мүнөөшые сахидагби.*

АЖАЛ

Үглөөдэрэйнгөө дамжуулгые
 һүнийн тэнгээр
 диктор соносхожо,
Наратай сэлмэг үдэр ерэхэ гэнэ.
Үглөөдэрэйм түсэбые
 уридшалан намда
 диктор дурадхажа,
Номгон һүние хүсөөд, телевизорнэй унтарна...

 Үглөөдэрынь
Хүйтэ зүгнэжэ
 улаанаар жаргаһан
 үсэгэлдэрэйнгөө наранһаа
Хэрэг ажалаараа урагшатай үдэрые горьдоноб.
Дэлхэймни
 хүйһэн мэтээр
 һанагдадаг олтирогһоо
Далбага болгон нарые задалжа, үдэрөө эхилнэб.

 Зүгөөр
Ажалайм түрүүшын салин мүнгэмни
Эхым хүмбэйһөө амтатай байһан юм гү, үгы гү?
Ажалые үхибүүн наһандаа ахилгамни
Энээхэн наһандам хүрэхэ юм гү, үгы гү?

Эмгэймни заабол намаяа дахуулжа,
 Түлээгээ абаха, үбһөө сабшаха.
 Эсэхые мэдэхгүй һалиржал ябаха –
 Таряагаа татаха, үхэрөө адуулха.

Хэтэдээ миниингэй хэжэ ябаха шэнгээр
 Эрьюулга тойруулжа, арһа элдүүлхэ.
 Ходол дулаахан ябуулха шэнгээр
 Эмгэйм намаар нооһо ээрүүлхэ.

Байдалаа миниингэй зүйжэ ябаха шэнгээр
 Бүд зүйлгэжэ, шүрбэһэ томуулха.
 Үе наһаарам малтай ябуулха шэнгээр
 Үнөө һаалгажа, айрагаа бүлюулхэ.

Баян ябуулха хүсэлөө нюухагүй –
 Нобшо удаан – зөөриин дайсан юм гэхэ.
 Бэри болоод, унтаж хүн жаргадаггүй –
 Наранаар бодолгон эхэнэрэй табисуур юм гэхэ.

Наадажал ябаха наһамни һэн:
 Нараншни эртэ – наадаха саг байха,
 Ажал хэжэ ябахын түлөө хүн
 Алтан дэлхэйдэ түрэдэг юм гэхэ.

Ойлгодог һэн гүб, удхыень үгы гү,
 Дабагдахагүй үндэрыел абанаб гэжэ
 һанагша һэм.
 Охиндонь жаргагша һэн гүб, үгы гү,
 Туһамарша бэрхээ магтуулдаг
 хаһамни һэн.

Тиимэһээл
Наадажа садаагүй наһандам мүнөө
Ажалай хүшэр наадан мэтээр
наагадаг аал?
Нэтэрүү туһамарша бэрхэм мүнөө
Ажалаараа бултанда туһатайб гэжэ
этигэнэ аал?

2

Хэтэдээ унтархагүй
Галханууд боложо бадарагша һэн –
Ажалайм түрүүшын баярай охин.
Гашууншые хаа, ямар амтатай һэм –
Ажалһаам дулаасажа бушхаһан хүлһэн.

Түрүүшым салин –
Табин түхэриг гартам оронхой –
Намһаа баян хүн үгы һэн.
Түшэгэнөөд зүрхэм тэһэрхээ һананхай –
Наһандам хүрэхэ баяр һэн.

Эхынгэй сэбэрые
Һайрхаха хүсэлни одоол бэелхэнь –
Ногоон хээтэй самсын бүд хэмжүүлнэб.
Хүхихэл байха хүгшэн эжым –
Ногоон сай абахаяа мартанагүйб.

Уймар дүүдээ
Үмдэнэй сатина бүд абанаб –
Үетэнһөө дутуугүй гоё ябаг.
Нарай дүүдээ наадан хараашалнаб –
Наададаг болоходоо, наадажа жаргаг.

Гайхахаар
Ямар ехэ баяр болоо нэм –
Баярлахан эхэмни
урдаһаам хараад бархиршоо.
Ябаһан, ошоһон хүршэнэртөө эмгэйм
Бэлэгым найрхаад,
эшхэбтэр намда болошоо.

Тэрэ гэнээр,
Сэдьхэлни хадагдаагүй таряалан мэтэ
Ажабайдалые тэжээхэ хүсэлөөр
хүлгэжэ эхилээ.
Зүрхэмни амидаралай хужар мэтэ
Ажалые омог уряални гэжэ
бүхөөр ойлгоо.

3

Тангараад, бухиндаад тугалайнгаа гүйшэхэдэ,
Дабтаад хойноһоонь
жаргадагам мартагдаад,
Бургаһан морёо зайдаар унахадаа,
Басагадһаа гүйдэлөөрөө
түрүүлдэгэм болигдоод –

Сэсэг таһалаад, шэдэлсэжэ наададаг
Сэнгүү наһам
ямар шэрүүн юм нэм.
Сэбэр шэнэнэдэй дуунда атаархадаг
Заримдаа наһан
ямар нүгэлтэй юм нэм.

Нэгэтэ
һуурияа буляалдажа хэрүүлдэ дадаһан
Наг шэбхын
шэнээгүй улаан хорхой бэшэээ,

Һайрхаад, тамираа багтааж ядаһан
Нюдаргын шалаа гаргадаг
нойтон мунса бэшээ

Ойлгоходом,
Эршэтэ долгёороо добтоло, добтолоһоор,
Эгсэшье һаань,
эръеэ далай эдидэг байгаал.
Тэсэбэри дүүрэн дуһа, дуһаһаар,
Дуһалшье хадаа
шулууе нүхэлдэг байгаал.

Гэбэшье
Уһанай урасхалдал урдадаг аад, ажабайдал –
Шалбааг шэнгээр һанагдахадаа ямар юм?
Уран дуунай шуналые ойлгобошье ажабайдал –
Шарай нүсэгэлөөд улайлгахадаа ямар юм?

Хажуурайм эридэ шэрбэгдээгүй аза талаандаа
Сэсэгүүдни нугадаа
үрэнһөө гүбидэг һэн гү?
Һүхым эридэ дайруулаагүй хуби золодоо
Сэбэр шэнэнэдэйм дууша гээшэнь
аргагүй һэн гү?

Сабшаһан сэсэгэйнгээ тоогоор
сэсэг тарихадам,
Нютагайм шарай
һайхан болохо аа гү?
Сабшаһан мододойнгоо тоогоор
модо һуулгахадам,
Нүсэглэжэ ажабайдал,
улайлгхаа болихо аа гү?

Хүн бүхэн
Өөрын нэгэ эрдэнитэй юм гэжэ
Үндэр наһатан дэмы бэшэ хэлсэдэг.
Өөрсэ өөрынгөө зүргэ бэдэржэ,
Үндэхөө дахабал, олдодог юм гэлдэдэг.

Үнэхөөрөө эрдэнтэйб гэжэ этигэбэл,
Ажалай хүшэрһөө сухарихагүй
зориг мүндэлдэг.
Үльгэртэ хэлэгдэдэг оройдоол хүсэлхэн гэбэл,
Ахир бодолоороо
ажабайдалһаа эсэдэг.

Шадалаа шамарлабал, наһан хорохо,
Шунажа хүдэлбэл,
заабол нюусаяа нээхэ.
Урмаа хухарбал, олдохогүйгөөр нюутдаха,
Үсэдөөр бэдэрбэл,
өөрөө шамайе олохо.

Өөрынхээрээ хүн бүхэн
 удхыень ойлгодог,
 Тиимэһээл тэрэниие олохонь бэрхэ.
 Олоогүйдээ зариман
 сэдхэл дунда ябадаг,
 Тэнэгүүдэй хэрэг гээд, зариман орхихо...

Дэлхэйгээ нэгтэ орхио болоходоо,
Дэншые хойнотожо,
 эрдэнийе танидаг лэ зариман.
Дүлэтэ тамирайнгаа дүрэжэ дууһаагүйдэ
Дэлхэй дүүрэн
 бэдэржэ олодог золтойшуул үсөөн.

Тиимэһээл
Хүлэг мориной хүрөөгүй дайдада,
Хүнэй хүлэй гэшхээгүй газарта
Хүүргэ барижа,
харгы гаргана
үльгэрэй дайда руу.
Хүрзэ баряад,
газарыешье түнхинэ
доодо түби руу.

Хуурай зайдан малаан талада
Худага малтажа,
уһыешье бүлэжэ,
амидарал бэлэглэнэ.
Бүргэдэй абадаг үндэр хабсагайда
Бартаа хаалтатай
сая сагуудай
үүдые сэлинэ.

Хүлһөө урадхуулан,
түмэр хайлуулжа,
һара, нарантай түрэлшье болоно.
Гал суранзые
хазаарлан зайдалжа,
Гүрэн түрые хубилган зохёоно.

Бишье баһал
Хэтын сагуудай соло дуудажа,
Хүүгэдые түрэжэ, угаа залганаб.
Шэнийсэ тарижа, байдалаа тэжээжэ,
Шүлэг бэшэжэ, зоригыешье дууданаб.

Нэгэтэ ойлгоходом,
Үргэһэ нойроо, үлдэһэнөө мартанхай,
Үдэр хүниие илгахаа болёод нуугаалби.

Үргэлжэ сэдхэлээ, нэшхэлээ гэтэнхэй,
Ухаагаа хүрээ болгоод, уудалжа байгаалби.

Эндэл
Өөрөө өөртөө зобожо зорихоодоо,
Энэ наһанайнгаа
 үнэн зүргые танияалби.
Өөрөө өөрыгөө бэдэржэ олоходоо,
Эгээлэй юрын хүн –
 эрдэни байгаалби.

Зүб даа –
Хүнгүйгөөр дэлхэймнай –
 дэлхэй бэшэл,
Хүнэй зүргэгүйгөөр газар –
 газарнай зэрэлгээн лэ
Хүнгүйгөөр амидарал –
 байдалнай зүүдэн лэ.
Хүнэй ажалгүйгөөр баяр –
 бээ мэхэлэлгэн лэ.

5

О, дуумни,
Хүллүүлһэн хөөмэгшэтэй сар гүүлэжэ,
Ажабайдалаа шэрэжэ, жүдхэжэ ябангүй,
Хэрзэгы эзэнэй ташууртай сасуулжа,
Ажалые зоболон болгожо эсээнгүй,

Хүнүүдэй сэдхэлдэ хонон үнжэн айлшалжа,
Хүнэй хүлдые туг болгон үргэхэйш.
Үүрэй толоной задартар бээ бээлжэ,
Үлгэн дэлхэйн хүлдэ дуудахаяа үндэрлэхэйш.

Гэбэшье
Гушан гурбан наһамни
урмаа хухарха болзорһоом
намайе хулуугаад,
Хэхэ ажални улаашамни болонхой,
Хяра өөдөө яарахадаа гайтай.
Гунан хонгор наһанаймни
хүсэтэ хоёр далинууд
арадам ургаад,
Мүрэ дээрэһээм он жэлнүүд унана.
Мүнхэрхэ шэнгеэр тала дүүрэн тарана.

Хүсэлөөр найхан ерээдүйн бодолһоо хэргэжэ,
Хярын үндэртэ дүтэлхэ бүрээ залуужанаб.
Дэлхэе нюдөөрөө бэшэ, ухаагаараа хэмнэжэ,
Дахинаа ажалайнгаа эрхээр эндэ түрэнэб.

ЮНЭДЭХИ БҮЛЭГ

«Хэтын сагһаа буряад зоной эгээл ехэ хайндэрнүүд гэхэдэ, сагаан нарын сагаалган, обоо бунханиие тахилган, тиихэдэ зунай хайхан дулаан сагта болодог дасанай цамай найр нааданда хүн зон суглардаг байгаа.

Обоогой найр тухай хэлэбэл шимэ: арад зон нэгэ бага сүлөөтэй боложо, адуу малайнь зунай дулаан тэнюун сагай ногоон дээрэ гаража, хү наали дэлгэржэ, хүн зоной баяртай, зугаатай боложо байһан үе болодог. Энэ үедэ хабарай ажал дүүрэжэ, үбһэ сабишалангай ажалай эхилээдүйдэ, ажалай хоорондо амаралта гаража, үнгэрһэн жэлэйнгээ ашаг шэмые харюулжа, найр нааданаа хэхэ аргатай сагын ерэнэ ха юм даа.

Обоогой найрта гурбан зүйлэй ехэ мүрысөөн болодог байгаа: бүхэ барилдаан, мориной урилдаан, хур харбаан. Иимэ ехэ найрай мүрысөөндэ бэлдэхын тула хэдэн нараар гү, али жэлээр бэлэдхэл хэдэг байһан.

Обоогой найрай эхиндэ бүхэ барилдаан, хоердоху хубидань – мориной урилдаан, гурбадаху хубидань гэхэдэ, хур харбаанай мүрысөөн болодог бэлэй.

Удаань тус найр дээрэ бултаниие илаһан бүхэ барилдаашанда, түрүүлһэн мориной соло дуудалган боложо, эзэндэнь морин-бэлэг, тиихэдэ хур харбалгаар баһал мэргэнээ харуулһан хур харбагшанда үнэтэ бэлэгүүдые барюулдаг байһан юм.

Совет засагай үедэ обоогой шимэ ехэ найр нааданиие хур харбалгын найр наадан гэжэ нэрлээд лэ, найрладаг болоо.

Үнэн дээрээ хур харбалгын найр наадан гээшэ бүри эртэ урдын сагай Буряадай баатарнуудай орон нютагаа хамгаалжа, арад зоноо абаржа, хариин дайсадые даража, эбэр номоороо илалтын замые туйлажа ябаһан баярай удха шанартай найр наадан болоно», – гээд, Зэдын аймагай Дээдэ Бургалтай нютагта 1918 ондо түрэхэн Даша-Дондог Сандакович Менжигийн хөөрэхэн байха юм.

Автор

НҮРХАРБААН

Тэнсүүриггүй золоймнай найр гэжэ
нурхарбааниие хүлээжэ ядадаг хэн гүб, үгы гү.
Тэмсэл соогуур олдоһон хайндэрнай гэжэ
нурхарбаанай удхые мэдэдэг хэн гүб, үгы гү.

Түрэл оронойнгоо сэлмэг шарайел
Түрэ найрайнь дуунһаа танигша хэм.
Тэнгэриие тулаһан илалтынь үндэрыел
Түрүү ажалшадай солодо харагша хэм.

Мүнөө

Агшан зуураар сагые ахижа ерэхэн
Хүлэгэй хурданда
 оронийнгоо намтарые таниналби.
Агшан зуураар сагай солье дуудуулһан
Баатарай түрэлгэдэ
 оронийнгоо ерээдүйе хараналби.

1

...Һананаб мүнөө:

Зунай һүниие унтангүй үнгэргэхэн
Мэндээтэй, шууяатай үхибүүн ябагдаа.
Зунай найрта эмгээтээе хойулан
Мори хүллэжэ, эртүүр зориһоноо.

Наһатай болоһон

Хашан борын һалирхые хэлэхэ гүш,
Хабирихан мөөрын хахинаанһаа эсээндэм,
Бургаан моринойм хурдые хэлэхэ гүш,
Бухиндаан соонь зайдалжа унаандам –

Дуутай шуутай зоние нуулгаад,
Найрай машинын дохёо татаһаар үнгэршэхэдэ,
Тоохон һүүл, дэлһеэ самнуулаад,
Наадалхан мэтэ баһаһаар тэрэнэй хайлашахада,

Бургааһан моримни һонигүй боложо,
Тэргэдэ аһалдахадам эмгэйм энеэбхилээ.
Бүдэрһэн нулимсаяа нюусаар аршажа,
Тунайгүй бороёо голоходом эмгэйм гэмэрээ:

«Үтэлөө гэжэ мориие бү голо –
Үбгэрөө гэжэ хүниие бү наадала.
Һалирһан хоёрые бү баһа –
Һүүлшымнайшые хүтэл байжа болоо.

Хүнэй наһан хэһэн хэрэгээрээ үлэдэг
Амидаралай нэгэ үршөөлтэй юм лэ.
Хүлэгэй наһан дуугаараа мүнхэрдэг
Ажабайдалай нэгэ үрезлтэй юм лэ...»

«Үршөөлэйн» удхые ойлгоо һэн гүб, үгы гү,
Һүүлшын хүтэлшые
оршолонгой нюуса һэн гэлэй.
Унтаһан мэтээр һалирһан борынгоо
Дуушан гүүлэхэндэ
энеэдэһэмни хүрөө.

* * *

«Бүдэржэ унаһан хүлэгэйнгөө алдалхада,
Бүглэршөөд элинсэгнай
зоболондо баригдахадаа –
Захагүй ехэ байдалай далайда
Зүдэршөөд аргагүй
төөришөөд ябахадаа,

Зүүдэндээ
Унаган зандаа үүрхэхээр моринойнгоо
Налхин шэнгээр
дүтэлжэ ябахыень харажархёо ха.
Урдынхидаал хойноһоонь хазаарайнь шэнхинээнһээ
Ногоон дэлхэйн
сухарин гургахые дуулажархёо ха.

Нэгэтэ
Хүлэгэйнгөө тархиие уралан бүтээхэдээ,
Шүрбэһэн мэтээр дэлһыень тэрэ татаа.
Хургаараа гэнтэ дэлһынь дайрахадаа,
Шэнхинһээр моринойнгоо табархые дуулаа.

Эндэл одоо
Аялга соонь ами ороһон
Хүлэгөө тэрэ
танижа жаргаа юм лэ.
Амидарал, үхэлэй хилэ хуряаһан
Хазаар ногтын
ханхинаае дуулаа юм лэ.

Тэрэ гэхээр
Арадта морин хуур түрэжэ,
Хүлэгэйн наһан дуугаараа мүнхэрөө.
Араднай байдалаа үльгэр болгожо,
Хүгжэмэй хэлэн дээрэ түүрээдэг болоо.

2

...О, эмгэйм,
Хашан борымнай дууша наһан
Хүбшэргын шэшэрээнһээ
ами оронхой үүрхэнэ.
Үбгэн хууршын үльгэр гүүлэн,
Үхибүүн наһанайм
гайхал мүнөөдэр жэрьенэ.

Аялга соонь унаган түрэжэ,
Үүрэй толон руу шуумайна ха.
Аянайнь дуун хонхо боложо,
Үдэрые угтан, жэнгирнэшье ха.

Сэсэгүүдые дайража,
шүүдэр сасагтуулаад,
Һүн сагаан маные хуряагаад,
Һарьдаг дээгүүр
дүүлиһэн нарые эрьюулээд,
Салуу добонууд дээгүүр дабтаад,

Адуун хүрэгтөө
Бусаха замдаа хүлэг боложо,
Һалхи татаһаар таладаа бууна ха.
Баатар хүбүүнэй түрэхые зүгнэжэ,
Сэргэдэнь ерээд, газар зааданашье ха.

3

Һурхарбаан...
Дээрэм – хүхиһэн наран жаргана.
Дором – зүлгэ ногоон һогтоно.
Зоной нааданһаа июли һалбарна.
Зориг туршаһан найр нэрбенэ.

Үндэрэй оройе
Абадаг бүргэд угтанай соло дуудаад,
Бургаһан саһандал парашюдууд доошолно.
Байдалаймнай дулаахан охиндо түлхюулээд,
Агаарта дэгдэһэн шааранууд хайлана.

Урагша, хойшоо
Урдаһан уладай үертэ абташоод,
Зумнай өөрөө үнгөө буляалдана.
Үдэрэй үдөөр һэбшээн далижаад,
Зэрэлгээ татан олтирогтомнай бууна.

Зоноймнай шарайда
Ажалайнь илалтын эхин дуулажа,
Баярай духаряа –
энеэбхилэл болоод салгидана.
Амар мэндээ эндэ хүргэлсэжэ,
Баатар хүбүүд,
хүлэгүүдээ дурдалсана.

* * *

Наранай элшээр
Шудхуулһан мэтэ хүжэгэр бүхэшүүл
Далая дэбиһэн бүргэдтэл бодоно.
Шадал, зоригоо мэдэлсэжэ бэрхэшүүл
Дүрэ буляалдан, урда урдаһаан гэтэлсэнэ:

Хүдэр мушхалаа балсанайнь зангираанда
Баатарай баатар хүсэн наадана.
Хүбшэргэй мэтэ хүлэйн дэгээдэ
Булад мэтэ зориг эршэдэнэ.

Иимэл хадань
Диилдэшгүй бара хүсэнүүдэй тулалдаае
Дүхэригэй найр элинсэгни болгоод,
Тэмсэлдэ хүтэлхэ баатарай түрэлгы
Тодожо эндэ удангүй танияд,

Арадта баатар түрэмбэ гээд,
Үндэр наһатан дүхэригөө таһалжа уридаг һэн.
Аршалха хүмнэй тодорбо гээд,
Арад зонойнгоо хуби заяае найдадаг һэн.

* * *

Үдын нараншые
Унаган мэтээр эрьен тойрожо,
Урилдаанай зориг-соло дуудана.
Зүлгэ ногоо, сэсэгүүд дохижо,
Зэрэлгээ морид урагшаа шуумайна.

Хилэ татаһан
Тэнгэрийн хаяа руу туруунуудай түбэрөөн
Дорьбоһон талын сууряе дахана.
Үүлэн хүлэгүүдэй хүрэг мэтээр
Үлгэн талынгаа энгэрһээ таһарна.

...Туруунайнь орхиһон
Хонхосог бүхэнһөө хоолойгоо зайлаад,
Жэргэмэл шубуухай агаарта дэгдэнэ.
Хүлэг эрдэнийн түрэхэ болзорые агшаагаад,
Зүрхэн мэтээр үндэртэ шэшэрнэ.

Түрүүлһэн
Жэбжэгэр гоё хүлэгие магтаад,
Соносхожо угынь жэргэмэл жаргана.
Жэрьеэн соогоо өөрыгөө мартаад,
Соло дуудаһаар доошоо тэрэ халина.

Дуулажа дүүргээгүй
Дууень гэнтэ дүнгэн үргөөд,
Жэргэмэлэй орондо зүрхэм гэнтэ үндэрлөө ха.

Дуунайнь шэдиһээ хоолойгоо зайлаад,
Жэргэмэлэй эхилһэн соло дууданал ха.

4

Сагуудые ахин,
Бабжа баатарнай али ами оронхой,
Һурхарбаанда бэеэрээ бууба аал?
Барас баатар нэрээ һананхай,
Залуу наһаа харахые хүсэбэ аал?

Энгэрээ сэлин, хамшыгаа шамаад,
Үльгэртэ хэлэгдэдэг
мүхэшэгүй зоригтон нааданда ороно.
Эрын эрхимүүдэй хүбүүд гүүлээд,
Уг изгууртанайнгаа
мэргэн солые иигэжэ ёһолно.

Зүб даа,
Дайсадаашье угтахадаа элинсэгэймнай гарта
Шэшэржэ үзөөгүй юм лэ номо годли.
Талын нүүдэл буярадай хойморто
Шүтөөн мэтээр үлгэгдэдэг бэлэйл номо годли.

5

Гурбан зэргэлээ моридой хатараан,
Гармошкын огсом хүгжэмэй зэдэлээн,
Һолонго-дугаагай хонхын шэнхинээн,
Һалхинда самнаһан дэлһэнэй хиисээн –

Наранай элшые
Сахаригуудай дүхэриг болгон носоожо,
Сэнхир алас руу шуумайна.

Ниидэл дундань сухарин үрээжэ,
Ногоон дэлхэй хойноһоонь даллана.

Энэл талаар

Ород нүхэдтээ дүрөөгөө нэгэдүүлэн,
Жаргалаа бэдэржэ гараһан түүхэтэйлди.
Ород нүхэдтээ ээм ээмээ түшэлсэн,
Жаргалайнгаа хүүдинсэдэ нараяа дархалаалди.

Ганзагаа хубаалдажа, холые һунгаад,
Хүлһөө нэгэдүүлэн, аласые абаналди.
Хүсэлөө нэгэн мүнхэ зориг болгоод,
Гасалангай далайешье горьхон болгонолди.

Он жэлнүүд холбон ябталагдаад,
Һудаһаарнай элинсэгэймнай омог шуһан жэрьез.
Ногтуу ажабайдалай долгин ургалагдаад,
Оодорһон сагаймнай эмээл дээгүүр бүгтэрөө.

Мүнөө

Энэл долгинһоо мүндэлһэн мүшэдүүд
Онһото сагаймнай үльгэр гүүлээд гайхуулна.
Эршэтэ хүсэһөөнь шэдиэ абaad,
Онгосо болоод, замбуулин руу шуумайна.

Һурхарбаан...

Агаарай долгёор ажалша баатарнуудаа амаршалаад,
Хүсэтэн хүсэтэнөө угтажа ёһолно...
Хүбүүдэй дууша, басагадай хатаршые туршаад,
Айдар наһанай ёохор нэрьенэ...

АРБАДАХИ БҮЛЭГ

1950-1960-аад онуудаар холын хүдөө нютагуудай жаахан үхибүүдэй наадаха нааданхайнуудһаа байтагай мүнгэн, эдихэ юумэн, хубсаһа хунар хомор, сагнай үшөөл хатуушаг һэн. Урда сагта айлнуудай үхэр, хонидоор элбэг байһан үедэ үхибүүд үхэр, хонидой баабхайнуудаар шагай нааданиие олон янзаар наададаг байһан һаа, харин минии жаахан байхада, тиимэ юумэн байгаагүй.

Жэшээлхэдэ, илангаяа үбэлэй сагта газашье гараха аргагүй гэртээ хууһан намда наадаха ямаршье наадан гэжэ үгы бэлэй. Тэрэ үеын засагай тогтоолой ёһоор, айл бүхэн тугалтай нэгэ үнээ, хурьгатай 1 хонишөл үмсэдөө бариха ноормотой байгаа. Тиихэдэ тэрэ сагта нарин нооһотой үүлтэрэй хонид гэжэ үгы, хонидын гансал монгол үүлтэрэй, хурьгадын гэжэ одоол хөөрхэнүүд һэн. Түрэлхиднэй үбэлэй сагта түрэн хурьгаяа гэртээ байлгадаг байжа, илангаяа бидэ, жаахан үхибүүдэй жаргал гээшэ эндэ ердэг бэлэй.

Нэгэтэ хонинойнгоо хурьгалһан үбэл дүрбэтэй байгаа гээшэ һэн гүб даа. Үдэрөө дууһан хурьгыень хөөрхэшөөжэ, эрхэлүүлэн һагад наада, наадаһаар, аргагүй нүхэд болошоһоноо һананаб.

Гэбшье һүүлдэ тэрэнтээ яажа хахасаһанаа мартажа ядан, удаан саг соо зобохон тухайгаа һанан, дурсан, шүлэглэн бэшэһэнэ энэ бүлэг соогоо оруулбаб.

Үшөө тиихэдэ хүн зонтой хөөрэлдэжэ ябахадаа, Улаан-Үдэдэ ажаһуудаг нютагайнгаа эхэнэр Ойдопова Дари Дашиевнагай хөөрэн хөөрөөе гэршэ болгон, уншагшадайнгаа анхаралда баһал дурадхабаб.

Автор

* * *

«Жаахан байхадаа, ямар нааданаар наададаг байгаабта? Энээн тухайгаа хөөрөжэ үгыш», – гэжэ эгэшэһээ нэгэтэ асуухадамни, тэрэмни: «Юун гэжэ хөөрэхэбиб даа, мүнөө сагайхидал элдэб нааданхайнууд байгаагүй. Мори унаабди гэжэ бургааһа унаад, гүйдэдэг байгаабди. Үшөө тиихэдэ шүдхэр, анахай боложо наададаг байгаад, шүдхэрһөө айха гээшэмнай аргагүй байгаа юм. Жэшээлхэдэ, нэгэмнай «эжы хүн» боложо, 4-5 хүнүүднэй «үхибүүдэнь» боложо, бэшэмнай «шүдхэр» боложо наадахадаа, «шүдхэрнүүдэйнгээ үхибүүдыень абаашаһаа ерэхэдэнь, «эжымнай үхибүүдээ» ара нюргандаа байлгаад, «шүдхэрнүүдэй»: «Үхибүүдтнай хаанаб? А-аа, энэ ара нюргандаһи байна ха юм», – гэхэдэнь, «эжымнай»: «Ямар үхибүүд байха юм, мушхагданхай арһанууд лэ байна», – гэхэдэнь, «үхибүүдэнь»: «Бидэниие юундэ мушхагданхай арһан гээ хүмиш!» – гээд лэ, тэдэнь

«эжы» болоһон хүндөө нээрээһээ янгалшаха, тиигэжэ «шүдхэрнүүдтээ» мэдэгдэжэ, тэдэнь «үхибүүдые» бариха гээд лэ, намнасалдаан гээшэ эхилшэдэг байгаа юм лэ даа...

Бидэнэй мэдэхэ юумэмнай мушхагдаһан арһан, шүдхэр лэ байгаа юм бэшэ гү даа», – гээд, эгэшингээ дуугай болохоходонь: «Үшөө ямар нааданиие наададаг байгааабта?» – гэхэдэмни, тэрэмни: «Хитарсаа наададаг байгааабди. Урдань айл бүхэндэ гэхээр зулбадхаар дүүрэн хонидой шагайнууд байгаа юм. Томо жабдан дэбдеэд лэ, үдэрөө дууһан тэдэ шагайгаараа хитарсаа наададаг бэлэйбди», – гэжэ хөөрөө бэлэй.

НҮХЭД

Хүхэрэн дабшалһан хабшал хабсагайн,
Үншэн сагаан нюсэгэн добын,
Хуурай улаан нүүдэл элһэнэй,
Үндэһөөрөө хаташаһан хара хохюурай

Хэлэн дээрэ шүлэгөө бэшээгүй бээб?
Гансаараа дэлхэйдэ ёндойжо һууһан мэтэб.
Хүлгөөтэй, шууятай нүхэдни хаанабта?
Газарай татасаһаа таһарһан шэнгиб.

Найдажа боломоор түшэг бэшэ гээд,
Унаган дууем али голобо гүт?
Нараниинь эртэ, наһань бага гээд,
Хүлэг болотороо үды гэбэ гүт?

1

Үнэниие бэдэржэ,
Нюдэдэйшые, үгыншые гал руу
Эрбээхэйдэл тэгүүлжэ,
далиа шатахадаа,
Нулимсыншые, уһанайшые эрьюулгэ руу
Эршэн дундаа
хүрэжэ унахадаа,

Аха захатанайнгаа толи мэтэ нюдэндэнь
Алдуугаа хаража,
ухаа ороһоноо мартаагүйб.
Аргагүйл хойноһоом ханаагаа зобоһон сэдхэлдэнь
Ахирдаханаа мэдэржэ,
зориг орожошые үзэлэйб.

Таабариин зангилаае тайлажа ядаад,
Төөрөд заримдаа
далиаа хумихадам,
Тооһон шэнгээр оршолонгой юрьезн ханагдаад,
Торожо оройдоол
дэгнүүлһээ бүдэрхэдэм,

Мүнөөхил
Бэлэхэнээр алдууемни заһажа хүлисэдэг
Багша гээшэ
үнэнһөө баярладаг юм байна.
Амжалта бүхэндэмни сэдхэлээ ханадаг
Аха нүхэр мэтээр
дахуулдаг юм байна.

2

Зүүдэндэмни мэтэ
Гуламтыемнай тойроһон хүнүүдэй һүүдэр
Ханада харлажа, хүдэлэн байгаал.
Гайха тагна, амиды шэнгээр
Хутага бариһан шүдхэрнүүд мэтээр харагдаал.

Зулын гэрэлдэ
Оршолонто байдалай шэрүүнһээ хүрдүүлһэн
Ойлгожо ядадаг
үльгэрнишые бэшэ байгаал.

Хурганайнгаа халаагаар шүүнэ гоожуулхан
Хүршэнэрэйм тоно лэбшэнэн
шарайнууд тодороол.

Зула бадарааж,
Мүргэл хэжэ, нунан унадаг үбгэдэй
Мал гаргадаг заншалһаа
яатараа айгша хэнбиб.
Маани уншажа, буян хэдэг эмгэйнгээ
Мэгдэжэ хорихогүйдэнь
яатараа муулагша хэнбиб.

Дууша үльгэршэн үбгэжөөл хүршынгөө
Сайлажа, хутагаа бүлюудээшыень
хананаб, үзэн ядаһанаа:
Домбо, тогоогоо хонгиргоод эмгэйнгээ
Сүлөөгүй халиршахада,
үгынь дуулаагүй тэрьелһэнээ,

Нүхэрөө абарха, аршалха хүсэлөөр
Хорёо сооһоонь намнажа ядаһанаа,
Намаяа дахажа хахасахагүй шэнгээр
Хонинойнгоо маарахада,
хүзүүдэжэ бархирһанаа.

Хурьган ябаханаань нүхэсэһэн нүхэрым
Эмгэйнгээ хүтэлжэ,
гэртээ оруулһаниинь хаял хэн.
Эндэл өөрөө өөрыгөө голоһониим
Хонгуудайм тиихэдэ
ойлгоһон мэтэ хэн.

Эльгээ үбдэжэ, мартажа ядаад,
Үбгэжөөлөө арын шүдхэрнүүдэй нүхэр
гэжэ һэжэглээб.

Эмгэйгээ нажааж, бурхандань мүргэдэгөө орхёод,
Үргэл буяниень
худал юм гэжэ этигээб.

Нүхэсэлни тиихэдэ түрүүшынхиеэ урбажа,
набаа мэтээр ажабайдал наагдаа.
Найдамтай үльгэрэйм хилэ табигдажа,
Нүүдэр мэтээр хүнүүд харагдаа.

Эндэл
Нэтэрүү орёо асуудал табижа,
Эмгэйгээ сошоожо эхилээ бэлэйб.
Эльгэ дүүрэн энеэхээ болижо,
Нүгэлгүй наһантаяа хахасаа бэлэйб.

3

Наанаб –
Казах нүхэдэйм хурган доро
Гитарын долоон утаһан уйлаад,
Каспиин далайһаа нүхэдни эндэ
Гуниг дүүрэн дуугаа эхилээд –

Гарһаа гарта хилээмэн дамжагдажа,
Халуухан сайгаа нүхэдэйм нэгэн харбайна.
Гэдэнэ садхалан, сэдхэл дүүрэн энеэжэ,
Хүлэг нүхэдни сэсэ буяалдана.

Эсэхые мэдэхгүй унаган нүхэдни
Мүшэдэй орондо
носохооршые бэлэн хэбэртэй.
Энгэрээ сэлиһэн омог нүхэдни
Мундаргые мэнэ гэнээр
махахааршые янзатай.

Мүнөөшье

Ульгэршэд мэтэ сэсэ буляалдажа,
Урдахи байдалаа зохёожо арсалданашье ха.
Үе сагайнгаа үбшэниие досоогоо хүнөөжэ,
Үнэн дураяа үе сагтаа зорюулнашье ха.

Ульгэртэ хэлэгдэдэг баатарай шэдиие
Үнэн дээрэнь бэелүүлхээршье зоригтой хэн.
Толи гэрэлэй ара талые
Толо татуулхааршье һонор ухаатай хэн.

Ундаа харяан, шагнажал һуухаар
Нүхэдэйм сэдхэл ямар хайхан хэм!
Уярхадаашье, дуулахадаашье ханажал ябахаар
Наһандам хүрэхөөр ямар хайхан жаргал хэм!

...Үдэрнүүдэйм аза талаан байгаа гүт,
Ажабайдалдам нэгэтэ шэлэгдэһэн нүхэдни?
Зан абаряараа иимэл зандаа үлэһэн гүт,
Үнөөхил сэсэ буляалдаагаа үгылнэлби, нүхэдни!

4

Үнэхөөр хайхан уулзалган болодог хэн теэд,
Үргэлжэлхэгүй аад,
 хайндэр юундэ бэлэглээб!
Нүхэдэй зугаа дүлөөр үндэр хэн теэд,
Нүхэсүүлхэгүй аад,
 гуниг юундэ үлөөгөөб!

Дахинаа хэзээ хайндэр ерэхэб –
 мэдэнэгүйб,
Хүнэй ханаашаар болохо бэшэ даа.
Дахинаа хэзээ уулзалган болохоб –
 мэдэнэгүйб,
Хүнэй сэдхэлые захирха бэшэш даа.

Мүнөөдэр гансаарданаб,
нүхэдни теэд алин бэ?
Телефоной утаһаншье,
дүтын зүргэшье холбоногүй.
Мүнхэдөө байхаар ханагдаһан
хүүргэмни алин бэ?
Хэзээнэ, хэнэй гэмээр
һандаршооб, гайхалтай.

Аадартай мүндэр соогуур
аяншалжа ябаандам,
Нүхэдэйм табиһан хүүргэ
сахилгаандань дайралдаа аал?
Алтан дэлхэе альган дээрээ
мэдэрхэ хүсэлһөөм
Намае уймаһанда тоолоод али
мартаа аал?

Гэртээ урьханда ороһон
шубуухай шэнгиб –
Гансаардалгын бүтүү ооһор
дээрэм һэнжэлдэнэ.
Газаа гаранаб,
дэлхэйдэ багтажа ядаһан шэнгиб –
Гэгээн огторгойшые хадаа
набтар боложо гасаална.

Хундага дүүрэн архиин дүлэнһөө
һогтожошые үзөөб –
Зүгөөр элүүрби,
хүл дором газар хэлбэлзэнэ.
Хэндэшые гомдоһоноо мэдэнэгүйб,
гомдохо эрхэшыегүйб –
Зүгөөр нюдэдһөөм
гомдолой нулимса урилдана.

Үнэхөөр найхан уулзалган болодог нэн тээд,
Үргэлжлэхгүй аад,
 найндэр юундэ бэлэглээб!
Нүхэдэй зугаа дүлөөр үндэр нэн тээд,
Нүхэсүүлхгүй аад,
 гуниг юундэ үлөөгөөб!

5

Сэсэг мэтэ сэсэглэжэ ябахадаа,
Сэсэгэй найхание обёороогүйм гайхалтай.
Сэдьхэл дүүрэн наадажа ябахадаа,
Сэсэгэй наһые шаналаагүйм харамтай.

Нюуртаа

Наһатай болоһоной тэмдэг уршалаа
Нэгэтэ обёороод, сэсэгэй найхание гайхааб.
Он жэлнүүдэй оодорон ошолгоһоо
Одоол сошоод, сэсэгэй наһые шаналааб.

Үндыжэ ябаһан хүүгэдээрээ урмашахадаа,
Саг сагтаа сэсэг сэгнэгдэдэг юм байна.
Үтэлхэ болоһон инагаа харахадаа,
Сэсэгэй хагдархада, хайралагдадаг юм байна.

Тоонтым хүйһэнһөө үндэлһэн хадаа
Түрэлһөө түрэл байгаал сэсэгүүдни.
Нюдэнэйм хужар, сэдьхэлэйм тэжээл –
Нүхэдни гээшэлта, хүлисыт гэнэб сэсэгүүдни.

Мүнөө

Шэбэнэн нагад дураяа мэдүүлхэдээ
Үтэлхын далайда хүрөө бэшэб.
Сэдьхэлээ хүлгэн нүхэдни гэхэдээ,
Үнэхөөрөө тэдэмни ойлгонол, этигэнэб.

Нүхэсэлэй хэлэн гэжэ бии юм байна,
Нямняа сэсэгүүд үгэгүйгөөр
альгандам нэнгээ.
Нүхэдөөр байдалнай шэмэглэгдэдэг юм байна,
Нүхэдгүйгөөр наһан гээшэ
һонигүйл одоо.

6

Унтархагүй мүнхэ үдэрнүүдэй һубарилдаае
Ерэжэл, ошожол байдаг нүхэдни гэхэдээ,
Ута наһатанай «үхибүүн» болошодогые
Ерэхэл, ошохол миниишье саг гэхэдээ –

Үдэшөөд үдэрые үдэшэ бүри
Үе сагайнгаа үбшэниие абажа үбшэлнэб.
Угтаад үглөөдэрынь шэнэ үдэрөө,
Үхибүүн шэнгээр наран өөдөнх үлынэб.

АРБАН НЭГЭДЭХИ БҮЛЭГ

Гүрэн түрэ, партиингаа заахан шугамаар совет үзэл сурталтай ябахан хүниие «өөрынгөө сагай хүн байгаа» гэжэ хэлэдэг гээшэбди. Совет засагай үедэ хүн зон багахан салин мүнгэ олохын түлөө унахан малгайгаа абаха сүлөөгүй, үргэхэ нойргүйгөөр наһанайнгаа амаралтада гаратараа ажаллажа ябаа. Ганса фабрика, заводуудта бэшэ, мүн лэ хүдөөгэйнгөө түрэл нютагта хүдэлжэ ябаһан олонхи хүнүүдэй хүсөөр ажаһуудалнай яһала һайжаржа байгаа бэлэй. Юундэб гэхэдэ, ерээдүйдөө этигэдэг, найдадаг байгаа бишуу.

Гэбэшые ямаршые арад зон хадаа һайтай, муутай гэжэ мэдэнэбди. Илангаяа мүнөө сагта заримшуул байдалаа хубилган шэнэдхэнэбди гэгһэншүүгээр энээнэй урда хүнэй нюдэдһөө далдалаад ябаһан зан абарияа гүйсэд дүүрэн харуулжа, хэд байһанаа харуулдаг болонхой. Жэшээлхэдэ, баяжахын тулада хулгай, худал ябадалтай нүхэсэжэ, ганса өөрынгөө нэрые бэшэ, мүн лэ зонойнгоо, нютаг оронойнгоо нэрэ алдарые хухалдаг болоод байна.

«Зуд болобол, зон дээрэ, дайн болобол, даян дээрэ» гэгһэншүүгээр гү, али үйлымнай үри иимэл байгаа ха юм даа гээд, һанаа амарахан ябахаар бэшэ сэмүүн саг ерэнхэй, түлэг дундаа ябажа байна гээшэ.

Гэхэ зуура, зомнай хоёр анги боложо, дундаа яаха аргагүй илгаржа гэхэ юм гү, али хоёр бүлэг боложо таһаржа байна бишуу. Нэгэдэхэ бүлэгийн үдэрһөө үдэртэ баяжажа, нүгөөдынь үдэрһөө үдэртэ үгыржэл байнхай. Тиимэхэе үшөө Совет засагай үедэ бэшэгдэһэн энэ поэмынгэй «Саг» гэгһэн бүлэгэй тайлбарилда һанамжыемни баталжа, бүри 2000 оной эхээр хөөрэхэн эрдэмтэн Николай Цыремпилов, хүдөөгэй мэргэжэлтэн Людмила Шишмарёва хоёрой хөөрэхэниие оруулха гэжэ шийдэбэб.

Эдэ хоёр хүнүүдэй һанамжануудые дэмжэхэшые, дураа гутахашые хүнүүд олдохо. Тиибэ яабашые һаань, уншагшадайнгаа анхаралда дурадхаб.

Автор

* * *

«Бидэ, эрдэмтэд эрдэм шэнжэлэлгынгэй номуудые бэшэжэ дүүргээд, һаһа баража байхадаа, энэ ажални олон, олон жэлнүүдэй туршада арад зондоо хэрэгтэй байха гэжэ мэдэдэг гээшэбди.

Тиихэдэ ажахыгаа үргэхын тулада хэды ехэ хүсэ шадалаа, сагаа үгэхэн хүнүүдэй ажалай дүн мүнөө хубилган шэнэдхэнэбди гээшэдэй захиралтаар хуу һалгаагдаад байхадань, оролдоһон тэдэ хүнүүдэй сэдхэлдэ ямар хүндэ гээшэб даа», – гэжэ минии нэгэ танил эрдэмтын хэлээшэ

ходо ханаандамни ородог. Тиймэхээ энэ хандаралгы абамни харан-гүйгөөр бүри 1985 ондо наһа бараа хадаа буянтайшые хүн байгаа юм гү даа гэжэ заримдаа бодохоор байгадаг. Гэбэшые абамни амиды мэндэ ябахаяа яагааб даа гэхэн шаналал досоомни үе-үе болоод лэ түрэдэг.

Николай Цыремпиловэй хөөрөөнһөө

Сонхоороо харахадамни, ажабайдалнай уйдхартайгаар урдажа байһан шэнги, шубуудшые хадаа гунигтайгаар дуугаа дуулажа, горьходшые һөөлдэнги абяагаар шолшогноно хэбэртэй. Сэдьхэлэйм энэ харанхы үүлые тарааха, арад зонойнгоо түлөө зобоһон үбшэнһөөмни халгааха ямар мэдээ – соносхолые дуулаа хаамнай, хайн болохо байгаа гэхэн асуудалые өөрөө өөртөө табиаб.

Ушарань гэхэдэ, хореод жэлэй туршада нэгэл предприятиядаа хүдэлжэ ябаһан аад, мүнөө ажалгүй болошонхойб. Предприятиимнай хүтэлбэрилэгшэ ажалаа бүхыдэнь унагаажэ, акциин хахадһаа ехэнхи хубиенъ өөрөө худалдажа абаад, ажалһаамнай бултыемнай гаргаад, орондомнай түрэл гаралнуудаа абаад байнхай... Тийхэдэ бидэ, мэргэжэлтэд ажалгүй үлэшэнхэй байнабди.

...Сэдьхэл зүрхэндэмнай апрель һара ерэжэ, уур сухалыемнай, хамаагүй гэдэг хүйтэршэһэн һанал бодолыемнай дулаагаараа жэгнэжэ, хайлуулдаг һаа даа. Мүнөө бүхы Орос гүрэнөөрнэй мэдэгдээгүй үйлэ хэрэгүүдэй болохые хүлээлгэһэн урасхал зэдэлнэ, гэбэшые энэ урасхалнай бидэниие дахинаа ямар политическэ болон социальна аймшагта урыда асарха байгаа юм, мэдэнэгүйбди. Мүнөө байһан байдалһаамнай саашадаа үшөө муу болохо аргань үгы. Эрэмдэг болошоһон хүнүүдтэл өөһэдөө өөһэдынгөө доосоһоо амидарха хүсэлөө оложо шадаал һаа, абарагдажа болохобди. Дээрэхи бурхадһаа хайн хайхан соносхол – мэдээе хүлээлгэмнай шортоо хаш. Өөһэдөөл өөһэдынгөө абарагшан болгожо, абарха болоно бэшэ гүбди.

Людмила Шишмарёвагай тэмдэглэлһээ

САГ

Мододой оройнууд философууд мэтээр
Мүнхэ бодолоо дурадхана гү, үгы гү.
Үхэлгүй мүнхэ ажабайдал эхэ мэтээр
Ута наһа үрезнэ гү, үгы гү.

Захагүй дошхон сагуудай далайһаа
Зүрхэнэйм сохидол бүхэн туһаламжа эринэ.
Зэрэлгээтэ ажабайдалай гүн сооһоо
Зүрхэмни дэлхэйдэ гансаардахаһаа айжа хүлгэнэ.

Сагай онгосо мэтээр байдални тамаржа,
Сагуудые нэбтэ нэтэлээд ошоношые шэнги.
Хэншьеб жадаар, галаар зогсоохые нэдэжэ,
Хэншьеб туһаламжа үгэхөөр харюусана шэнги...

1

Һүниндөө
Байгаалиин хүрөөтэ засагай мэдэлдэ үгтэһэн
Һарын тоонһон шэнгээр
өөрыгөө юундэ мэдэрнэбиб?
Бүхы дэлхэйдэ захирха засагаа бэдэрһэн
Хүн-рободууд
юундэ зүүдэндэм мүрдэнэб?

Хоридохи зуун жэлэйм нарые
Халхалжа мүнөөшые
Һүүдэр татаһан зандаа.
Хиросима дээрэ хаягдаһан тэрэ бумбые
Тодохоор гарни мүнөөшые һарбайһан зандаа.

Үе сагым
Нэшхэл, сэдхэлэй үхээри болгохо хүсэлөөр
Жадаа зүрхэн тээшэм
рободууд нэнгүүлнэ.
Жадын урдаһаа улаан тугаа намилзуулһаар
Хүнэй эрхимүүд
тэмсэлдэ жагсахаар бодоно.

* * *

Самолёдоо хаягдаһан бумбые тодожо абаад,
Нюдаргаа зангидажа,
самолёдой хойноһоо зананаб.
Намае галаар наадана гэжэ намараад,
Сошохон тэнгэрийн
хүмэрин алдахые харанаб.

Түрөөгүй хүнүүдэй заяан гартам оронхой,
Түби дэлхэйн зүрхэн
гар дээрэм логшоно.
Зүрхэ алдаһан газар амиа татанхай,
Залд гэхэн
тэнгэри дээрэхээм гэтэнэ.

Хон-жэн...
Үе сагни дуһаа мэтээр дуһалжа,
Үдэшын наран
тэнгэрийн хаяа руу шургана.
Үшөөһэнэй мүшэр бүхэндэ амиа найдажа,
Үндэрһөө халиһан
шубууд хороно.

Гэнтэ
Агаар шүүрэн хабсагайн үнсэгһөө халиһандал,
Зүүдэмни хүүхирһөөр намайе орхижо,
Зүрхэнэйм нэгэ худаһанай таһарһандал,
Агаар дуталдажа, хара хүлһэмни бугшажа,

Нойрни

Ээлжээтэ агнууридаа гараһан миихэйе дахан,
Үнидэ ариланхай, нюрга руум хүйтэ даана.
Үнэн бэшэ, зүүдэн байһандань,
Энеэхэшье, уйлахашье дурамни хүрэнэ.

Гэбэшье

Номгон хүниин умай сооһоо
Хуухын таталдахаар зүүдэн юундэ түрэнэб?
Налагар тэнгэрийн мүшэдэй дундаһаа
Харанхы руу заримань юундэ унанаб?

2

Аашатай тэнэгыем тэсэжэ ядахадаа,
Үдэрнүүд намайе
яаралтай үндылгөө юм гү?
Асуудалайм олонһоо эсэжэ хашархадаа,
Үе сагууд
үльгэрэйнгөө орондо мордуулаа юм гү?

Зобожо хойноһоом хургахаяа залхуураад,
Залуу наһыем үе сагни мэхээр абана аал?
Сэдьхэлым дүүргэжэ, садхаажа ядаад,
Сагһаань урид зүрхыем үтэлүүлнэ аал?

Үе сагайм залуу наһан али үнгэршөөд,
Унтархагүй зүрхэнэим
үнэндэ мэдүүлнэ аал?
Үтэлхэ наһаяа намда найдаад,
Үхэлгүй байдалай
дорюундань найдана аал?

Оршолонгойнь хүүргэ дээгүүр
ашаагаа тээгээд,

Залуу наһанайм онгосо дэгдэнэ.
Сортоотой шанга абяанһаань
ажабайдал дорьбоод,
Одониинь газарай хүхэн дээрэ шэшэрнэ.

Түргэн дундаа хайшаа зорибош,
хүлээгыш гэнэб,
Ундыеш харяаха байдалшни
өөрөө байналби.
Таряагаа ургуулха гэбэлшни,
газар болохоб,
Ухаае хүсэхөө һанабалшни,
номшни өөрөө байналби.

Үгы даа, шолмо, үгэ дуулахагүй,
Үе сагайнгаа амин худар ябашабал даа.
Үльгэртээ намайе хахасуулха дурагүй,
Үтэлөөгүйдэм үрдижэ ошобол даа.

3

– Алло, алло, зүүдыем таһалыт –
Хэндэшьеб, юундэшьеб хонходоно хэбэртэйб.
– Алло, алло, абаржа хэшээгыт –
Хэниешьеб, али үе сагаа гуйна гүб?

Гайханаб,
Үнэн болоһон ушар юм һэн гү?
Ангуушанай али шог зугаа аал?
Үльгэршын түүрээһэн үльгэр юм һэн гү?
Арадайм али эхин зүүдэн аал?

...Захагүй ехэ хүбшэ тайгын оёорто
Агнуури хэдэг элинсэгэйм гуниг юм гү?

Залирхагүй ута хөөрөөгөө түүдэгэй дэргэдэ
Аргагүйл эхилдэг зүрхэнэйн али сог юм гү?

Нэгэтэ

Отогойнь харуулда зогсоһон түгсүүлые
Амиды мэтээр тэрэ хаража болоо.
Олзотой, омогтой ангуушанай хөөрөөе
Анхархадаа түгсүүл «нүхэршье» байжа болоо.

Отогойнгоо хүнүүдые хүндэлһэн мэтээр
Түгсүүлэй урда олзоёо обоолоод,
Ойдо болоһон ушараа түгсүүлдэ хөөрөөд,
Тогоотой сайнһаан дээжынь үргөөд,

Тамхитай гааһаа түгсүүлдэ хадхажа,
Тайга хүбшынгөө сабдагта мүргэбэ ха.
Олзотой үдэрэй ерэхые гуйжа,
Огторгойе шарайшалжа, нилээд нуугаа гэхэ.

Гэнтэ

Тамхинай утаан нюдыень хушажа,
Огторгойн шарай харагдахаа болибо ха.
Түгсүүлээ харахадань, гааһыень хорожо,
Онгон болоод, тамхилжа нууһан гэхэ.

Юумэн бүхэниие

Амиды мэтээр тахижа эндэ нураад,
Элинсэгни шүтөөнөө бэдэржэ эхилһэн аал?
Ангархай аматай онгониие урлажа бүтээгээд,
Оршолониие аршалжа, хамгаалхаб гэжэ этигэһэн аал?

– Алло, алло,
Зүг бүридэм зөөриин хүлдэ болонхой –

Ормоо таһарһан онгонуудай оог хуугай.
Онгондо үргэгдэхэ үгэли болгохо хүсэлтэй –
Зүүдэн-хирээ дабтажа зобоонол намайе.

Хаагална:

«Одоошье садхааха минии саг ерээ,
Тахюулха, шүтүүлхэ ээлжээмни болоо.
Таанад минии богоолнууд байһанаа,
Орхижо намайе яһала хүлеэлгээт, хүрөө.

Аза талаанаа намһаа горьдожо,
Духынгаа сооротор мүргэгшэ һэнта.
Дуран тээшээ гүйлгүүлжэ, дохюулжа,
Амар заяа үзүүлхэгүйб мүнөө таанарта.

Яла салаа гарнитура боложо хубиланхай,
Гэрээтнай хоймрто шүтөөн мэтээр тахюулхаб.
Ялагар жороо машина боложо хубиланхай,
Гэрээтнай газар атаархалай түймэр табиhaб.

Үнэтэ хибэс боложо хубилхадам,
Дэлхэйн һайхан энэ гү гэхэт.
Үнгэтэ шулуу, алта боложо ханхинахадам,
Дуунай шэди гү гэжэ эндүүрхэт.

Өөрын ухаагүйшье һаа, ухаанай хурсые
Шүүдэр-мүнгэндэ һүгэдүүлхэ аргатайб.
Өөрын бэлиггүйшье һаа, оюун бэлигы
Шууяа хүлгөөгөөр төөрюулхэ шадалтайб.

Үгы һаамни, намайе бүтээхэл байгаат,
Һүнөө һаамни, шэнээр бэеым бодхоохолто.
Үльгэр гүүлэн үлэбэлни, һүүдэрием тахихалта,
Һүниингөө зүүдэ, үдэрэйнгөө һанаан болгохолта.

Хоморой хоморто шүтэхэ хүсэлыетнай таанаб,
Өөһэдөөшье онгон болохоһоо арсахагүйлта мэдэнэб.
Хүнэй сэдхэл хомор болоо гэнэгүйлта,
Өөрөө өөрыгөөл сэгнэжэ, дэмжэжэ шаданалта...»

– Алло, алло, зүүдыем таһалыт –
Хэндэшьеб, юундэшьеб хонходоно хэбэртэйб.
– Алло, алло, абаржа хэшээгыт –
Хэниешьеб, али үе сагаа гуйна гүб?

Зүүдэндэм

Хараһан лэ юумэм онгон боложо хубилаад,
Хомхой сэдхэлэй хорхой болоһоноо мэдүүлнэл.
Сэдхэл хёморуулдаг хоморой хомороб гээд,
Сэсэрхэн һагад эльгэ хатанал.

Онгоной үүргэ дүүргэхэ гээшэмнай
Сагыё сухарюулһантай адли бэшэ гү, жэрхэнэб!
Сагуудай шүтөөн – баян дэлгэр сэдхэлнай
Онгониие түрэжэ, тахихыё юундэ мэндэнэб?

4

Мүнөө

Тамын зэрэлгээгээр нюдэ далтираажа,
Бурхадые сошоожо, хуухынь татуулхадань,
Тэнгэридэ хорото һархяаг һагсайлгажа,
Байгаа юртэмсын заяаё наадалхадань –

Эхэнүүд хүүгэдээ абархаар тэбэридэг хаа,
Ами ниилэжэ һууһан
ерээдүйдөө найдана.
Эхэ ороноо хамгаалжа эрэшүүл унадаг хаа,
Аминай сэнгээр эрьехэ ерээдүйе асархаар
мүнөө бодоно.

Харин намда
Ута наһа үршөөхэ мэтээр найдуулһан
Үдэрнүүдэйм яаралтай түргөөр
унтарха болоходонь,
Удаан жаргал үгэхэ мэтээр ерэхэн
Үе наһанайм хяра руугаа
унахаяа байхадань –

Сагууд сухарижа,
Хүхэрэн дабшалһан уулын хормойдо
Элинсэгэйм һүүдэрнүүд һунан унадаг.
Һүрдэхэн шарайнуудань шулуужаад эндэ
Энэрхы сагаан һэшхэлээ гэтэдэг.

Сахилгаанай аянгыг
Аюулгүй болгодог түмэр утаһан мэтээр
Элинсэгэйм гарнууд өөдөө наманшалаад,
Ажабайдалаа аршалха, абарха шэнгээр
Эхэ газараа эльгэлэн унаад,

Шүтөөнөө дурдаһан маани мэгзэмынь
Һэбшээ һалхинаар сууряатахадал гэдэг.
Шэбшэхэн сагаан үрээл үгэнүүдһэнь
Хараалта дэлхэй хүл дором унадаг.

5

Газар дээрэ хүнэй үнэниие аршалжа,
Гэсэрэй юһэн һалааһаа
байдалнай үндэһэлнэ.
Һанаа муутанай хүсэнтэй мүнөөшье тэмсэжэ,
Һалаа бүридөө Гэсэрнай
дайгаа дарана.

Тиимэхээл
Сагаан сэдхэлээр тахигдадаг сагаан дэлхэйн
Үрээл үгын хүнэхэгүй
бэлиг дуудахандаа,
Сагаан дэлхэйн харуулда эхэ, эсэгынгэй
Үндэрлүүлжэ носоохон мүшэдһөө
хэшээл абаһандаа,

Хара бэлигэй шэдиин хүсыешье хүнөөдэг
Зоной заяанда зуладал бадархаар бэлэн
хүнүүдэй нэгэнби.
Хараалай урдаһаа дуунайнгаа аянгые эльгээдэг
Зүрилдөөтэ сагайнгаа эзэн гүүлэхэ
дууша эхэнэрби.

АРБАН ХОЁРДОХИ БҮЛЭГ

«Урда сагта монгол зон сагаан харын – шэнэ жэлэй найрые намарай сагта хэдэг «сагаан нара» гэхэн нэрэнэ «цагаа» гэхэн үгэхөө биш болоо. «Цагаа» гэшые намарай сагта хэдэг байһан юм. Намарай баян сагта малай эдисын элбэгжэжэ, үнээнэй хүнэй дэлгэржэ, сагаан эдээнэй хүнэг хабаар халижа байха үедэ сагаа, аарсаяа үйһэн торхон соогоо хэжэ, үбэлдөө эдихээ хадгалдаг үе байгаа. Иимэ ушар дээрэхэ сагаан харын найрые намартаа, малай хүтэй сагта, сагаан эдээнэй дэлгэржэ байха үедэ хуушан жэлээ үдэшэн, шэнэ жэлээ угтажа сагаалдаг байгаа гэшэ ха», – гэжэ Буряадай түрүүшын эрдэмтэн Доржо Банзаров тэмдэглэһэн байна.

«XIII зуун жэлэй хахадһаа хойшо Буддын шажанай Түб Азиин нютагуудаар дэлгэрхэ үедэ сагаан харые хабарай эхин нарада абаашажа, сагаалганай найр нааданиие хэдэг болоһон гэдэг.

Үбэлэй хүйтэн хүрмэг сагые үнгэргэжэ, адуу малаа хүл дээрэнэ тобир тарганаар, толгой бүтэн дулаан сагай ногоон дээрэ гаргабабди, хабараймнай дулаан наран шаража, үдэрнай ута боложо, газар дэлхэймнай гэдэжэ, ногоо набишамнай ургажа, сагаан эдээн, хү наалимнай дэлгэрхэ болобо гэжэ хүхидэг, баярладаг байгаа. Тиимэхээ үбэлэй харын дүүрэхэдэ, хуушан жэл дүүрэхэ гээд, хабарай эхин харые шэнэ жэл ерэхэ гэжэ сагаалганай найр наада хэдэг болоһон байгаа ха. Тиимэхээ хуушанай сартуул буряадууд сагаалжа ябахадһаа, илангаяа үбгэд, хүгшэд уулзажа, золголдожо:

– Мэндэ амар! Мэндэ сүрэг! – гэлдээд: «Сүрэг тарган оробуута?» – гэжэ асуудаг хэн.

– Сүрэг тарган оробобди.

– Буруу булшантай гү, дааган далантай гү?

– Он жэлдэ малтнай тарган оробуу?

Энэ мэтээр мэндэшлэлсэдэг заншалтай байһан юм» – гээд, Даша-Дондог Сандакович Менжигийн дурсаһан байдаг.

Автор

САГААН ҺАРА

Амитай юумэн бүхэндэ наһа үреэдэг

Угсаатанайм мүргэл

энэ наһамни һэн гү, үгы гү,

Арса жодоогоор гуламтаяа арюудхадаг

Урданайнь заншал

дуундамни оролсоһон юм гү, үгы гү.

Гэсэрэй мүнхэ хэлэн дээрэ шэбшэхэдээ,

Бодол, хүсэлэймнай

үндэр гээшэнь хэлэшэгүй.

Гэсэрэй аялгыг дахан, дахан дуулахадаа,

Буряад зонойм

дууша гээшэнь дабтагдашагүй.

Тиимэһээл

Сарюун сагайнгаа һайндэр болгон,

Сагаан һараар дуугаа бэлэглэнэб.

Сагаалганай һайхан үрезл болгон,

Сагаан сэдхэл – хадагаа баринаб.

Аймаг айлаараа ябаһан хуса һарамнай
 Саһан бордоһоо хурылһаар үндэрлэбэл даа.
 Алда хадагаа намируулһаар морилбол одоо,
 Сагаан һарымнай амгалан үглөө.

Амар мэндээ...

Даагантнай далантай, буруутнай булшантай
 Тобир тарган ондо оробо гү?
 Дүүрэн тогоо сагаан эдеэтэй
 Дулаан саг найдал асарба гү?

Бултанай амгалан тайбан һуухын түлөө
 Сайнгаа дээжые галдаа үргэжэ,
 Буян хэшэгэймнай билтаржал байхын түлөө
 Сагаан эдеэнэйнгээ арзаар дайдаяа сүршэжэ,

Сагаан һахалтан,
 Үреэлэйнгээ һайханиие үршөөжэ хайралагты,
 Үндэр наһанайнгаа орьёл бодолые заяагты –
 Урагшатай, амжалтатай үдэрнүүд ерэжэл байг,
 Үшөөшье һайханаар байдалнай эрьежэл байг.

Эгээл һайхан хүсэлөө хүршэнэртөө үреэжэ,
 Муулараа даража, баяраа үргэе.
 Энэ үдэр амар мэндээ мэдэлсэжэ,
 Мүнхэдөө аха дүүнэр мэтэ болоё.

Үглөөгүүр

Сагаан һараар золгохо һэнши гэжэ
 Эмгэйнгээ гэмэршэхэдэ,
 яатараа мэгдээ һэнбиб.

Сагаалганаар заабол бэе бээе золгожо,
Ёһо сахилгыe
хаанаһаа мэдэхэ байгаабиб.

Зүнтэглэбэ гэжэ эмгэйгээ һэжэглээд,
Бархирхаа байтарни эмгэйм удангүй
Зургаатай намаяа найматай болобош гээд,
Баталаа бэлэй һэжэгым аргагүй.

Ама сагаан аха заха хулгана жэлэй
Үлүү наһа үгэлгэньше һаа,
шэди һэн намда.
Ашата наһанай хэмжүүрьше һаа, гайхалтай,
Ухаандам хүсэгдэхгүй
нюуса һэн тиихэдэ.

Нэгэнтэ бэшэ ехэшүүлые нажаагаад,
Яатараа наһатай болохыe
хүсэгшэ һэнбиб.
Наһаа нэмээхэ дуратайем мэдээд,
Яаралтай сагаалган
ерэдэг гэжэ этигээб.

Тэрэ гэхээр
Хүсэлым дэмжэжэ, хэды сагаалган ерээб –
Ордоһотой бордоһониинь
толгойем хюруугаар хушана.
Һанааеи дүүргэжэ, хэды наһыe бэлэглээб –
Орьёл дээрэхэнь
балшар наһаяа һарабшалнаб.

3

Гушан гурбан
Мундаргын оройһоо дэлхэйгээ хаража,
Гунан наһанайнгаа тамир туршанаб.

Мүнхэ сагай засагтай эбсэжэ,
Гүйдэлөөр хурдандань наһаяа шаналнаб.

Юртэмсын амидаралта далайда
дуһал болохоор
Юрэ бусын урасхалда тезд
хэн болообиб?
Юрьеэтэ сагуудай алхамда
нэмэри үгэхөөр
Юу хээбиб,
үшөө юун хэгдээгүйб?

Хэндэшье, юундэшье туһагүй
хубиингаа хэрэгээр
Гушан гурбан наһанайнгаа
орьёлые махахадаа,
Хүсэлөө дууһыень бэлүүлжэ
үрдихэ шэнгээр
Гушан гурбан жэлые
һалхинда али табижархихадаа,

Алхам бүхэнөөрөө
ажабайдалай зангилаае тайлажа,
Дошхоншье, даруушье
зан абариинь абаа гүб?
Анханайнь ёһо жаматай
заншалаа тааруулжа,
Дуһал, дуһалаар
досоогоо удхыень ябталаа гүб?

Гэншэжэ үрдеэгүй үдэрнүүдни арилна –
Гаталаагүй далайм урдам хүльбэрнэ.
Нүгэлни нүгэл гүүлээгүй зандаа –
Наманшалжа үшөө үзөөгүйб одоо.

Мүнөөхил ама сагаан хулгана жэлни
Хоёр жэлье эдлэхэ наһанһаам хороолой.
Харюу үгэнгүй эсээд асуудалһаамни
Мэхээр лэ наһыем бү абаһай.

4

Сагаалганаар

Ухаамни сэлмэг – юуншые намайе тамалнагүй,
Үргэхэндөө мэдүүлэнхэй, үе мэсэмни унтана.
Зубхимни хуурай – уярал, гомдолшые мүрдэнэгүй,
Зүрхэмни хэм соогоо нулаханаар сохилно.

Үеын үедэ үшөө бэшэгдээгүй мүнүүд
Харгы мэтээр тэгүүлэн, зүүдэндэм ерэнэ.
Хүнэй үрийн үшөө дуулаагүй шүлэгүүд
Үе наһанайм шагнал мэтээр түрэнэ...

Удангүй

Шүлэгүүдээ һанажа яданаб, түрөөгүй мэтэл –
Үхээри мэтэ досоом харанхы – хүйтэн.
Шаналал орхиһон энээхэн агуу шүлэгүүдтэл
Үнэн дээрээ шаташадаг гээшэ гү хүнэй наһан?

* * *

«Бурхандаа ябаха сагни ерэбэ ха», – гээд,
Үбшэн эмгээнгэй дуугархада сошооб.
«Бурхандаа бү ябыш даа», – гээд,
Уйлан һагад гуйһанаа һананаб.

«Бурханайнгаа орондо ошохо харгыдамни
Нулимсашни хаалта болохонь лэ, ай, татай,
Бү уйла, наһатай болоһон эмгэйншни
Нүгшэхэ саг бурханай хэрэг юм», – гэнхэй –

«Бурхан багша
Эхынгэй үтэлшэхэдэ, абархые хүсөөд,
Алтан бумбада үхэлһөө нюуһан юм гэлсэдэг.
Эхэнь бумбадаа һэрихэгүйгөөр унташоод,
Алтан дэлхэйһээ наһан хулуугдашоо юм», – гэдэг.

Эмгэйм хэлээшэ зүүдэн боложо,
Эхэеэ нюуһан бумбыень бэдэрээб.
Бумбыень оложо, эхыень һэргээжэ,
Бултанай наһые мүнхэ болгохые хүсөөб.

Тэрэ гэхээр,
Олохон бодол мухарюула, мухарюулаһаар,
Алтан бумбань
дэлхэймнай бэшэ гү – һэжэглээб.
Огторогойн мүшэдшые хаа, халин унаһаар
Алтан дэлхэйдэмнай
мүнхэршэдэг бэшэ гү – голхорооб.

Үхэхын түлөө нэгэтэ түрэдэг
Хүнэй наһые мүнхэлхэ гээшэ худал – ойлгооб.
Хүсэлынь бээлүүлхээр нэгэтэ мүндэлдэг
Уран дууниинь лэ мүнхэрхэдөө үнэн – мэдэлэйб.

ТҮГЭСХЭЛЭЙ ҮГЭ

Мүнөөдэр
Гэрэлдэ өөрыгөө хараад танинагүйб –
Урдаһаам энеэбхилнэ залуухан эхэнэр.
Гайхал дүүрэн шарайень гэтэнэб –
Уйтан нюдэдтэнь – түмэн таабари.

Танинагүйб,
Танил бэшэ, тад ондоо шарай –
Таамаг наһаараа наадалһаншые хэбэртэй.

Тэсэжэ ядаһан гансаардалгын гунигтай –
Танилсалгын баяр теэд харагданагүй.

Гайханаб...

Ажабайдалда эсхэгдэжэ, уршалаа болоһон
Үтэлһэн хүгшэнэй шарайе хараагүйдөө.
Алтан дэлхэйн жама ёһые ябталһан
Үһеэ сайшаһан наһые золгоогүйдөө.

Үнгэрһэн хүни

Үзэхыешье үзэһэн үндэр наһатанай
Үльгэрэй эсэстэ хүрэхэн шэнгээр һанагдаа.
Зүүдэн соогоо дахинаа түрэнхэй,
Зоболонто үльгэрөө али эхилхэмни аал дахинаа.

Нэгэнтэ бэшэ

Зариманай гэдыгээд, танияшагүй болоходо,
Яатараа гомдогшо һэнбиб,
ехэрхүү тэдэнэй абарида.
Зүдэрэл үзөөгүй энэ дүрые мүнөө харахадаа,
Яатараа эндэ мууданабиб,
өөрөө өөртөө урбаһан мэтэ.

Нэгэтэ хахасаһан

Гүлэмэр наһаяа гэнтэ мэдэржэ,
Хүлгөөтэй, шууяатай байдалаа танижархёоб.
Гартам нэгэтэ гуурһа барюулжа,
Хүхихөөр, энезһээр орхёошынь һанажархёоб.

Уулзалгын баяраар

Сэдьхэлээ хаяланхай гэрэлээ абахадам,
Таабариин түлхюур олоһон нюдэд угтана.
Таняаб шамайе, хүлисыш гэхэдэм,
Сэдьхэлээ, һэшхэлээ гэтээд үтэлшэнэ.

О, наһам,
Эгээл хайхан хаһанайнгаа түлэг дунда
Эмгэрхээе юундэ яаранаш эндэ.
Юун шамда хэрэгтэй юм, хэлыш гэхэдэм,
Юугээр шамда туһалхабиб гэхэдэм:

«О, хүн,
Хэлэжэ үрдеэгүй үгэнүүдни олошорно –
Үбшэлөөд досоом амар заяа үзүүлнэгүй.
Хараһан, үзэһэн байдални захагүй –
Удхаяа бэдэржэ, нэшхэлым тамална».

Гэнтэ
Хасар дээгүүрэнх хүйтэн нулимсынх
Хойно, хойноһоон
урилдан мухарихые харанаб.
Халуун зүрхыень багтаажа ядаһан үбсүүнэйнь
Хахархаяа байһандал
оболзохые обёорноб.

Зүгөөр
Уйлахаяашье тэрэ һананагүй ха–
Минии мэдэхэгүй ямаршьеб гунигта
тамалуулна янзатай.
Уйдаһан зүрхэниинь номгороогүй хадаа
Минии үзөөгүй гансаардалгатай
эбсэжэ ядана ёһотой.

Шэбэнээнь дууланаб:
«О, хүн зомни, үринэрөө үдхэжэл байгыт.
О, ногоомни, ногоон зандаа ногооржол байгыт.
О, огторгоймни, сэлмэг зандаа хүхэржэл байгыш.
О, газарни, Эхэ зандаа мүнхэдөө улыш...»

ПОДСТРОЧНЫЙ АВТОРСКИЙ ПЕРЕВОД ПОЭМЫ «ОГОНЬ В ОЧАГЕ»

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ОТ АВТОРА

В 1997 году, собираясь издать первую часть поэмы «Огонь в очаге» на бурятском языке, по ошибке отдала в типографию черновой вариант рукописи. Уже после того, как вышла из печати книга, найдя среди бумаг ту самую подготовленную к печати рукопись, я так огорчилась, что долгое время сожалела и печалилась об этом.

Причиной послужило, конечно, то, что я жила в деревне с ее нескончаемыми хлопотами, и не было времени тщательно проверять рукопись, выезжая в город. В то время моя дочь Намсалма оканчивала Улан-Удэнское музыкальное училище. Именно она готовила к печати первую часть поэмы: вычитывала, корректировала ее, но не знала при этом, что это мой черновой вариант.

Рассчитывалась я с типографией личными деньгами, вырученными от продажи мяса со своего подворья. И поэтому средств заново выпустить первую часть в «правильном» варианте, конечно, не было.

В 1986 году моя поэма «Огонь в очаге» вышла в Москве на русском языке. Надо отметить, что в 1980-1983 годах сложно было издать поэму, написанную в годы советской власти. В то время не было подобного произведения ни в одной литературе. Я сделала подстрочный перевод своей поэмы, пошла в московское издательство «Современник» и обратилась к известному критику и литературоведу Вадиму Дементьеву с вопросом: «Сама не могу определить жанр своего произведения, то ли поэма, то ли...» Он внимательно прочитал рукопись и сказал, что это действительно поэма, и она очень своевременная и востребованная, поэтому нужно непременно издать.

Вот теперь перед вами впервые та самая настоящая рукопись на родном бурятском языке, в том самом первоначальном виде, подготовленном к печати еще в советское время.

ВСТУПЛЕНИЕ К ПОЭМЕ

Сегодня снимок детских лет
дрожит в моей руке,
словно весточка
из далекого детства.

Душа моя, заставившая
принять богатырский вид,
и трудный перевал перейти,
почему-то плачет теперь.

Не узнаю себя, шалунишку,
еще не разбирающуюся
в человеческих взаимоотношениях,
подражающую чужим людям.
Верящую в доброту всех, мучающуюся от того,
что не могла отделить ложь от правды.
Вынуждала судьба такую быть –
поражаюсь.

Эти глаза, радующиеся,
забывая о катящихся из них
слезах обид, –
это моя первая любовь?
Стремящиеся за чудесами,
плачущие, из-за смеха обернувшиеся в боль,
это первые сны
моих ошибок?

С надеждою и веру потерявшей,
привыкшей к нежным и грешным
взглядам людским,
зачем на меня
портрет этот смотрит
с полною надеждою,
о, боже!

Веруя, веру потеряв,
постигшей законы этой Вселенной
мне, улигершину,
 протягивая руки,
побежала, кажется, навстречу мне,
 о, боже!

Друзей моих игрушки мне были недоступны,
но смотреть на безоблачно-синее небо
сквозь осколки цветного стекла –
 вот было счастье!
Моих песен, допустим,
 начальные строки...
Когда смотрела на ветхую избушку свою
сквозь стекло, сверкала она как дворец,
 подпирая небо, –
Пусть будет подарком, завещанным мной,
 оставлю как приданое будущему...

Откуда мне было знать –
когда не хватало одежды,
Бабушкой сшитую
 длинную рубашку до пят,
должна была
 я долгие годы носить –
 видимо, доля моя.

Ту рубашку
никогда будто не снимая,
и сейчас, кажется, в ней хожу я.
 Не по годам расти,
а по часам –
 не моя была мечта,
 а бабушки.

Говоря мне о том, что
человек рождается со своей долей –

хотела показать бабушка
мудрость своего времени.
От излишков одежды
жизнь сокращается, –
говорила она.
«Как сыр в масле катаясь,
счастье свое не познаешь.
Если узнают, что негодна,
издеваться будут.
Вместо того, чтоб плакать,
петь научись», – сказала она.

Что ребенку нужно, кроме
теплой пазухи бабушки.
Рождающие во мне самые лучшие грезы
цветные осколки стекла
разноцветный мир дарили мне.
Не одежда и не игрушки приведут к морю сказок.
Полного чудес
босоногого детства стихи
душу мою насыщают сейчас.

* * *

Нуждающееся в материнской нежности детство мое,
когда сейчас хочу завернуть его
в подол, как мать,
но ласки моей не хочет...
Игрушками заваливая его,
в самые лучшие одежды одеть хочу я,
желая обрадовать,
чтобы не было нужды взрослеть раньше времени.
Но нет у него желания смеяться
от счастья этого безмерного.

Не надо заботиться обо мне,
сказав, посмотрело детство в упор на меня.

Расставшись со мною,
кем ты стала,
скажи и успокой мою душу.
Видно, что взвалила
на спину ношу нелегкую.
Ты еще молода, солнце твое в зените.
Но откуда, куда держишь путь –
начинай свой рассказ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Покуда огонь горит в очаге, жизнь продолжается, говорят.

Автор

ОГОНЬ В ОЧАГЕ

Для певчей жизни рождение мое на этот свет
было ли праздником,
источником для ликования?
Зарывая в землю мою пуповину,
благословила ли тоонто меня на то,
чтобы стала я певцом...

Я – очага народного
красная искра,
что зажгли после войны...
Я – сила, что, жить приказав,
заставила высушить слезы
страданий и горя...

Я – правда,
упрятанная в вечной мечте
человека.
Я – сила слова,
от которой вздрагивают законы
во все времена на этой земле.

Вот поэтому в очаге моем высохли
горькие слезы,
 пламенея надеждой.
Вот поэтому в венах моих течет
несгораемый свет
 моего очага...

Вот поэтому, правду свою имея,
исцелить готова
 каждого раны.
Вот поэтому – слово имею,
способное защитить
 воспетую народом любовь.

* * *

Этот источник,
моим прадедом открытый,
 фонтаном брызнул из-под земли,
и народ именем прадеда нарек его, говорят.
И зимою, и летом, не замерзая,
этот источник горячий,
подарил мне – правнучке Гожоо
силу воли,
 окропляя восемь сторон света,
и весело бурлил, говорят, клопоча.

Поэтому из пламени
очага моего зажигаю
 тысячи звезд в вышине.
Поэтому первым криком со дня рождения
призываю к мужеству – мир спасти
 и счастье свое найти на земле.

«Тас-няс...»

Может быть, предвещая гостя, огонь в очаге
этим радостным возгласом начинает свой рассказ.
Может быть, тень Абая Гэсэра,
минуя тысячелетия, обгоняет мой век?

Яростно пляшет

огонь «тас-няс...»...

Время, охваченное пламенем, свирепея,
молнии кидает, в которых надежда сверкает,
Рыча и свистя сатанинским «счастьем»
или празднует грех жестоких времен?

«Тас-няс...»

торжествует огонь...

Словно бдительный стражник – дух огня –
тень Гэсэра будто обходит дозором неустанно,
чтоб убедиться: песнь очага
изо дня в день звучит или нет...

«Тас-няс...»

поёт огонь...

Насмерть бились баторы, пока дотла не сгорели в огне.
Под градом стальных пуль бились так,
словно испытают счастье своей победы,
и досталась она им такой дорогой ценою.

«Тас-няс...»

о чем-то ворчит огонь...

На мир, когда концом меча смерть
указует на погост,
Ценою смертей этот мир солнечный
против солнца, в обратную сторону
не будет крутиться.

«Тас-няс...»

горит огонь, цокая языком...

В очаге нашем вспыхивает искрами

золотисто-оранжевая заря.

Нашедшее себя наше счастье под тяжестью

своих плодов во всей красе гроздьями красуется.

«Тас-няс...»

бушует огонь...

Когда по утрам поддерживаю огонь в очаге,
по щекам моим стекает струйками пот Гэсэра.

Когда вижу себя в числе тридцати трех его богатырей
и от светлых мыслей моих мир становится добрей.

2

Собираясь будто обогреть

суровое время вместе с его бrenным миром,
храню свой очаг –

как могу, как умею.

Словно желая утолить жажду

корней нашей неиссякаемой жизни,

заваривая чай каждое утро,

испытываю счастье.

«Тас-няс...»

о чем-то рассказывает огонь...

Прислушиваясь к радостным возгласам огня,
переливая, мешаю чай, сбегающий в огонь.

Пью дыхание простора кочевий

с его ароматным запахом, щекочушим мой нос.

О, боже...

Вижу, вокруг огня то ли сами предки, то ли их тени
молча сидят на корточках, посасывая трубки.

Бабушка моя, которой давно уже нет,

снимая сливки с чая, отдает дань огню.

О, да, я понимаю...
Она ублажает бога огня
лучшею долей внуков, нынче живущих.
Воздаёт почести жизненной силе,
чтобы почитанием взывать к миру.

Наша судьба...
И горьким, и приторным вкусом своим
пусть не перестает быть лакомством для нас.
Удивительная, иногда печальная жизнь наша
пусть суровых и милых божеств умиляет.

На пепелище наших радостей и грусти
пусть не смолкает плач и шум играющих детей.
Те, кто видят в детях смысл, счастье жизни,
пусть благословенны они будут.

* * *

Старый дед, отпивая чай, поданный невесткой,
видит в этой чаше
рода родник неиссякаемый.
Не могу забыть умиление старой матери
женским счастьем своим,
увиденное ею в чашке чая.

... Сегодня утренняя заря, наливаясь
белым молозивом,
встречает день, в чугуне моем плескаясь.
Дыхание степи, купающейся в солнечных лучах,
силу мне придает,
которой хватит на всю мою жизнь.

Мой день, обогретый огнем очага,
 благословляя меня,
 обещает быть хлопотным.
 С восходом солнца попивая чай,
 удивляясь веселью и пламени огня,
 а дела мои – еще не воспетые мной, не улигеры ли?

Проводив на работу спешащего мужа,
 любуюсь, как снежинки падая, будто танцуют ёхор.
 Стою, ослепленная сиянием огромного мира,
 от следов, оставленных мужем на снегу, умиляюсь.

Они как крылья, символ бытия,
 несущие к битве за мирный труд.
 А снег колышется, словно в такт музыке,
 про удачу в дороге шепча.

* * *

И чьи бы они ни были эти следы,
 они законны на белом снегу жизни.
 Времени какую-то раскрыв тайну,
 каждый путь свою судьбу имеет.

Замкнутый круг следов вокруг старинной кожемальки
 о женской доле,
 о судьбе ее нам расскажет.
 Шар земной веретеном крутится вокруг своей оси:
 задремавшую за прядением
 шерсти мать она напоминает.

Мое материнство засвидетельствуют
 колыбельные песни
 моих бессонных ночей.

Мою дорогу в этом мире
подтвердит свет лампы ночной.

Каждый след, оставленный временем,
что терзает и мучает нас – это законно.
Следы, обреченные растаять вместе со снегом,
когда поют – тоже имеют свою закономерность.

Да будут благословенны следы,
как и огонь
моего очага!

Вот поэтому ночи напролет
терпеливо сидевшая,
чтоб оставить на бумаге след свой на земле,
душа моя падает,
став для людей тропею...

* * *

Из легких заводов гудящих
чтоб мелодия зазвучала великого времени,
Из знаний, отравивших крыльев,
чтоб вынести размах трудовой –

Цепочки людских следов, сливаясь в единое русло,
пробуждают родной город от сна.
Пусть успешным будет их размах трудовой,
пока дорастет до народной песни.

Да будет благословенна песня труда,
как и огонь
моего очага!

Поет снег...

Даже снег
в каждое время свою песню имеет.
Поет снег...

Поет о белой дороге,
о людях белого пути.

4

Огонь веселится, предвещая мне гостей,
шалунишка-кот умывает мордашку,
Степь моя,

с молочной арзой,
давно в ожидании.

В круг друзей войдя сейчас,
солнечный облик тоонто обретая,
так и хочется

говорить с ними о жизни,
и о месте ее в истории.

О, боже...

Трубки табачные, затягивая и затягивая,
духи огня – дедушки будто сидят, улыбаясь.
Друзья мои шутливые, круг образуя,
кажется, надо мною шутят, смеясь.

«Тас-няс...»

чмокает огонь...

Огонь в очаге захлебывается своим рассказом,
будто хочет выложить все свои новости.
Почтительно угощаю его, следуя обычаю,
мысленно представляя моих друзей.

* * *

Доченьки во сне меня зовут,
поправляя одеяло, целую их в лоб.

Спят мои лапушки в обнимку так сладко,
смеются во сне, нежно в душе их ласкаю....

Как два аленьких цветочка – как жарки –
губки надуты.

Такие вот лапушки-лапульки!

Одеяло срывающие с меня, желая разбудить,
руки моей бабушки оживают в памяти –
Допоздна не давала бабушке спать я,
ворчала она иногда от усталости.

...Как счастливый сон мой –
одеяло мое из шерсти овечьей –
так не хватает сейчас мне его!

Слышу шепот бабушки моей:
«Поздно ложиться спать, подобно жаворонку –
улигершина привычка.
С зарею вставать по утрам, подобно лисе –
доля снохи...».

...Теперь этот шепот как солнце,
что спряталось в моих сновидениях –
песня, что звучит в моем сердце!

О, бабушка...
Прошло мое сонное, сонное детство,
настало время – с зарею вставать спозаранку.
Работа, дела – нет конца им и края.
Как досадно, что смертен человек.

Помню сейчас,
как ты, бабушка, сказала мне однажды:
«Наше тело – это тень.
Имущество, чем мы кичимся – роса.
Жизнь –
всего лишь сон короткий».
Бабушка, скажи, дочки мои – разве тени?
Жизнь наша, что просит спасения – только сон?

Жизнь –
что принесла мне день,
вечная сказка нашего времени, – говорю я.
Бессмертные дни приходят и придут еще...
Песня звездного пути
вечного счастья
обретает облик и тело человека, я знаю.
Рождается на свете и еще родится...

Прости меня, бабушка...
Не собиралась я спорить с тобою.
Судьба твоя, спасшая время, говорит,
Детей и внуков растившая жизнь твоя,
видя в этом смысл бытия, учит нас...

5

О, жизнь моя!
Удачи желая, везения, счастья,
не принижала никого, ни людей, ни друзей.
Считая жизнь тяжелой, полной препятствий,
руки сложа, не заливалась слезами.

Дано мне материнское счастье,
которое при беде жизнь свою предложит.
Бедствия сравнивая с адом,
мне также достаются эти тяжелые беды.

О, Время мое!
Если от жизни пресыщенной стану с жиру беситься,
капризной и плаксивой я не буду.
Заарканить тебя на бегу вдруг сумею –
не попрошу от тебя ничего я.

О, возраст мой!
Меня, если поднимешь и будешь поощрять,
свою ношу на тебя я не переложу.
Если тебя признают слабым,
поддержу тебя – воля моя непреклонна.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Более 300 рек и речек, протекающих по территории нашей родной Бурятии, впадают в уникальное озеро Байкал. Народы Бурятии ласково называют его «Байгал далай» («Байкал-море»), почитают и преклоняются перед ним.

Автор

РОДИНА

Неистово-дерзкие реки,
берущие начало с вершин горы,
от суеты времени, путь свой очищая,
Не знающие препятствия,
словно творцы своих судеб удивляя всех,
бегут они к Байкалу.

Джиду мою признали или нет,
назвав одной из волн его?
За то, что
такой трудный путь преодолела,
оценил ли седой Байкал
по достоинству ее?

Волны его, словно скакуны,
в скачке быстрой гарцуя,
напоминают сказочных богатырей из легенды.
И песни рек,
в одну могучую симфонию сливая,
оказался Байкал невероятно певучим.

Вот откуда родилась
певчая душа у моего народа.
Вот поэтому
его путь странствий
прославлен сказками
и легендами про старину.

* * *

Когда говорю, что я – надежда,
и мои помыслы чисты,
Байкал седовласый
поверил ли мне?
Когда говорю, что я – правда народа,
он, как дедушка любимый,
поощрил ли меня?

На своем пути
раздвигая и раскалывая скалы,
осознавала не раз,
что я все же Джида.
Когда я поведала Байкалу,
как я в пути мучилась,
стремясь к нему, минуя тысячелетья,
чтоб узнать – кто я.

Седовласый Байкал,
глядя длинную бороду,
долго лоб свой потирал.

И лик свой быстро меняя,
в упор смотрел на меня, и
восторженных слов не говаривал...

1

О, бабушка!
Тот огонь, что ты зажгла
когда-то в нашем очаге, поддерживаю.
Хочу собрать своих друзей у очага,
и от счастья пускаю слезу –

Не сказанными многие слова остались,
порой не успевала я рассказать
о своей жизни,
и о счастье, которое
в ней – пылает.
Рассказать надо мне очень многое
не хуже, чем мой очаг-рассказчик
о даре своем,
и о мучении, которое
в нем – не дает мне покоя.

* * *

Помню, как я держала свой экзамен перед Пушкиным,
возле его памятника,
только что сойдя с поезда в Москве.
Радужно принятая в кругу друзей,
вызывала в них зависть и удивление
рассказами о родине.

На вопрос их: «Кто ты?»,
«Степнячка я» – гордо отвечала,
уверенная, что моя родина – это я.

И я, по обычаю предков-степняков,
помню, начала рассказывать,
откуда, куда иду я.

Рассказала, что живем мы
по устоявшимся обычаям,
соблюдая закон предков –
поэтому природа так прекрасна и чиста.
Родом, говорят, она из бескрайнего моря,
богатство ее не имеет предела.

Поведала про таежную страну –
про Курумкан, Баргузин:
«Никто не смог до сих пор
пройти сине-дымчатую границу до конца.
Говорят, такой счастливец
еще не родился», – сказала я.

Говорила о необъезженном аргамаке –
реке Баргузин,
которая берет начало в Ледовитом океане:
гонимой вечным ледяным дыханием,
про свирепую бурю и пургу.

Поведала, как давным-давно была похищена
девушка – река Баргузин с чужого края.
Но река – девушка вольная –
к предкам обратно
потекла неудержимо, говорят.
От имени свекра с хадаком
она припала к ногам,
и, погостив у родителей, вернулась,
говорят, с богатым приданым.

В пути берега свои, окружив тайгой,
золота россыпи свои повсюду рассыпав,
Крепких своих баторов – кедры,
 в ряд расставив,
с жизнью своей нескончаемой поделившись, –

И сейчас
Серебристыми волнами своими
белой пеной взывав,
 сверкает молнией.
И огромное небо заставив содрогнуться,
как снежный барс, с разбегу Баргузин
бросается в Байкал.

* * *

От сурового дыхания зим Баргузина
птицы замерзают на лету
 и камнем падают на землю.
А в теплой пазухе осеней Баргузина
наливаются румянцем
 щеки брусники.

Рассказывала о любовной игре озорных белок,
о соболей стремительном полете,
И огнецветной красоте лисиц,
силачей, ударом ладоней деревья срубающих;

Из рода певцов и танцоров,
стройных сосен певучих, красивых;
О дремучей чаще, из которой выходит олень,
сотрясая тайгу своим ревом –

Смогла ли я удивить
 рассказом друзей – не знаю,

однако их глаза разгорались огнем.
Они сказали: «Согласно всем приметам,
любой и каждый должен быть поэтом,
прочитай нам стихи свои».

Когда рассказывала, вспоминая,
будто в моем светлом сновидении –
то ли облик свой мне явил,
чтобы потом быть мной опознанным?
Теперь став снохой его,
когда слежу за огнем его очага,
как крепость, прочнее прочных
стоит на страже его Дархан сахюусан*.

2

Дагестанцев горами трудно удивить,
когда начала рассказ свой о стране наших гор –
надеясь лишь на полет собственной мечты,
начала с легенды о родине Гэсэра.
Вспоминала предания о Тунке и Оке,
называя их владениями ханов.

Когда мир стоял на грани лжи и исчезновения,
про Гэсэра, что защищал правду.
Когда правое дело проиграло в войне,
о том, что в небе появлялся меч его
у всех на виду.

Рассказала о его тридцати трех богатырях,
превратившихся в тридцать три гольца.
О его красавицах-хатанах,
продолживших род, сохраняя огонь в очаге.

* Дархан сахюусан – гений-хранитель

Когда над родиной нависает опасность,
чтобы победоносно заканчивать войну,
непобедимый Мунко-Саридак
принимает свой истинный облик.
А Саянские горы аршаном святым дарят
воинам – долголетье,
родине – бессмертие,

Как я молила тогда,
одобрить просила,
окликая Саянские горы,
обратить меня с вершин
летящим водопадом
хотя бы на время,
чтобы я поразила друзей дагестанцев.

Не знаю, оценили они мой рассказ или нет,
сказав, что схожи наши горы,
и уверяли, что по величию гор – мы в родстве.
Пригласили на родину – в Дагестан,
нарекая меня сестрой.

3

Пока рассказывала, беспричинно утирала я слезы,
у друзей моих тоже слезы в глазах...
Вот здесь словно наяву
увидев красоту своего степного края,
узнала я –
так в чужом краю
будто только что проснувшись,
признала я это:

В шерсть овечью, что снега белее
с рассветом прячутся звезды.
С утренним солнцем в мычании коров
словно гудки поездов дрожаще гудят.

В утреннем тумане курится степь,
будто пасутся небесные звезды.
Багряным маревом полыхающим багульником
потревоженные мысли мои мечутся.

Мирных времен борозды вспаханы,
стальных коней моторы гудят.
Щедреет, потом дневным политая земля,
победным эхом отдается в долинах.

Жаворонок взмывает вверх,
пением мост возводит к небу.
Ввысь тянутся седые ковыли,
будто пролагая для зерна тропинку.

Прорыты канавы, подобно сосудам,
к сердцу подключены степи моей,
Посажены кустарники, обрели они Родину,
значит, будут и сады повсюду.

Как туманы, свои пыльные гривы оставили
табуны лошадиные в этом мираже.
Как дух степной, суслик, томимый жаждой,
цокает на корточках и смотрит как страж.

Годы детские мои, в моем тоонто прошедшие,
со спокойной душой, когда речка встречает,
Шелковый платок моей степи-матери
колышет ветерок, спустившийся в долину.

Направление пути нашедшая речка,
спеша в течении, вдруг начинает петь.
Милых цветов, подхвативших ее песни,
веселье, игры, ёхор шуметь начинает.

... Детство мое мелодиями очаровав,
жемчужным серебром косички приукрасив,
Эта веселая речка, за руку держа,
 неужели увела его с собою?
Может, я побегу следом за ней,
 или это только мечта моя?

Слезинки радости из глаз бегут,
а сердце, как орел, высоко парит.
Как будто осиротела
 вдали от родного дома?
То ли это судьба моя
 следовать за солнцем?

... Вдоль берегов этой реки
моего рода предков
 будто вижу плывущие
 войлочные юрты,
От дыма их костров
 в носу вдруг защекотало.

В глазах увидев эту картину,
сидела, слезу утирая.
Сказав, что увидели в лице твоего тоонто
 родную свою Азию,
прослезились друзья мои –
 из далекого Казахстана.

* * *

Искренне, всем сердцем
 мне внимавших сверстников
 по примеру старых улигершинов
я решила напугать тайной силой улигеров?

Бегущую по следам улигеров
 пору свою детскую,
 наполненную чертями и бесами,
я хотела сравнить с бегом аргамака?

В степи бескрайней, если буря захватит власть,
 где все страшит,
 она как зверь, что разевает пасть,
готова проглотить все живое.
Жара в степи – это настоящий ад,
что богов на небе
 может привести в смятение.
 Капля засыхает на лету,
земли почерневшей не достигая.

... В дикой степи легко заблудиться:
голова если закружится,
 обманутая миражами,
кричи и зови, никто тебе не поможет.
Будто ты охрип,
 даже эхо твоего крика никто не услышит,
степь проглотит, – сказала я.

Жизнь степняка зависит
от быстроты и чуткости,
 преданности коня.
Вручая судьбу его галопу и намету,
жизнь свою в седле
 он проводит.

Находясь рядом с тем, кто родился в степи
Достоинств коня его
 не принижай, не хули.
Не хвали преимуществ стального мотора,
Нельзя.
 Не простит он тебе, – сказала я.

Не счесть степных отчаянных орлов,
отдавших жизнь в битве за солнце.
И мать-природа не забыла
безымянных баторов своих,
в их честь она гимн поет...

Потому я вижу бесконечность их пути –
в лучах звезд,
полыхавшие их тела – в кострах багульника,
Коней их лихих – в вечности неба,
следы их боев – в буераках степи.

В верхушке ковыля – боевые их стрелы,
в бурях степных – их думы и мысли,
В кочках – седла, что под уставшие головы клали,
в звонах уздечек – песни, напеваемые себе под нос.

Чтоб научиться услышать их, увидеть,
выбрав свой путь, приехала к вам издалека я.
Не торопите стихи свои прочесть вам, –
много вопросов, на которые ищу я ответа.

* * *

В русской женщине увидеть свою мать –
была великой наградой для меня.
Искать смысл жизни в честных ошибках
и горячих спорах –
и найти в них – вот удача моя и счастье!

В круг собрав друзей со всех концов мира,
ум наш с душой сплавляли.
Заставив нас воспрянуть духом,
Европу с Азией в душах у нас поселили.

Дом Герцена радушно двери нам распахивал,
став очагом наших мечтаний и песен.
И пустив к состязаниям
нас, жеребят превратив в аргамаков,
гудел и бурлил Тверской бульвар...

Друзья мои,
Став ночным сновидением, думой дневной,
давно зовет меня шум и смех наших споров.
До сих пор входите ко мне, как тогда,
увы, вас вижу не воочию, как не хватает вас!

Неужели лжет мне огонь моего очага,
радостной песней предвещая ваше появление?
Или засомневались во мне, не успевшей
рассказать вам о Байкале?
Неужели молчание мое стало поперек вашей дороги?...

5

Вобравшего в себя душу и облик
моего народа,
о бездонном, прозрачном Байкале моем
могла бы бесконечно говорить.
Но не хватило мне слов –
ведь всегда трудней рассказать о главном
тому, кто не видел своими глазами.

Говорила, при виде Байкала,
перед величием его,
слова у поэта застревают в горле комом.
Оглушенная красотой,
я, как влюбленная девушка,
наверное, то бледнела, то краснела.

Если скажу, что Байкал – своенравный,
но буйный нрав его поймет тот,
кто был сброшен его волной.
Если скажу, что он гордый,
как сверкающие молнии,
но вы не видели, как он летит, словно конь, –
а грива белопенно плещет.

Если я скажу, что на лету хватает он небо,
чтобы видеть это –
на парусах надо плыть
против байкальских ветров;
Если скажу, будто ударами копыт
он крушит скалы,
чтобы удивиться его силе,
самому надо видеть,
как разбивают
сабли его копыт;

Если скажу, как он пятится назад, оскалась,
но его поймет тот,
кто пытался заарканить
дикого жеребца;
Если скажу, что он – многолик,
каждый миг
меняет свой облик,
но чтобы понять его,
нужно понять характер рек,
в него текущих отовсюду.

Могу назвать его непревзойденным певцом,
но вы не слышали,
как поет мой народ.
Не могла бы рассказать вам тогда
о великом Байкале,
но я оказалась тогда лишь отзвуком его эха.

Помню, друзья мои, вы спрашивали, удивленные,
почему мы называем
 юного Байкала стариком?
Называли его сказителем, нам понятно,
за то, что и днем, и ночью
 поет он широко и вольно.

6

... Послушайте предание о том,
как наши предки,
 преследуемые миражами сна,
 бросили когда-то
Свой край, жестокой засухой объятый.
От жажды большой изнывая,
 кочевали в поисках счастья –
 в поисках воды.

Верили они, что есть такое место,
где зимою и летом идут дожди,
 где сады плодоносят.
Где долгий век сулит вода живая,
где бессмертные люди
 купаются в счастье...

Красою миражей степная ширь
манила и манила их.
 Костлявые тени смертей за руки держали
их тощие голодные тени,
и падали тени,
 кто падал – в кочку превращался вмиг.

По кровавым следам их
шакалы, падаль чуя,
 бредли поодаль.

Вместо ангелов, что должны были
спасать их в пути,
 кружили над ними черные вороны,
 пировали, празднуя...

* * *

В холодном чужом краю
предки мои
 вдруг встретили
 странника с посохом.
Поведали ему, что они
оставили тоонто свое,
 ставшее для них адом...

«О, бедные! – ответил старик, –
Не было такого – пренебрегая родиной,
 чей-то сын обрел спасение
 у надежды бескрылой.
Имея удел самому творить свое счастье,
по всему свету ища,
 кто нашел –
 это счастье на чужбине?»

Готового счастья, что будет ждать человека,
не бывает на свете.
 Его нужно создавать,
Даровано самим богом
 счастье для вас.

Вернитесь в край, завещанный предками,
прощенья просите у своего тоонто,
 устройте быт свой, трудитесь,
Не верьте молве,
 никого не слушайте...»

Если ты помучился и пострадал,
Вот она судьба наша –
 счастье найдется.
Поверили старцу они, посчитали, что слова его –
для них благословение,
 и обрели надежду.

... Старец на глазах сгорбленную спину распрямив,
посох оставив,
 вдруг добрым молодцем стал.
Борода его, как вода из источника струилась,
словно надежда,
 обещавшая воду.

Побрел вслед за стариком послушный мой народ,
но после долгих мучений в пути,
 на родине их встретили голые долины,
 давно опустевшие...
К власти пришедший иллюзорный мир
превратил горы высокие
 в холмы,
 и везде тишина – гнетущая...

Хозяин всего теперь – смерть,
властвует здесь она:
 без воды нет спасения,
 нет жизни.
И надежда угасла в них – как сон:
неужели суждено им принять как удачу
 смерть на родине,
 чем на чужбине?

«Обманул нас старик», – ворчали они,
хулили и хаяли его,
 кидая вслед камни,
 недовольных число прибавлялось.

Ведь им нет обратного пути –
желанья и силы во власти смерти –
покинули их.

Но старец упорно шел вперед,
на ругань людей
не обращая внимания.
Кем-то брошенный камень
летит ему в спину,
не обижается он,
не напоминает про их карму.

Наконец-то старик всех привел к высокой скале.
И, повернувшись, с криком «Байкал»,
из груди вынув сердце,
оземь кинул он...
И тут же, как вулкан, взметнулся ввысь аршаан,
дрогнули скалы и загрохотали,
и в миг один бескрайнее море
зашумело, волны заплескались.

А люди в страхе бросились назад врассыпную,
и средь стихии остался старец
один на один – с морем.
Борода лишь его реяла ветром над волнами,
а высокие волны,
со свистом, грозно плескались.

И здесь мой народ навеки был поражен рождением моря –
вот откуда
у народа моего
душа певучая.
Здесь нашедший ключ от своего счастья,
каждый старается
иметь душу чистую,
как у старца Байкала.

Моя мечта – друзей вновь собрать у очага родного,
и вести беседы с ними
у огня.

Но, как только заговорит моя мечта,
она преображается в строки, –
как строки превращаются в дороги,
ведущие в родимые места.

От очага зажигая огонь на темном небе,
и мечту –
петь везде и всюду,
став однажды моей вечной любовью,
она упала,
обняв порог моей родины.

Когда начала я звать свою мечту,
жаворонком она взмыла в небо
и запела.
Заслушавшись пением, я задремала,
не жаворонок, а сердце мое, оказалось, само пело.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В старости, вспоминая свои детские и юношеские годы, человек понимает, что все, что было им пройдено и прожито, не зря. В поисках лучшей жизни кому-то пришлось покинуть родные места, но, когда приближается старость, человек хочет вернуться в тоонто, где прошли его детские и юношеские годы. Многие возвращаются в родные места, чтобы умереть на своей земле, там, где он впервые издал свой первый крик...

Автор

О, ТООНТО МОЕ!

Отправившись в путь к песенному морю,
смогла я или нет
надеждою стать для моей Джиды?
Когда нрав ее буйный я переняла,
смогла ли сильную волю ее
в себе воспитать?

Тысячелетия взвалив на плечи, поющим
течением Джиды
не раз себя я ощущала.
Я верю, что Джиды меня благословила,
чтоб я людям свою судьбу
посвятила, как она.

В сердце своем, на каплю похожем,
когда красоту земли собрать
я загорелась мечтой –
В порыве, когда наперекор всему –
против ветра шла, желая,
укоротить путь ее к морю –

Вот почему я продолжаю идти
против ветра разных времен –
тихих и мирных, злых и холодных.

Вот почему я судьбу свою
испытывала,
чтоб стать ее улигершином.

Став одною из передовых волн ее,
к морю пробиваю
для нее дорогу.
Зная, что не имею права упасть на полпути,
перевал за перевалом
упорно одолеваю.

Вот поэтому моя река Джида
своими лучшими песнями
благословляет меня.
Вот поэтому складчатые горные цепи
моей Гунзан уулы*
вспоминая меня, по мне скучают...

1

«Не было такого, чтоб птенец, окрылившись,
вылетев из гнезда, возвращался.
На пернатых не обижаюсь –
такова их доля, воля божья.
Как понять тех, кто покинув родину,
ищет счастья на чужбине,
ведь какой бы она ни была,
она все равно – чужая».

Стучат у виска, звенят в ушах
слова старца, встретившегося в пути:
«Здесь родились мы,
здесь – наша Родина,
не плачь.

* Уула – гора

Это наша крепость, наша опора», – сказал он,
как моя бабушка, по голове меня погладив.

Я теперь на родине...
На месте вывезенного дома
одинокую печь торчит –
на нем дремлет кот бездомный.
Песчаная тропинка
давно заросла бурьяном,
пристроившееся на время перекасти-поле
скучает, ожидая вихря.

В детстве, когда я смотрела вдаль,
каким же далеким казался
для меня, ребенка,
холм Халзаалай.
Через годы, через расстояния –
теперь я понимаю, может, мне как видение
представилось мое будущее,
полное чудес.

Думала, если переберусь через холм Халзаалай,
непременно попаду
в сказочную страну,
Где живут красивые и сильные духом богатыри,
и душа моя
упорно рвалась к ним.

Уезжая, я с холма Халзаалай
со слезами смотрела назад,
будто навсегда прощаясь.
Как в тумане детства тоюто мое осталось,
словно лодка без парусов,
за моею спиною.

Меня по ходу стоянки,
думала тогда,
буду в вечном пути.
Почему же я тогда так спешила
покинуть родину,
и, как беглянка, стремилась
в дальнюю дорогу?..

* * *

В ненасытной, любопытной душе своей
и морские, и горные пути
я запечатлевала.
Когда я шла грудь нараспашку,
меня обдували ветра, на которых можно
и озябнуть, и отогреться.

Словно Джиды моя, юность моя такая задорная –
куда я только не носилась,
словно спешила объять необъятное.
В чужом краю,
нельзя не признаться в этом,
не богатства, а судьбу свою искала.

От палящих песков Азии
пот мой чуть не кипел,
словно пар.
Чтоб ноги мои достали до стремени,
опекала, жизни учила Россия,
словно моя бабушка.

Принятая в круг друзей,
как в круге костра нашего улуса,
веселилась не раз.
Впервые тогда перестала украдкой
вытирать свои слезы,

святой смысл их вкуса
в чужом краю поняв.

Чем больше любовалась чужбиной,
тем сильнее восхищалась красотой
своей родины.
Чем больше отдавала дань уважения,
почитая чужие обычаи,
тем громче окликала родину,
называя ее солнышком...

2

Щемит сердце ...
Отсюда ведь началась граница моей жизни,
у которой перестали краснеть щеки
из-за стыдливых слез.
Вселив в меня надежду,
отсюда за собою меня увело солнышко,
став моим попутчиком по жизни.

Долго сижу, обняв колени,
передо мной раскинулся наш стан,
полный сказок.
Начало сказки ожило вдруг в памяти,
словно продолжение ее долгого пути –
в моей душе.

Ветерок, настоящий веками на хохире*,
слепо гладит голову с надеждой найти
мою девичью гордость –
заплетенные шесть косичек.
Но нос мой щекоча запахом хохира,
радуется он, что живу я
не хуже других.

* Хохир – сухой навоз

Словно знает он мучения и беды певцов,
пусть не нашел он мои косички –
Но он рад, что я головы не теряла,
и не кланялась чему попало в мире.

Сердце кричит...
«Птенец, познавший высоту полета,
в гнездо свое обратно не вернется!
Человек, видевший красоты мира –
роднее и краше земли не найдет, чем его тоонто...»

3

Вдруг в левом ухе
раздался растерянный голос моей бабушки.
Не сон ли вижу, вздрогнув,
чувствую под ребром тупую боль.

Слышу, как бабушка отчитывает неугомонную внучку,
которая собрала монеты со священной горы,
Вижу, пойманная в воровстве сладостей у бурханов
девочка краснеет, и вину на богов кладет...

Это было вроде недавно –
сама же свою правду защищая,
как могла, с мальчишками дралась я.
Вспомнила, как бабушка моя
с укором сказала:
«Твоя правда нужна только тебе».

В юности
упорно я стремилась
правду свою защитить.

Приходилось брать уроки
чтоб не борьбой, а правдивым словом
защититься от врагов.

О, бабушка...
Чего я не видала, чего не испытала,
но такую, как ты,
никого не встретила.
И веселюсь ли, и переживаю ли –
не изменилась я,
Но некому меня отчитать так,
как ты, любя и жалея.

Осмысливая жизнь, ты рассказывала –
Если бы ты начала свой рассказ, как тогда,
твои честные, бесхитростные
слова услышать я жажду.
Я бы молча слушала тебя.
Надоели давно эти споры,
за истиной вечной бежать –
я устала...

Из-за кармы моей,
что меня не смогла оторвать
от грязи сансары,
выходит, время обмануло меня еще при перерождении?
Из века в век,
из поколения в поколение
ставят люди
Этот вечный вопрос... Та же вечная борьба...

Иногда я также краснею,
как тогда, когда своровала
сахар у бога –
Жизнь перестала стыдиться, предстает голой пред нами.

Сваливать вину на время,
 чтоб оправдать свои грехи,
 обычаем стало –
Верить переставшие боги в гневе.

Как тоскливо, когда
 жизнь человека больна,
 когда обременительна она –
Те же ошибки... Тот же урок.
Какая скучная она,
 жизнь человека,
 когда отмерена она –
То же рождение... Та же смерть...

Помню я, как бабушка моя
 перебирая четки,
 если до тысячи кругов доведет,
думала, будто план богов выполнит.
Уверенная, твердила
 заблудшим она: молитва
 помогает переродиться,
и ночи напролет за всех нас молилась богам...

За всех переживая,
 по своему творила добро,
 называя благодеянием –
это была сила, способная творить мир,
О добре и благополучии ныне живущим.
У богов просила она
 счастье
 для следующих поколений –
это судьба была рожденных и не родившихся еще людей.
Это, может, было чудо ее молитвы.

Советам твоим
 следуя, бабушка моя,
 в поисках правду ища,
не старалась быть любимицей своего века,
не торговала ни разумом, ни удачей.
На твоём
 великом языке говоря,
 весну встречая,
вместе со всеми я выходила на площадь Советов,
поддержать народ мой, их веру и надежду.

Богов
 твоих учения
 схожи по смыслу –
в борьбу со злом вступила,
веря в чудо сотворения счастья.
Веря в это,
 как хадак на ладони,
 я душу раскрыла Ленину.
Приветствовала полыхание красных знамен.
Своих мыслей и дум крылья расправила.

... Если бы перебранные бабушкой четки растянуть,
хватило бы опоясать всю нашу планету.
Молитвы те, что она всю жизнь читала,
силой своей бы смерть перебороли.

И я тоже своими молитвами,
 своими песнями
спасти этот мир пытаюсь.
Своею верой эту жизнь спасти
заветную силу нашла в своих детях.

Эхом вдруг раздалось
 будто из отчего дома:
 «Кто ты?..»
 На знакомый голос обернувшись, увидела я –
 Усталый взгляд... Все в морщинах лицо.

«Боже!
 Что за чудо –
 если целый день здесь сидишь,
 стало быть, подруги ты моей ... внучка?
 Не узнаешь, поди, стара я стала,
 вспомни, как ко мне взбиралась на колени...»

Подолом платья
 слезу утирая,
 вдруг так звонко она расхохоталась:
 «Как быстро уходят года –
 Для старухи одряхлевшей, впавшей в детство,
 словно подружка юности сидишь предо мной,
 будто став опять молодою...».

Как она молвила это –
 предо мною
 тут же возникла картина:
 сидят возле огня и беседуя, пьют чай
 бабушка моя и наша соседка.
 Вдруг так громко соседка смеется,
 что дом наш как будто дрожит от ее смеха,
 и подолом платья утирает слезы...

Наконец узнала я в ней
 сверстницу бабушки своей,
 нашу соседку –

«Если имеешь друзей, детка моя,
жизнь будет очень и очень долгой...»
Значение слов моей бабушки
только теперь дошло до меня.
Аж плакать мне вдруг захотелось.

В ней, и в моем детстве,
то, что меня удивило,
не могу найти...
Время словно мельница, будто кожемялка,
как все-таки жестоко издевается над нами.
Перемело все, перемешало, однако, в этой мельнице
только смех наш, выходит, может спастись...

Как две почки
одной овечки
были они:
не дожила моя бабушка до преклонных лет,
не прожитые годы моей бабушки я вижу в ее подруге.
И подруга во мне увидела бабушку молодую,
потому мне хочется, чтоб жила она бесконечно долго.

Со слезами в глазах
поцеловавшись,
я спросила про своих сверстников,
и тут же соседка поведала мне:
«Абай Гэсэр твой – теперь табунщик,
Аламжа Мэргэн твой – кузнец,
Алтан Шагай – чабанка,
Арюун Гоохон – учительница в школе...»

Будто на пальцах
пересчитала она,
назвала имена всех баторов-героев,
удивленно смотрю ей в глаза –
может, смеется она надо мною.

Вроде бы нет. Но ее уже не остановишь,
ее рассказам нет конца и края...

Рассказ ее

рекою льется:
чей сын, он где сейчас,
сколько детей у него, сколько внуков.
Кто умер, когда,
кем кто стал, и как...

Как будто прокручивая киноленту,
она мне рассказала
жизнь села,
теперь как на ладони село мое –
будто никуда никогда не уезжала я.
И стало мне легко,
камень будто скинула с плеч.

Проснулась я

будто от ее рассказов,
забытое тут же вспомнила –
я ведь страстно ценила в человеке добро,
ревниво утаив его грехи, вступала в его защиту.
В каждом мальчике видела богатыря,
а в девочках – дангина красавиц.

Когда жизнь оказалась

не сказкой и не улигером,
воображение мое воскрешало
в сверстниках моих непобедимых баторов,
преданная сердцем, я гордилась ими.
Вспомнила, как я приукрашивая, лгала
на радость дедушек и бабушек.

О, бабушка моя!

Когда меня за руку домой
вела она,
на тебя так похожа твоя сверстница –
из чашки ее я пью айрак*.
Зря я говорила, что на тебя похожих нет,
на самом деле, твоя сверстница – вся в тебя.

* * *

«Кто пил этот кислый айрак,
дающий силу,
тот обязательно становился всесильным.
И побеждал в старину врагов», – говорила бабушка мне.
Так приговаривая, обманным путем,
заставляла пить этот кислый айрак,
и я, глупенькая, верила ей.

Победила ли,
нет ли
своих врагов тогда?
Для борьбы, чтобы силы прибавить,
туесками пила.
С мечом из березы не раз приходилось
бороться с колючей крапивой.

Словно подтверждающий
каждое слово моей бабушки –
этот кислый айрак
запахом когда ударяет мне в нос,
как прекрасна его непризнанная сила, когда пенится.
В нем дары моего края с кукушкиным пением,
со вкусом зеленой травы так прекрасен!

Сила щедрости этой,
что на всю жизнь
мне хватит,

* Айрак – кислый молочный напиток

силы давая словам моим несказанным,
судьбу мою, может, заставила с песней дружить?
По венам моим, звуча песней,
мечту звонкую, может, подарил?

Выигравшего главный приз
в борьбе за солнце
в истории моего тоонто
в облике подруги моей бабушки вижу –
она высится вместе с солнцем.
И в благодарность за это
целую седой висок ее подруги.

Целовать бы, целовать мне
вобравшую в себя
все яркие цвета этого мира –
какая счастливая старость!
Принесшая песни мне,
которые я спеть не успела,
и благословившая своими юроолами* –
какая благодатная красивая «осень»!

5

Вереница
гусей,
растянувшись клином,
пророча, что урожайным будет этот год –
низко летя, берет высоту.
Познакомив потомство с их родиной,
со мною шумно они улетают на юг.

Выбрав солнечный благодатный день –
который обещает благополучие,
в полете,

* Юроолы – благопожелания

Гунзан уула перелетая, печально птицы машут крылом,
в их грустном курлыканье слышу печаль расставания с
родным краем.

Довольная теплым временем желтых листьев,
река Джида полощет золотые косы солнца.

* * *

Вспомнилось мне –
не раз

на коне из прутьев
босоногое детство мое в высокой траве
наперегонки с солнцем бежало.

Счастливее меня

в то время
не было никого –
смех мой, словно роса, оспарившая свет у солнца,
колокольчиком звенел – будто слышался мне.

Та пора беззаботного детства,
где играли в семью,
то ли заблудилась она, озираюсь кругом –
где, выдалбливая холодную глину,
строила свой игрушечный домик – теперь стал бугром.
Там, где озорничали звеня,
цветы-колокольчики,
то ли спрятались они, удивляюсь –
мои скакуны-волны, размыв, сместили мой домик –
теперь ворочаются там – вдали.

Гонимая властью засухи
моя Джида
отступив, берега свои оставила.
И возмужавшая звонкая песня ее,
видимо, охрипла.
Борзые волны на бегу,
словно в аркан попадая,

чтобы броситься с размаху о берег,
видимо, пришлось им сбросить седло,
перестали резвиться.

Может, черенок лопаты, которую с трудом
поднимала в детстве, став пером,
в попытке заарканить душу мою,
мучает меня?
А волны те, что размывали порогу «моего домика»,
став певцами,
против ветра,
наперекор судьбе удрали?

Душа моя, что оставила берег свой,
привыкла к седлу,
и в серые будни
бежит по течению тихой рысью?
Жизнь моя, нашедшая смысл в смехе,
перестав упираться,
от быта простого устав,
может, успокоилась?

* * *

Здесь будто царство камушков цветных,
словно бычьи бабки
семят они.

Когда-то я за ними ныряла в глубину,
дни напролет камушки эти искала.

На ладони моей
камушки
будто согрелись,
еще не очнувшись от сна, оспаривают место друг у друга.
То ли испугались,
что на них
обратили внимание,
и с криком сон свой прерывают спешно.

В них – холодок и вековой покой –
теперь вижу, как в них просыпается столетие.
Во внутреннем мире, отдающем холодом,
признаю их бессмертное вечное сердце.

«Обещая нам сон,
 неужто время
 нас обмануло?
Высокого рождения с умной,
мятежной душой нам не нужно.
Жизнь,
 как она утомительна,
 какое бремя это?
Спокойный наш сон прерывает бесконечно,
нет никакого покоя...»

Завистливым, неблагодарным, злым
считая мир, с досадой ворчат, негодуя.
От жизни бессмысленной задыхаясь, они,
тотчас на моих ладонях начали наяву стареть.

В этой суете
яростной жизни
пламенных годов говорю,
чтоб поддержать прошедшие их мгновения яркие,
как зная, нужно поднять высоко.
Счастье свое драгоценное, иногда – горькое,
не надо менять на сердце, вечно холодное.

Камень за камнем,
 словно годы свои
 бросаю в воду.
Пока они исчезают из виду,
успеваю о многом подумать.

Вижу, на водных кругах,
звонящих, блестящих,
переливаясь, скачут годы.
Камней, не только камней, но
годы свои как скачут, я вижу.

До свидания,
годы мои, и проблемные,
и счастливые – камни,
в поисках вас сколько раз пыталась счастье,
моего детства певучие годы мои!
За ваше счастье – чтоб вы всегда пели –
пускаю вас в путь к волнам, будьте благоденственны!

Там –
в глубине
моей резвой Джида:
есть возможность и петь, счастливой быть,
нет зависти, нет обмана и коварства.
Там –
не ссорятся,
не лгут и нет воровства:
никто не украдет песню вашей души,
прямоту вашего нрава никто не осудит.

Простите меня,
мои годы-камни,
нечаянно разбудила вас!
Зачем вам равняться на тех,
кто камнем лежит, не шевелюсь, без дела.
Даже волны берут в глубине
свой разбег для пения.

С берега
вслед вам вдогонку
каждому кругу воды

удачи в пути я желаю.
И в яростном мире борьбы – счастья желаю.
Пусть сердца ваши не устают и не смущаются
встретиться с юностью...

Жизнь человека –
 это река,
 которая стремится к морю,
в ее нелегком пути может помочь только песня,
если она без песни, то погибает на полпути.
А людская жизнь –
 это нудное скучное
 течение,
если сдружишься с песней – придет вдохновение,
без нее – станет лужей.

Вот поэтому,
 мои годы-камни,
 прошу вас,
станьте певцами нашей Джиды,
что к морю стремится.
Кому посчастливится
 услышать
 ваше пение,
в том непременно душа запоет –
и родится в нем душа певца.

Пойте песни, поющие камни мои,
даже сердца суровых людей
 от песни вашей могут растаять.
От вашего дара большого, как море, щедрого,
может, время жестокое наконец
 мечь свою позабудет.

Поднятые ветром,
 заблудившиеся в бренном мире,
 воинственно клубятся облака,
 устав кочевать по всему небу,
 полны хлопот, будто копыта, мечи
 готовят они.
 Как их клич
 по степи,
 грянул гром,
 и будто сзади бегут преследователи, чтобы догнать,
 также с огнем, впереди встречают с мечами.

Собравшиеся силы здесь –
 как будто в битву вступить готовы
 под колыханием знамен,
 но от топота копыт их коней боевых,
 от молний-мечей, боясь, враги отступают.
 ... Но все это –
 может, всего лишь
 память воинов –
 когда-то от ударов их мечей раздавался скрежет,
 и отзвуки эха землю сотрясали.

О, гроза!
 Нравом ты как схожа
 с народом моим,
 поднявшимся на защиту родимой степи,
 и с его судьбою.
 Силу битвы их можно сравнить
 с внезапно нахлынувшим ливнем.
 Теперь под ударами грома, кажется, проснулись
 древние легенды, которые как стражи,
 оставленные возле казаков,
 уснувших вечным сном.

* * *

И это не сон –
 кругом, по всей степи
буераки, оставленные подковами времени,
 чернеют печатью и отдаются эхом.
А телевышка, подпирая небо, улавливает звезды,
чтобы семицветной радугой
 охранять сон павших казаков,
трубит о новостях мира.
 И кедры стоят в карауле,
на плечи накинув плащ-палатку вечнозеленую.

Как благословение
 почтенного старца Гунзана,
победный рев изюбра,
играя зорю мирного времени,
 сотрясает тайгу.
Так воспевая жизнь призывной песней
чествует он закономерность
 бренного мира:

«Кто придет послушать мою песню –
пусть получит долю из моего долголетия.
Кто придет прервать мою жизнь –
пусть получит короткую жизнь моих рогов...»

7

Словно боевые кони
 хаана Гэсэра
над рекою, взвалившей на спину все времена,
кони-тучи плывут со ржанием.
В синих гольцах Гунзан уулы
курлычат гуси, будто без меня скучая...

До сих пор
карабкаюсь на гору во сне,
испытывая огромные муки.
Может, словно предчувствие, это приснилось и птицам?
Или мои детские мечты обрели крылья
и остались верными себе?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Из всех живущих тварей на этой многострадальной нашей земле именно перерождение для человека считается наибольшим благословением в буддизме. Автор считает, что некоторые личности, работающие в области литературы и искусства, если они будут радеть за общие дела, за чаяния народа – могут избежать болезни и страдания, и еще при жизни духовно переродиться заново.

Автор

ВЕРШИНЫ

Хотели ли
горные вершины в числе своих орлов
меня увидеть,
не знаю,
Но знаю, что они не просто – горы, но и перевалы жизни,
которые не покоряются за секунды.

Чтоб красоту мира
увидеть с высоты, не раз приходила я
к подножьям горы,
одобряли или нет, не знаю.
Но я поняла, что они есть вершины священных песен,
не приблизят к себе человека с мелкой мечтою.

Место это превратив в обоо
 для поклонения хаанам небесным,
когда мои предки горным вершинам
поклоняться начали?!
В богатырскую славу,
 что берет высоту, влюбившись,
сколько людей не робкого десятка,
не добравшись до вершин, вниз скатились!

Полагая в душе, что край этот,
 где отдыхают времена,
у многих было намерение – преодолеть вершины,
но, вдохновившись, окрылялись они только лишь мечтой.
Полагая в душе, в страну орлов,
 названную краем улигеров,
также и я в снах моих стремилась туда –
карабкаясь по скалам, мучилась.

Теперь на каждом шагу
 преодолевая себя,
удачливый или с ошибками –
беру у него трудный урок альпинизма.
Потому даже
 во сне сквозь забытье
карабкаясь вверх к вершинам,
иногда попутно песню свою будто нахожу.

1

Я спотыкалась не раз, получая удар от слова,
но спасала меня моя везучесть, не отвернулась и теперь она.
Когда я торопилась взять высоту,
сиротское море казалось мне лужицей.

Если я доберусь до горной вершины, – думала я, –
весь мир окажется будто на моей ладони.

Верила, что там, в вышине,
есть страна,
где люди следуют
законам братства.

Однажды во сне, оказавшись на пике,
удивилась, не родилось во мне
ни высокомерие, ни зазнайство.
Себя ощутив
лишь пылинкой его бытия,
чуть не сорвалась
с его скалы.

Тут бесконечность мира поразила меня,
дерзнувшую почувствовать его на своей ладони.
И степь, которой
пренебрегала до этого,
показалась мне
роднее родных.

Едва не задохнувшись от тоски невыносимой,
поспешила спуститься на землю родную.
Молвила я:

«Не надо мне рая»,
чуть не зарыдав,
вниз поспешила.

«Спеши, создание ада,
в свой ад земной блаженствовать!»:
так говоря,
вершины гор
содрогались
от хохота.

Но город показался мне муравейником –
гнетет меня тоска от кишашей муравьиной жизни.
В муравейнике этом
 восхищаются своей ловкостью,
и снуют муравьи,
 словно жить будут вечно.

И вдруг вижу, как мимо меня с песней катятся вниз камни
будто живые сердечки тех вершин.
Знать бы мне,
 о чем поют камни.
Разгадать бы мне –
 зачем они катятся вниз...

Принимая человеческий облик,
решили страдания мои понять?
Прожив человеческую жизнь суетливую,
смысл счастья хотят найти?

Им не понять, что родина
становится дороже
 сердца.
Отвагой упоенные своей,
свистят – поют они, летя с вершины,
не подозревая, что им нет возврата
 на свою вершину.

* * *

Прояснился мозг, но не могу проснуться,
словно камень
 хара* меня придавил,
Дух свой зову, но он в душе моей в обмороке,
хочу крикнуть, чтоб прервать сон,
 но нет слов, не помню их.

* Хара – темная, невидимая, нечистая сила

Будто в этой жизни я немой родилась,
О, боже,
 мои слова
 в камень превратились?
Ни одно простое слово вспомнить не могу я...
О, боже,
 мое тело стало
 памятной плитой?
Тужилась, тужилась и вот закричала:
через вопль боли, страха
 вспомнила слово:
 «Мама!»
И все же пытаюсь, мучаясь, выразила
свой страх словом:
тогда я постигла, что такое –
это счастье – быть живой.

Вот тогда я впервые оценила силу слова,
без сна я искала тайну этой силы.
Каждого слова смысл находя,
в дело своего времени применила.

* * *

В поисках судьбы,
 когда в путь
 я вышла,
Никто не предложил мне настоящее счастье.
Когда хотела
 помочь людям
 силою слова,
Никто не поверил мне.

Вместо того, чтобы
 плакаться кому-то,
 когда научилась я петь,
чудесными песнями поделилась со мною жизнь.

За то, что вместо
 благодарности хотела
 непреренно ее воспевать,
благодарила она, что долги умею возвращать...

Однажды увидев, как я утираю слезу,
воспевая любовь,
 которая состоит из мук –
Услышав, как пою я голосом,
полным любви и надежды,
 о жизни самой, которая состоит из страдания –

И тут свершилось чудо:
скакуном обернувшись,
 ласковым ржанием жизнь моя,
словно обещая помочь устремиться в дальние выси,
встала на дыбы
 предо мною –

И, роя волшебной подковой землю,
 человечьим голосом сказала:
«Научись, дитя мое, мудро мыслить,
научись шире думать, не мелочись,
и садись на меня на скаку моем».

2

«Не предлагай мне как украшения
 серебряную сбрую,
спеши к вершинам своим, куда стремилась.
Медлить здесь
 нельзя тебе,
 путь твой далекий, трудностей много –
Время может измениться, спеши.

Не задерживайся
 над каждым скарбом – росинкой,
сила твоя – не вечна.
Но росинки эти,
 хоть и недолговечны,
могут голову вскружить любому.

На полпути
 вдруг отдыха захочешь,
идуший может сбиться с цели.
Заманчива страсть карусели жизни,
пока она крутится,
 хмель тебя вдруг одурманит.
Могут помучить тебя, опасны эти соблазны.

Упрямый нрав твой здесь не будет лишним –
преврати его
 в резвого жеребенка
 и влюби его в славу,
чтоб он захотел в беге всех обойти.
Нрав его гордый
 всегда тебе пригодится,
 слова мои – помни.

Себя не мучай, мести поддавшись,
Серая пресная жизнь
 наводит скуку на тебя – помни.
На любовь уповая, не предавай свою песню.
Высокие цели свои –
 преврати в путь
 особый.

Силу твою забирая капля за каплей,
дорога длинная назад не отпустит тебя.
А песня твоя станет народной,
не узнает тебя при встрече.

Если устанешь вдруг от моего нрава крутого,
сиротливые горькие слезы
 здесь не помогут.
Если предав, меня оставишь,
голодное детство
 тебя не простит.

«Жестокое время, которое грех твой
глазами твоими покажет,
 оно подошло вплотную», – слова эти
твоей бабушки, такие мудрые,
не забудь,
 возгордившись.

Мой характер так сложен, на то я – жизнь,
не ругай, пытайся понять меня.
Могу оказаться иногда обессиленной –
учись в нужное время меня поддержать.

Пусть говорят и ругают меня,
что изменить могу,
 приведя на вершину кого-то,
 обмануть и бросить его.
Обвиняют меня в коварстве,
наговаривают на меня, что я
 к вершине заставляю
 ползком идти кого-то.

Но как мне быть иною, когда некоторые
«выбрав близкую дорогу,
 четырежды переночевали»
И вскоре удивившись тому,
 как помучился, и залег –
 Кто поможет такому!
Когда слабовольные, испугавшись чего-то,
может, большой в том нет вины,

перестав петь раздольно,
блуждают во времени –
Кто виноват?!

Когда род свой смешав с грязью,
и на воде
подверг его пожару, –
Кто спасет его?!
Возмущаясь, обвиняя время,
придравшись,
хватает меня за грудки, –
Кто простит?!

Когда ты на коне, почет и славу тебе воздают:
некоторые не могут
выдержать почести и славу,
тогда им конец...
От честного слова и правды, когда отступают:
мучения совести
смысл найдя,
под свою власть забирают.

Мало людей это понимают:
если избрали тебя,
не говори,
что ты лучший.
Пестра она, эта маленькая страсть:
лучше будет,
если кость поломаешь,
чем имя свое запятнаешь.

«Мудрость души – от народа», – говорят:
поэтому образование
ни мудростью ума, ни совестью
не обеспечит.

Правдивое слово мир потрясет:
в слове
очень трудно
переродиться заново.

Люди с незапамятных времен стремятся к вершинам,
к заветной вершине направляются.
Говорят, что там кроется тайна всех времен,
потому, став зовом, призывает их.

Взобравшись на эту святую из святых вершину,
не надейся, что душа твоя обретет покой и гармонию.
Прежде, чем достигнешь к концу своей жизни,
время опередив, второй раз родишься там.

В честь второго рождения
подарят тебе небеса мощные крыла.
Тогда смертный человек,
одержимый мечтой,
снова начнет ошибаться.
На этот раз стремясь стать сватом
горных вершин и степей –
такова ваша
человеческая природа.

Эта мечта твоя сродни тому, что ты
захотела бы заарканить и спустить с неба звезды.
Это равносильно тому, что ты ринешься в бой
с непоколебимыми устоями бренного мира.

В каждом столетии
власть этого мира
привычку имеет – людские мечты
испытать на прочность.

А время, прервав чей-то сон,
вселив в него надежду,
тут же на его пути
встает крепостью неприступной.

Если даже встанет
Гэсэру подобный батор,
и время также покажет ему свой нрав.
Когда он к вершинам
идти отважится,
чтоб отвлечь от пути его,
превращается в сад цветущий и манит.

Вот почему у человека млеет дух,
что, вернувшись на долину,
снова в сон
уходит надолго.
Разбудить кто захочет его, – того нарекут хулиганом,
и этот человек,
истощный крик издаст,
и испугается сам от крика своего.

Вот таков этот мир-сансар:
свою власть и законы
никогда не меняет.
Хоть и достигшему вершины своей
человеку предательски изменяет,
обидно до слез,
недолговечен век человека.

Остаются непреодолимые вершины
блеском холодным сверкать, и звать –
Новых людей
из новых времен и веков.
И опять они, мечту лелея ту,
пойдут поодиночке
покорять вершины...

Если успеешь
одну из вершин покорить,
для людей пользу сделаешь шагом одним.
Вершины, стало быть сродни
скалам Загууриды*,
потому, словно лампадою можешь светить,
если нужно, для людей.

Непреклонной воле
удача сопутствует,
если достигнет своего смельчак, –
кто-то смелый пойдет за ним...
Если отступишь,
сводя
старые счета со мною, –
не убудет талант народа, певец отыщется иной...»

3

Каждый из нас рождается со своей песней,
когда умиляемся, душа наша, как источник, неиссякаема.
Радует ли, плачем ли – не все ли равно,
душа исходит песней бессловесной.

Окунаемся ли в повседневный труд,
поднимаем ли
на ноги детей,
встречая новый день,
мечтаем ли молча, пусть даже о незначительном,
читая стихи,
хмелем ли от любви,
поем, как можем, каждый – о своем –

* Скалы Загууриды – промежуточные скалы, по суеверным представлениям, труднодоступные скалы, где якобы витает душа внезапно умершего до нового перерождения

Хорошо, что все голоса сливаются
в одну песню,
 что претворяется в жизнь
 народную – это удивительно.
Всюду даже мир окружающий:
также бессловесно,
 словно себе под нос,
природа напевает.

Но поиски песенного огня
считая самым тяжким, черным трудом,
Предлагая серые, тусклые мечты,
будто пытаюсь спасти чью-то душу –

Как проповедников, стихи
 читающих «поэтов»
 развелось – пруд пруди,
вы – не певцы, увы, не певцы,
поэт идет, сбивая ноги в кровь, к вершинам,
чтобы пылать огнем и,
если надо, быть готовым сжечь самого себя.

Там, на вершине
 смело войдя
 в будущее клином,
не имя свое прославлять, а народ свой.
Петь – это не блаженство серенькой мечты,
это боль и гордость народа, идущего к вершине.
И вернуть ему –
 его песни.
 Вот тогда вы – поэты.

И кто же
 тогда я
 сама?

И почему же выбрала себе особую эту дорогу?
Откуда,
 куда,
 к кому я спешу?
Кто такая я – зачем же мучаю себя?

Сравнивая стихи свои
 с пробившейся
 сквозь асфальт травую,
и горделивой была, и задорной.
И душу рвала я,
 пылая огнем,
дарила ее каждому встречному.

Не заботясь,
 нужны мои песни им,
 или нет –
и даже беззаботным воробышкам дарила.
Мне казалось,
 что я источник,
 полный дара,
какая я была наивная, гордилась собой.

Хотя каждую мысль
как ребенка пеленала –
Хотя каждый стих после долгой боли рожала,
словно преодолевая муки рождения и смерти –

И все же песня иногда рождалась без дыхания,
сидела, готовая отдать
 сердце свое.
Но, когда она своим отчаянным криком
извещала о своем рождении, весь мир –
подумав,
 что это награда мне,
 и как мать ребенку, желала ей долгой жизни.

Иногда, как вспомню детство мое пасмурное,
захлестывала жалость к себе.
Ожесточалось сердце мое, будто мести прося,
и билось о стенки бессловесного бытия,
совесть мою мучило.

Ведь ничего не осталось от детской обиды,
но почему сама себя теперь жалею?
Если то далекое время не дало мне счастливую долю,
так почему же жалеюсь на бога или на кого?

Однажды, когда я очнулась,
в сердце моем
со звоном звучали
счастливых моих дней куранты Кремлевские.
Говорила Москва
высокие слова, слова
надежды и веры полные,
она кипела, смеялась и бурлила.

Словно красное сердце планеты
белокаменная
моя столица – Москва
клокотала и пела,
с честной и открытой материнской щедростью
всем делилась со всеми – и со мною.

Как из миллионов, стремящихся к ней,
также я сама оказалась
лишь одной из ее вен.
И одна из тех счастливыхцев,
из истории ее
ищущая свою биографию.

Когда возвышенную, земную душу в меня она вложила,
горестно ли,
 радостно ли мне –
 стала я несдержанною на слезы.
И учила быть спокойней и мудрей –
так я узнала
 без страха
 будущее свое.

От счастья ли, от горестей ли,
прижавшись к ее груди,
 слезам дала
 я волю.
То ли из-за стремительного бега времени
поняла, что будущее –
 это я – сама.

Она швырнула меня в бушующий океан страстей,
чтобы испытать, буду ли певцом или нет.
Когда я захлебнулась, она – тут как тут,
подняла меня и дала мне трудный урок плавания.

Здесь научила меня,
 как добротой
 обезоружить зло,
и мужеству, подобающему мужчине.
И поняла, что я есть
 неотделимая капля
 ее мысли –
так я обрела родину моих песен.

Словно жеребца,
 если уж научилась обуздать,
 кипучую жизнь свою
училась седлать и объезжать.

Если нужно,
 готовая взвалить
 ее на плечи,
пожалуй, сумела смастерить и судьбу свою.

Я поняла, если захочешь написать стихи
с долгою и вечною судьбою,
нужно быть
 честной и откровенной,
 как русская мать.
Если хочешь прожить свой век счастливым,
нужна душа,
 чтоб жить для всех,
 как она.

Поэтому ночами сижу,
 и свет горит всю ночь
 в моем доме,
меня так часто мучает бессонница –
не жизнь мою, солнце – пытаюсь защитить.
Не о своей,
 а о судьбе
 народной пекусь я –
слишком часто мучает меня беспредельная тревога,
ведь в ней будущее моих детей.

Когда не могу
 в себе черное
 обезоружить белым,
когда страшные сны одолевают меня,
во сне зову я русскую мать на подмогу.
Когда в поисках
 вечных истин,
воплощая мечты, правда моя спотыкается в пути,
опять же душа моя летит советоваться к ней.

И тут же меж нею и Бурятией родною
мое сердце,
 преодолевая
 тысячи километров в пути,
летит письмом, создавая дивный мост,
чтобы узнать о здоровье двух родных матерей.

4

От суеты этой жизни,
 похожей на базар,
 я очень устала:
лежу на лугу, глядя вверх, на вечное небо,
родной природе всей душой внимая.
А надо мной трепещет стрекоза,
меня, видать, приняла за пуп земли.

Небо поет –
 будто притих
 луговой зеленый океан:
из мелодии его, кто-то, рождаясь,
лодок-облаков расправляет парус.
Но тут же налетевший ветер,
спешно прервав мелодию, исчез.

В душе моей
 гнездится грусть,
 и сердце ноет:
испытав на краткий миг вдохновение,
чья-то жизнь угасла в небесах.
Облачный корабль, спустив паруса,
одинокое на небе белеет.

Святая солнцу
 родное тоonto,
 жаворонок поет:

из песни его родившись, кто-то
к небу проводит мост жизни.
Но приближаются тучи грозовые,
кто-то, сорвавшись с высоты, падает,
и песня смолкает.

Оттого жизнь
угасает так предательски,
душа моя стонет:
недолго испытал прекрасные мгновения,
кто-то падает навзничь на землю.
Когда перед земным притяжением
мост к солнцу оказался недолговечным.

Танцуют цветы
и поют,
будто на чьей-то свадьбе:
и бабочка, игриво порхая над ними,
круг их, размыкая, влетает.
Но, когда рядом коса зазвенела,
предвещая беду, саранча разлетелась в разные стороны...

Из-за назначенного срока
расставания
сердце плачет:
грустно, когда как клочок разноцветного ковра
остался в памяти детства этот цветущий луг...
Уйдет любовь как временная забава,
и останется навсегда на этом же лугу скошенная...

Листья белой
могучей березы
шепотом шелестят:
и рождается кто-то из шелеста этих листьев,
и жизнь веселится, отмечая праздник, ликует.

И солнце, уткнувшись в ворох этих листьев,
гасит радость мелодии соревнующихся в пении.

Сердце ноет,
и боль моя
дерзко толкает под ребро:
отпив глоток из мгновенного счастья,
когда на празднике своем кто-то оставляет мир,
не прожив отпущенный срок,
когда обрывается чья-то жизнерадостная душа.

В каждом ударе
напряженно бьющегося
пульса времени
вся жизнь сосредоточена в один миг.
Потому в этом сансаре
ищут правду,
которая победит ложь, –
вот почему отчаянно велик поэт,
воплощая жизнь в одном мгновении – стихотворении.

Если поэт
найдет второе рождение
в сансаре,
словом может потрясти мир,
и умерший восстанет из-за упорства его.
Правдой – непременно врага победит,
сказкой – жизнь возвышая, украсит.

А матушка-земля,
сливая песни судеб
людей
в одну единую симфонию в том хоре,
что мы жизнью называем, – поет и рыдает.

Поэтому боги
милостивы
к нашим поэтам:
если в стихах поэта жизнь кипит,
значит, песня живет, в сердцах пульсируя.

Пой, моя планета,
пой и плачь!
Моя песня умолкнет однажды – это знаю,
и жизнь моя короткой ли, долгой ли будет,
не беспокоюсь я.
Лишь бы твоя симфония звучала, не замолкая,
как чудо из чудес вечно, навсегда!

5

Сегодня я, как антенна нашего времени,
ловлю его волны плача и смеха.
Только на сердце тревожно и тяжко
от противоречивости вопросов моих.

Когда вижу, что возвращенный мною
сад души безжалостно топчет «скотина».
И строки моей души на бумаге –
 пытаются перегонять.
Среди звезд, взволновавших мне сердце,
слышу, как спорят умные люди
 о несметном богатстве звезд,
 желая переключиться, спорят меж собою.

Все происходит в мире в свой срок –
неповторимость вечных повторений.
Даже жизнь бесконечная –
смысл тайный имеет, судьбу.

От сахюусана – звезд
просить покровительства?
Увы, не в этом –
желая оспаривать огонь любви,
хочется пригласить звезды на праздник костра.
Теперь не в сад
души,
увы, не в сад –
всю, без остатка, душу песнями засеяв,
наперекор всему, хочется мне петь, и петь на весь мир.

6

Почему преждевременно седеют наши виски
в колыбели вечно молодой жизни?
В утробе мирного времени
почему мучает нас память прошедшей войны?

Может, это и есть тревога наших матерей за будущее,
которое они вынесли через ужас и смерть.
Или это и есть иней прошедшего времени,
заставивший их ценить жизнь, детей поднимая на ноги.

Хочется боль эту выдернуть –
из их сердец,
и оставить только лишь на бумаге.
Воспевая юность прошедшую – матерей,
и подарить им – беззаботные,
счастливые годы...

ГЛАВА ПЯТАЯ

Матери бывают разные. Некоторые свою жизнь полностью посвящают воспитанию детей. Среди матерей встречались и матери-одиночки, это относится в большинстве случаев к послевоенному времени. Эти женщины, родив ребенка, не справляясь со своими родительскими обязанностями, плохо относились к ним, были грубы и жестоки.

В эту главу поэмы автор, описывая мать, включает свои детские воспоминания и рассказы других женщин и наблюдения из жизни других семей.

Автор

МАТЬ

С запада,
где солнца закат,
мама писем ждала,
родившись в этой семье, плывущей в море горечи,
принесла ли я надежду или нет? Не знаю.
Ершистей и упрямей
меня в улусе
не было,
принесла ли я домой свет лампы
от божеств, которым бабушка молилась.

Но родилась я –
 всем чертям назло,
чтобы быть зовом и бунтом бессмертной жизни.
Матерям, которые в военную пору
 из одного полена
 пытались разжигать огонь,
доказать живучесть всего живого,
надеждой любви обрушиться на зло.

Потому осушая их слезы горечи,
тороплюсь поднять на ноги детей,

чтобы дать им наказ
 помнить отца,
 с честью нести его имя.
Счастье – быть родителем,
и этим продлить жизнь наших предков.
Отдать дань бытию всего мира
 из доли своей – дээжэ* –
 долг мой.

1

Забыв скрыть опухшие от слез глаза,
родные прощались
 с родными,
 любовь – с молодостью.
Уходили в неведомые
 времена и дали
 отцы с сыновьями и скакуны...
Уходили они туда, где угасало солнце.

Откуда знать детям в то время, не слышавшим –
скрежет стремян
 и лошадиных копыт,
 облитых кровью и потом,
Когда люди боялись друг на друга смотреть,
и старики молча
 божествам своим
 молились...

Им знать откуда было о войне:
Отцы уходили на фронт,
 и мальчишки
 ими гордились,
ведь они сами были героями сказок.

* Дээжэ – первая чашка чая или молока, обычай подносить богу первую пробу

И вслед им бежали,
проводжая их
на войну.

И вдруг сорвалась
с места девчушка –
лет четырех,
с плачем побежала за телегой.
Из провожающих кто-то поворчал,
но этой девчонке все нипочем,
махая маленькими ручонками, с плачем,
бежала она, падала и снова поднималась.

Она ведь никого и не провожала:
не местная она, мать этой девчушки.
Почему мать не объяснила дочери:
сетовать и плакать у нас ведь не принято.

Тишина.
Плач ребенка
режет слух...
И небо, опоясавшись пунцово-багровым поясом,
по краям тучи темные собирает.
В оgrade
на привязи
воет собака...
А эхо погружается на вершины молчаливых гор,
которые превращали слезы свои в сверкающий лед.

Люди застыли, как вкопанные,
тяжелое молчание храня.
Будто небо упало сверху навзничь,
и в горле у каждого – ком...

Провожая кого-то,
 женщинам
 нельзя плакать:
неужто эта детская слеза сулит беду?
Если
 среди бела дня
 воет собака:
что это и что ожидать?

«Сыновья наши
 должны вернуться,
 иначе – нельзя:
а тем, кто не знает обычаи,
может, все простится...», – сказала мать.
«Должна же быть
 судьба у народа,
 ведь иначе – нельзя:
если не знающая о грехе воет собака,
с нами пусть будет надежда...», – сказал ее сосед.

* * *

«О, боже!
Война, видимо,
 будет очень тяжелой,
слезами людскими не насытится...
Видит бог,
 в слезах невинного ребенка
 нет ничего дурного, касающегося вас,
настало время прощать друг друга.

Не надо винить девочку эту,
 не ее вина,
 не грешите, думая,
что на вас она накличет беду.

Видимо, суженый жених ее ушел,
поверьте мне,
 то плачет ее судьба,
 обреченная на одиночество.
Видимо, будет и затмение судьбы
 даже у непорочных детей...»

Сказанное стариком было
 понято женщинами или нет,
как одна из тайн предвидения его долголетия?
Не зная, сколько будет невест одиноких вокруг,
плакали ли украдкой невесты
 от этих слов, или нет,
еще не испытывавшие одиночества?

* * *

Среди них множество незамужних женщин...
В душевной муке пытавшихся
 одиноко разжечь огонь
 из одного полена.
Так как уснули женихи вечным сном,
в могилах братских
 спят по всей Европе.

В каждом доме
 горела надежды лампада –
 верилось всем,
что хүнэхэн* сыновей при свете лампы
из диваажана** непременно вернутся домой,
чтобы переродиться –
 ведь даже солнце,
 угаснув на западе,
на востоке является младенцем в колыбели.

* Хүнэхэн – душа (по суеверным и религиозным представлениям)

** Диваажан – буддийский рай

И, стало быть,
этим подтверждало
предначертания сансары.

Прошли времена,
когда старых дев,
что до тридцати замуж не вышли,
заставляли вступить
в брак со столбом,
прикрепляя туйба* к волосам.
И теперь тех, кто рождает дома,
не осуждают уже –
в их детях видя брата, сына, с фронта не вернувшихся.

«Ушедшие на ходулях не возвращаются назад.
Вернется лишь тот, кто ушел своими ногами», –
говорят:
Потому свой очаг, однажды растопленный,
сохраняли женщины свято.
И дээжэ от чая,
проводя по солнечному кругу,
богам подносили.

* * *

Я себя – невестой ощущаю тех парней,
что с войны прошедшей
не вернулись,
теперь уже ровесников моих.
Верю, что они
продолжают жить
в детях моих.

* Туйба – рожки, прикрепляемые к волосам тесьмой. Их носили женщины в отличие от девушек, которые заплетали волосы в косы

Долголетие оставшихся в живых –
наивысшая награда ли, дарованная жизнью?
А звезды, горящие на груди и в их сердцах –
смерть побеждающий символ ли, настоящий?

* * *

Не зря старейшины говорили детям,
коль погибает кто-то
из двоих лебедей –
другой навеки будет одиноким.
С детства говорили нам –
что лебеди своих убийц
клемят проклятием жестоким
и род того будет вырван с корнем.

Проклятие жен погибших,
также, как лебединое проклятие,
наказало бы тех, кто посягает на жизнь людей,
чтоб с корнем исчезли они с лица земли...

2

Каждый вечер в свете лампад,
зажженных бабушкой,
чувствовала, что она
в лабиринте бренного мира заблудилась...
Когда, припадая на колени,
она молилась богам,
я всматривалась пристально в лики богов ...

Словно спасая
чьих-то детей –
каждое утро молоко богам она брызгала.
Играющих в войну детей
она укоряла: говоря, что срок
войны они
этой игрой продлевают...

* * *

«Оказывается, волком съедены
могут быть
не только животные,
но и люди», – от слов бабушки ужасом веяло.
«В Намаке это случилось», – сказала она,
кланяясь богу:
«Не перечислишь
всех бед на земле,
что вытерпели разные матери.

Видимо, их судьба, их доля такая –
до кончины своей
беспокоиться о детях.
И начальников таких хватает везде,
похожих друг на друга, когда мытарят таких матерей
и не считаются с ними.

Одна женщина-мать
до поздней ночи
землю пахала.
Дома у нее – грудной ребеночек.
Тайком от начальства
спешила она домой к ребенку,
чтоб быстрее до дома добраться, – лесом шла.

Обещавшая вернуться
до рассвета назад,
но не вернулась она той ночью.
Когда поработавшая
за нее напарница
в полдень пошла к ней,
ее там не было.

С плачем напарница
пошла ее искать,
видимо, попался ей на пути голодный зверь.
От женщины
осталась лишь голова,
такова была ее печальная судьба.

Говорят, муж – на войне,
дома остался
больной тиком отец
с малышкой грудной.
Стало быть, ребенок –
все же живая душа,
может быть,
при помощи людей встанет на ноги...»

... Словно бабушка моя
защитит меня
от волков,
головую уткнулась в теплую грудь ее.
Словно сердце мое связано с судьбой ребенка,
когда разревелась,
крепко обняв бабушку
за колени, сказала она:

«Если грешен был
в той жизни человек,
карму свою испытает в этой жизни.
Если научишься отличать
грех от добра, доченька,
то станешь более сдержанной,
и не зальешься слезами...

О, Господи,
пусть переродится она:
как угадаешь чью бы смерть...

О, боже!

Что за времена теперь:
как узнать, когда наступит твой черед...

О, боже,

ведь говорят,
что Гитлер обликом своим похож на волка.
Когда рассказывала
бабушка Янжима,
поразила меня,
будто она видела портрет Гитлера
на страницах газеты...*

Как же сыновья наши

борются
с волком этим на чужбине!
Наверное, справляются
с ним еще,
покуда имеют оружие,
да что за такое время пришло страшное!

Может, бог

от нас отвернулся,
ведь уничтожали и грабили дацаны.
Там, где нет бога,
правят балом
сатана и дьявол.
И вот этот дьявол обрел обличье Гитлера...»

3

От лап голода,

оставленного войной,

* Видимо, она видела карикатуру художников, которые называли себя «Ку-крыниксы»

оберегая, спасала меня бабушка.
О, как она постарела,
 поднимая меня на ноги,
из-за непосильной тяжести жизни.

Говорят, что ворона
 за день преодолевает
 шестьдесят ложбин
и бескрайнюю степь
 в поисках падали
 для птенцов,
И так, изо дня в день,
 волоча свою материнскую долю,
однажды падает, обессиленная,
 облинявшая, беззащитная...

Но почему же
 постоянно презирается
 материнская роль вороны?
Почему умиления не вызывает,
 если речь идет о ее любви
 к своим птенцам?
Почему ее долг не становится совестью?
Почему карканье ее вызывает сомнение?

А кукушка счастлива тем,
 что свои яйца оставляет
 в чужих гнездах,
и дни напролет
 без забот
 кукует в тайге.
Но почему же умиляются от пустого перезвона кукушки?
И почему же ей все прощается?

О долге пред матерью,
 ставшей пушинкой,
 помнят, говорят, лишь воронята.
Преодолевая тот же
 материнский путь,
 возвращают матери
не только жизнь, но и силу ее молодости:
кроме них, говорят, никто не смог так отблагодарить мать.

Я ведь тоже
 по примеру бабушки,
 помня цену заботы, посвященной мне,
преодолевая тяжесть жизни,
 полной препятствий,
 длиною в века,
окунувшись с головой в труд,
оценила жизнь, пока искала ее смысл.

Но, по правде,
 долг свой выполнить
 перед бабушкой не сумела я,
Опоздала... Знаю, что ей
 от меня ничего
 уже и не надо.
Не получится у меня попросить прощения,
Опоздать – это и есть ад живых.

4

Дочки мои
 сидят в тишине,
 рисуют цветы:
каждый их лепесток,
 подобный солнцу,
 с бумаги –
будто освещая весь дом,
во все стороны золотые лучи бросает.

Было предназначено
мне судьбою
рисовать только хлеб –
как похожи они на него,
эти цветы
моих дочерей.
Будто хлебом пахнуло с далекого детства,
от воображаемого запаха тогда текли слюнки.
Словно из золы хлеб печеный улыбался мне,
точно также, как солнышко, бросая лучи свои.

Куску хлеба
сытых ровесников своих
завидовали мы,
у них отцы вернулись с фронта.
От улыбок их – победителей,
обещавших нам
хлеба вволю,
но от этой надежды не стало сытым
голодное наше детство.

* * *

Говорят
«Всему свое время»,
я не обижаюсь на это:
душу мою, мои детские годы вскормивший хлеб,
на лике времени, которое
спрятало свет
блаженствующего солнца,
вместо цветов хлеб я рисовала.
И тот хлеб пусть останется как солнышко мое,
солнышко моего несолнечного детства.

Обманув мои глаза
миражами пшеничного поля,
где колыхался урожай по колено,

обманув мой слух
 плескавшей молочной рекой,
 выходившей из берегов,
и этот обман времени поднял мое детство на ноги.
Потому они остались навечно в памяти моей,
миражи, превратившие меня в улигершина.

* * *

Вспоминая то время, однажды сестра
 перечисляла все беды военной поры –
 вспоминая, какой был голод и холода,
начала, как всегда упоминать опять о том хлебе:
«Поздно ночью
 однажды мама вернулась,
казалось, что вся она от счастья светилась –
обменять удалось ей одежду старую на хлеб.
Вынув из пазухи душистый хлеб,
кусочек мне она протянула,
пропахший горячим солнцем при луне.

От запаха,
 ни в чем не уступающего материнскому,
 родной земли пьянела я тогда –
никогда не спутаю я
 этот запах,
 такой родной и душистый.
Но когда прихлебывала она чай без хлеба,
свой ломоть не ела, чтоб потом со мной делиться.
«Сыта», – я сказала, и свой хлеб протянула ей несмело.
«За отца
 ты обязана есть, –
 мама сказала, –
Когда вернется отец,
 будет у нас
 много хлеба...»

Потому, наверно, научилась, словно душой,
делиться тем немногим, что имею.
Накормить всех голодных, словно мать,
наверно, стало привычкой с тех пор.

Потому была мечта ровесников моих –
хлеба засеять без межей и границ,
чтоб по всему миру колыхалась пшеница,
тогда могла бы воплотиться эта мечта.

5

Какой палец ни укуси,
 любому больно,
так же – каков бы ни был сын,
 он дорог матери:
для матери все ее дети равны.
Сын, если хочет воспеть радости жизни,
сотрется она в порошок, чтоб для него стать чернилами.
Любая из матерей примет пулю,
только бы не видеть крови, пролитой по вине ее сына.

Кому-то счастье
 на блюдечке надо подать,
другой – за счастье других
 будет страдать.
Это как противостояние – белого с черным,
Дороги и судьбы у них тоже разные.
Кто-то в грех упадет
 за тяжкие поступки,
другой – благие дела
 будет творить.

Есть, к сожалению,
 дети, кому не указ
 слова родителей.

Не привыкли
они к послушанию.
В таком горьком случае, пущенная сыном пуля
попала прямо в сердце матери, говорят.

Также, когда у меня
грудные соски
с болью щемят,
тотчас в душе моей
просыпается
материнское мужество:
Если захочет вдруг жизнь детей моих притеснять –
чтобы для них стать крепостью,
Взвешивая, где зло, где грань черного и белого,
готовая спорить с жизнью, запеленав их душу,
стану сильнее
сильных,
и душа моя знает:
ни власть,
ни закон мне
будут нипочем.

* * *

Когда-нибудь дети мои
не поверят мне,
что стала стара и слаба.
Ведь для них мать
всегда молода
и сильна, энергична:
за то, что как раньше, душой и сердцем болея,
и без слов подставляю свой подол.
За то, что упоминая их детство,
готова вынянчить заново, забыв о своем сне.
За то, что без их просьбы
«Прости»
простить всегда их готова,

могут не успевать
или забыть
 побыть со мною...

Всему – свое время.
 В будущее я верю.
Пусть время
 прекрасной лампадою
 вечно горит.
Пусть в этом мире сложном и противоречивом
Дети наши пусть не повторяют наше детство.
Пусть рисуют цветы вместо хлеба,
Их мечты пусть красивыми будут.
Многого мне
 теперь не надо –
Вот это и есть
 то счастье,
 что ищем всю жизнь.

6

В чем удел
 Материнства,
 тайна и урок –
воскрешая в утробе, нежностью взлелеяв,
подарить жизнь своей кровинке,
чтоб в мир вывести огромный,
и научить ее, как жить.

В этом собрано
 все лучшее,
 что есть на земле.

В этой миссии – все.
Ни с чем не сравнить и не заменить –
даже с подвигом богатыря сравнить не смогу
этот великий урок материнский.

В будущих матерях
сердце пульсирует,
сердце жестоких и тихих,
темной и светлой жизни.
Также в сердцевине
моей Родины трепетно
пульсирует сердце,
сердце великих и жалких времен.

Биение сердец
этих времен –
редкий услышит.
Только матерью став, поймет,
почему длинны бессонные ночи ее.
Здесь ребенок напомнит забытый ею долг,
и грешная жизнь предстает
во всей своей наготе.

Душа материнская, говорят,
связана с чистым источником
аршана,
потому молится богу, прижав к сердцу грудного ребенка,
просит бога – матери насладиться лихорадкой ребенка.
Все свое лучшее отдав своим детям,
насыщаясь при этом любовью своею и нежностью.

И эта закономерная
обратимость
в этом мире ложном,
мою жизнь, отмеренную мерилom, имеющую границу,
сделала безграничной, безмерной и долгой.
А сердце мое величиной с ладонь
превратила в каплю, способную вместить весь мир.

И время сомнительное
успело дать
мне пощечину –

отрицая бога, заставившего верить
в свое учение, говоря, нет греха и благодеяния.
А меня, что считала богом себя,
дети мои верить в бога заставили...

Во веки веков,
какой бы ни был талант,
какой бы ни был мудрец,
никто еще не смог сложить гимн Матери,
и воспеть ее облик святой.
И никто не смог бы сполна
вернуть ей долг сыновний.

Потому давным давно,
в древние времена
предки наши
облик матери из глины изваяв,
Богиней Ногоон Дари назвали?
И, подарив статуе вечную жизнь,
превратили в Совесть эпох?

И я, познавшая
суть женской души,
кого называют мастером Слова, поэтом,
не могу найти слово, достойное ее.
Сколько ж на свете имеется слов прекрасных,
но рассказать о матери – где найти это Слово...

Хочу нарисовать как художник,
чтоб в лике материнском
и муки, и счастье вместе были воедино,
но не нахожу нужной мне краски
в этом многоцветном мире.
Хочу увековечить ее колыбельную песню,
но нет такой ноты, хотя природа полна музыки.

Может, у меня,
 сиротой
 выросшей с мамой,
Таланта не хватает для этого?
Может, слишком горда или слишком кичлива?
Не хватило, быть может, тепла для меня у мамы?
Или мое счастье материнства в избытке оказалось?

* * *

Если человеку вдруг стало не по себе,
плачет он без причин или во сне.
Про усталость забыв, про дела и прочее,
к матери спешит он, в дом – свой отчий.

 О, поняла,
Если человек в этой жизни
 без устали ожиданием кого-то мучился,
тогда он напишет портрет своей мамы правдиво.
Если человек плачет по маме
 по-детски безутешно,
продолжит тогда песню ее колыбельную.

Стало быть –
 вот этот источник вдохновенья,
неиссякаемый источник нашего таланта и ума,
страсть и сила гордости сыновней.
Океан любви материнского сердца,
песни нашей начало – радость встречи.

7

За моей спиной извиваются стальные рельсы,
покачиваюсь в такт мерному стуку колес.
В дрожащем стекле мелькают стройные березы,
оставляя в моей душе непонятную грусть.

Душа моя – не винодел арзы,
и не дикого лука,
который могла настоять.
И не перешептывание
простодушных листьев берез,
которые под дождем
Подмосковного неба наслаждаются.

Когда я лбом прижимаюсь к стеклу,
то ли решив очистить мою душу
от нахлынувшей грусти,
этот дождь хлещет меня по лицу.
Но когда увидела
в каждой капельке дождя
себя , уже без грусти,
как ноты их собирая, дождь музыку свою сочиняет.

* * *

Время торопит меня домой –
от теплых встреч
с друзьями
душу обогрело.
Выполнить осталось лишь
мамин наказ –
третий день ищу встречи с отцом.

У меня за пазухой роковая бумага
величиной с ладонь, которую мать дала,
страшная там весть:
«Пал, защищая Родину...»
И сейчас она жжет,
и дует как сквозняк.

Еще теплая горсть земли-тоонто*,
которую давала мать
дрожащей рукой.

* Тоонто – место рождения

Земля, пропахшая потом и кровью,
потому она,
 как материнская память,
 горька по запаху и на вкус.

* * *

По следам прошедшей войны
 с надеждой увидеть имя отца
 на одном из памятников,
задумчиво иду по Подмосковью.

После долгой разлуки с родиной,
 я – как птица,
 мысленно лечу,
чтоб познакомиться с отцом.

Прекратился дождик,
 цветы, стряхивая влажные лучики,
заигрывают с ветерком.
Сверкают, смеются
 алые яблоки на ветвях,
как солнышки, заарканенные ветками.

Сощутив глаза,
 очарованно смотрю на яблоки,
Чтобы узнать, чего ищу я,
 подошла ко мне старая сторожиха,
и тоже смотрит,
 мной удивлена:
да что же там, на яблоне, такое?

Догадалась, видимо, протянула мне молча
бордового цвета
 красивое яблоко.

И, улыбнувшись, просто сказала:
«Ешь на здоровье».
Яблоко мне показалось живым сердцем,
спрашивающим о здоровье
матери моей.

«Ешь на здоровье» – простые слова,
но смысл их как мне дорог!
Желая здоровья, значит, на счастье мне подарила.
Счастье – оно тоже простое,
но когда оно уходит,
остается лишь страдание –
Вспомнилась мне прошедшая война...

Двадцать лет
когда маме было,
она уже плыла в море беды и муки.
Ее испытать еще не успевшее счастье
здесь в России,
защищая землю, стало землею.

Наверное, поэтому
русская земля
стала родной и священной для всех.
И поэтому
к обелиску люди приходят,
чтоб в памятнике мысленно увидеть
и встретиться со своими родными.

За то, быть может,
что он так свято хранил ее любовь
под градом пуль и стуком пулеметов,
пролитая им кровь,
впитавшись в землю, тут
на яблоках, может, алеет так ярко.

Счастье,
 которое война украла,
я распознала в цвете этого яблока.
Только здесь поняла я,
 как ты ждала, мама, и верила,
и сейчас ты веришь еще,
что счастье твое навестит...

В яблоке будто увидела
 надежду твою и опору,
поэтому в надежде вернуть его тебе, прячу за пазуху.
«От сверстницы! – скажу, закончив путь. –
Желает счастья тебе на долгие годы!..»

8

От взгляда матерей краснею я,
 подкрашивая губы и глаза.
Словно я украла одежду их молодости,
с болью в сердце,
 сбежать бы рада.

Таскавшие мешки шестипудовые
с мукою
 их нежные хрупкие плечи.
Выплакавшие слезы, ожидая с фронта писем,
глаза, в которых
 навсегда поселилась боль.

Души, пережившие все тяготы и смерти,
Руки, огрубевшие
 от чрезмерных работ,
 спасая свое время.
Мужей, сыновей ждать не уставшая вера непоколебимая,

Молодость,
на себе вынесшая
тяжесть своего времени.

Став молитвой моей,
советует преклоняться.
Став моей мечтой,
упорно ведет меня только к победе.
Став моим мужеством,
вручает мне ручку в руки.
Став моей судьбой,
счастливой быть приказывает.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Вспоминая свою первую любовь, в большинстве случаев безответную, многие утверждают, что есть на свете настоящая любовь. При этом встречается немало мнений людей, которые разочаровались в ее существовании из-за того, что были когда-то обмануты в своих чувствах, или просто пережили безответную любовь. Но в то же время настоящая любовь встречается крайне редко, и поэтому иногда приходится думать даже о том, что она даруется Всевышним за добро и благодетель, совершенные родителями. Но, как ни странно, любовь воспевали поэты разных времен и народов, о ней слагали легенды, предания, песни и стихи.

Наверняка и не один раз каждый из нас размышлял о том, какой же все-таки должна быть настоящая подлинная любовь. И я в том числе не исключение, тоже размышляла об этом и высказала свою точку зрения в стихах в предисловии поэмы. Однажды, встречаясь с людьми, я услышала историю от Мункуевой Сэсэгмы Санжиевны, и в качестве примера хочу ее рассказать.

Автор

О ЖЕНСКОЙ ЛЮБВИ, СТАВШЕЙ ЛЕГЕНДОЙ

Один отпрыск богатого человека решил скрыться, чтобы не попасть в тюрьму. Любимая и любящая его девушка не захотела отпускать его одного и пустилась в бега вместе с ним. Они ушли в места возле Бурин Хаана, гольцов, где редко бывали даже охотники. Построили избушку и жили там восемь лет.

В те гольцы люди не заглядывали, днем ходили разные звери, в том числе и медведи. Иногда забредала медведица с медвежатами, которые долго играли в том месте.

Юноша охотился, добывал пропитание. Иногда промышлял соболя, обрабатывал шкурку, ночами добирался до людей и менял их на муку, масло и другие необходимые продукты и вещи.

После восьми лет, говорят, сами сдались НКВД.

ЛЮБОВЬ

Не знаю, на играх вечерних у костра
была ли кем-то избрана
 словно звезда или нет.

Из круга красивых и голосистых девушек
слыла ли самой гордой
 хоть раз или нет.

Помню, как пламенем была околдована
рассказом моего проводника
 о славных талантах певцов-земляков.
Я оценила широту его души,
хвалой возносившего
 каждого как друга.

Потому я доверчиво прижалась к его груди,
чтобы узнать, тот ли костер моей судьбы?
Подумала, может, встретила как нежную любовь свою,
потому восприняла как песню лучшую из лучших?

1

Говорят, давным давно, в седую старину,
может быть, это легенда,
 женщину воспевавшая когда-то,
наш предок, затосковав
 по умершей любимой,
дерзнул изваять ее как богиню своей судьбы.

Вечную тайну брэнного мира
отдав во власть
 своего таланта,
бессмертной и страстной любовью своей
воскресил ее, говорят,
 словно живую земную богиню.

Также вылепил дитя, о котором мечтая,
так и не увидел его живым,
 посадил на колени любимой.
В глазах ее увековечив утреннее солнце,
влил свою любовь
 в глиняное сердце ее.

Так нарушившая границу обычая любовь
обрела себя в бессмертии богини Ногоон-Дари.
Смысл жизни нашедшее, может, это наше счастье,
которое обрушилось на одиночество.

И с тех пор каждый сын,
 чьим бы он ни был,
от волшебства любви обретая мужество,
 становился мужчиной.
Каждая дочь,
 чьей бы она ни была,
становясь сахюусаном* любимого,
стала нерушимой опорой его.

Потому, я уверена, найдя смысл жизни,
более света и тепла,
 чем любовь,
 не можем ей дать.
Хотя воспевая славу и хвалим ее,
не удастся
 быть более чутким,
 чем любовь.

Ведя нашу жизнь, словно в сказку,
но мудрее не становимся,
 чем любовь.
Заставили реку течь вспять,

* Сахюусан – хранитель

но почему не становимся сильнее,
чем любовь?
Вот почему пытаюсь обмануть насилием,
люди жестоко сами себя наказывают.
Говоря, что нет любви настоящей,
люди друг друга подвергают мучениям.

2

О, друг мой,
Мне не нужны твои слова искренние –
не видать мне границ моего сказочного моря.
Предо мной настезь открыта дверь бытия –
мое солнце еще в зените, и о заходе его нет речи.

Не клянись вечной любовью –
ведь солнце не спрашивает,
всходить ему или нет.
Не будем состязаться в мудрости –
любовь – это песня души и сердца,
которую можно только петь.

Любовь – это не собственность,
которую можно использовать,
она – моя жизненная энергия,
которая должна прославить жизнь.
И не талисман, который можно обожествлять,
она – безбрежное море моей судьбы,
которое мне не переплыть.

Странно, ты готов помочь мне подняться,
когда я тянусь ввысь,
тоскуя по необъятному.
Но на полпути жизни, мне кажется,
ты не прочь предать меня –
от твоей жесткости страдаю.

От тебя не просила и не требовала счастья,
вся жизнь и будущее мое
имеет свою власть.

И не училась у тебя обретению счастья,
я предана вековечному закону семьи,
единственное, чем дорожу.

Если ошибки твои, превратившись в морщины,
останутся на лице моем –
считая эти морщины, не пожалею
прошедшую юность свою.
Если усталость твоя, превратившись в седину,
упадет на виски мои –
удивляясь старости своей,
буду довольна тем счастьем, которое уже было.

Не для того, чтоб спастись
от петли одиночества звала –
я торопилась распространить
неиссякаемый корень рода твоего.
Изменишь мне –
не разочаруюсь и не упаду духом,
хотя слетит позолота с нее,
разъяснить бы мне, что любовь не умирает.

Ты слышал хоть раз
Несмолкаемый олений рев по любви,
от которого
сотрясается вся тайга.
Этот гордый зов – страсть любви –
бессмертен он,
словно закономерность самой любви.

Также во время кукования кукушки
у людей просыпается
память о юности гордой.

И покинутые ею старые люди тоже плачут –
так слезами молча нежат
счастливую пору любви.

Мужчина, когда перестает замечать девичью красоту,
грустит, говорят,
признавшись, что он уже стар.
А женщина на пороге шестидесятилетия
тоскою, говорят, тиранит душу,
что кончился ее бабий век.

Неужели жизнь становится
нудно тянущимся течением,
когда старость не в силах обогреться
и ознобиться от любви?
Неужели старость перестает видеть
смысл своей жизни,
когда кончается опьянение
или муки похмелья от любви?

3

Я поняла, что любовь такая многолика,
она будто знакомит меня с тобой снова и снова.
Какая она сложная, не считаясь с моей нежностью
или с обидой, примиряет меня с тобой.

Подойди ко мне –
Прижмусь к твоей груди, чтобы по стуку
сердца твоего узнать,
насколько прочна наша любовь.
Смотри на меня с любовью,
хочу от искры твоих узких глаз
согреться.

Дай руку, я на ладони твоей отыщу
тот путь, что принадлежит мне,
хочу превратить его в твои следы
и оставить на этой земле.
Веди меня за руку, как поводырь,
хочу видеть в тебе свою звезду,
и зажигать в нашем пути с тобой.

Когда полюбишь жизнь, какой бы ни была,
назову ее счастливой,
хотя она окажется горькой.
Ты мое земное притяжение –
деля груз твой на двоих,
рука об руку пойдем по жизни.

Только не клянись в вечной любви,
ведь солнце не спрашивает нас,
восходить ему или нет.
Не будем, состязаясь в мудрости, спорить о ней,
любовь – это песня,
которую можно только петь.

4

Красное солнце перед самым заходом
блаженствует на западе, золотыми лучами полыхая.
Целует оно в темя нашего спящего ребенка,
обещая на завтра безоблачное утро.

Не удивляйся, и наша с тобой жизнь, как это солнце,
расплескавшим молоком
благословляя,
однажды скроется за своим горизонтом.
Не грусти, у нашей песни есть продолжение,
и оно подарит нам на старость
счастье лучшее из лучших.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Испокон веков буряты относились к рождению детей, продолжению рода как к священному делу. Они считали, что, рожая детей, человек делает себя бессмертным. Поэтому, несмотря на все трудности, старались вырастить своих детей, поставить их на ноги.

По буддизму, человек уже в утробе матери с момента зачатия имеет свою судьбу, свою еду и свою одежду, и все у него уже предначертано.

В то же время, каждая семья старается родить сына (в наше время – даже дочь), который продолжил бы род, прославил бы их имя. И если они были бездетны, то старались усыновить ребенка.

Никогда не надо было думать, что до старости далеко и вечно будут молодыми. Наступит в свой срок и старость, придет время, когда дети будут ухаживать за вами. Они это знали и понимали.

Автор

ДЕТИ

Не ведаю, когда в возрасте невесты ходила,
говорили ли обо мне,
что я из хорошего рода или нет?
Когда просватали меня,
надеждой стариков на продолжение рода
я стала или нет, не знаю.

Голос предков, которые когда-то благословляли
колыбельной песней,
наверное, не дает покоя,
требуя как долг.
В солнечном мире
быть бобылем,
это – говорят, будто
род свой в воду кинул.

Быть может, судьба мира и его солнце
едины с колыбельной песней.
Также судьба моих детей и мое будущее
узнают себя во всем, имеющем корни.

Потому испытываю я материнское счастье
при встрече каждого нового дня.
Чтобы благословления старейшин сбылись,
став матерью, встречаю утро моих детей.

Также благословляя жизнь на веки веков,
быть может, считаю продолжение рода – счастьем.
Помирившись с закономерностью бренного мира,
обессмертила себя в детях.

1

Пока с плачем поднималась на ноги,
от лжи правду отличить
научилась или нет, не знаю.
Из рассказов бабушки поняла ли я,
что в улигерах рассказывается правда
или нет, не ведаю.

Ведь даже боги между собой воевали,
чтоб подавить войну,
раздоры.
Также люди страдали,
чтоб защитить правду
от лжи.

А бабушка моя, оседлав годы свои,
давно ушла
к своему богу.

Многое познав на этом белом свете,
когда годы свое забирали, сокращая,
как я нуждалась в ней.

Хотя не раз видела бабушку,
принявшую свой истинный вид,
восседавшую на олбоке* из облаков.
Хоть плачь, хоть кричи – все напрасно.
Обернувшись звездой,
вверх улетает от меня. Удивительно...

Вот почему прямо в душу к себе
прокладываю путь я.
Вот почему, чтоб долг свой оплатить,
искала ее во сне мучительно.

Также мечта у меня –
улигеры моей бабушки
в жизнь воплотить.
Все дела ее благие
во стократ приумножить –
своим долгом считаю теперь.

2

Отправлять меня на учебу
в дальний путь
не хотелось моей бабушке.
Как она просила меня с нею остаться,
не уезжать никуда –
забыть не могу до сих пор.
Помня ее просьбу, хотя поздно,
приехала в отчий дом я с супругом.

* Олбок – тюфяк для сидения

Часто мне кажется,
 что опять она
 встала с зарею
и ходит по дому, варит чай.

Накинув на плечи нагольный тулуп,
будто сидит молча, как раньше.

Как бы желая согреть
 старые суставы свои,
 обоо моего тоонто
солнце встречает
 также ласково,
 как бабушка моя.
И я словно утоляю жажду как бабушка, дээжэ* от чая
продолжаю преподносить обоо.

Так и хочется мне
 положить перед нею еду,
 самую лучшую,
так и хочется мне найти
 одежду лучшую,
 чтобы ее плечи согреть.
Но желания эти – напрасны,
опоздала я, сокрушаюсь, что нет ее.

Но она часто
 стала разговаривать со мной,
будто при жизни не успела поведать
свой рассказ,
 словно желая предостеречь меня
от несовершенных еще ошибок:

* Дээжэ – лучшая часть чая

«Молоко женщины, ставшей матерью,
обладает такой волшебной силой –
 превратить проклятие в благословение.
А колыбельная песня матери, кормящей грудью,
в состоянии забелить черное...»

О, ты права,
Рождается заря, напоминая
сияющую мать, обнимаемую ручонками ребенка.
Видю, уцепившись за ее подол, идут ребятишки,
с горных вершин ведут за собой светлые дни.

Смотри, как я нежу на своей ладони Солнце,
которое через дверь вошло в наш дом.
Называя бессмертными моими дээжэ,
сажаю моих девочек на плечи вместе с Солнцем.

3

Что может быть выше твоей награды,
подарка твоего, любимый,
 стать матерью?
Что может быть правдивей,
кроме неиссякаемого этого источника,
рожденного от нашей любви?

Настанет и твой час –
 поучая, как отыскать свое имя
 в дальнем пути,
подсадив детей в седло, их отправишь в путь.
А пока их ноги
 не поставлены
 в стремя,
твоим именем – отцовским назовут их.

Будем за них переживать,
как бы не утонули
 словно в водовороте,
полном нашими радостями и печальями.
И будет бессонница, думы,
 как бы их жизнь не забраковала,
 когда выйдут в плавание,
в половодье их счастливой жизни.

Но без благословения матери
дальний путь границу
 так просто не разомкнет.
И без отцовского наказа,
 хотя жизнь – она огромная,
так просто не присвоят славное имя.

Потому жизнь вместо моего
 материнского молока им
в замену предоставит силу воли и мужества.
Подтверждая правдивость
 наказа твоего,
жизнь поведет их туда, где каждая найдет свое имя.

А теперь, смотри,
они, взявшись за руки, бегут к солнцу,
встречая новый день,
 купаются в его нежных лучах.
Вижу, как на пухло-алых щечках их
цветет прошедшая
 наша юность.

4

Как рано она стала подражать!
Но где же корни этого единства?
Откуда это чувство материнства?
Кто научил душою петь, как мать?

Дочь моя, баюкая свою куклу с утра,
неужели тоскует по своей колыбельной?
Зимнее солнце, подслушивая ее,
неужели будет дремать на оконном стекле?

Или это моя песня, которую вчера только пела,
удостоившись счастья на продолжение рода?
А может, заговорила бессмертная моя родословная
устах моей девочки?

* * *

Доверив свой корень солнечному миру,
возвращаться однажды
 в утробу родной земли – таков закон.
Родившись, чтобы однажды умереть,
даже песня
 оставляет после себя свое продолжение.

На милаане* внучки
 благословить ее на путь певца
и петь как бабушка, выпадет ли такая мне доля?
Сумею ли благословить, чтоб она
 берегла имя предков, чтоб их зов
помог ей взять вершину, о которой мечтали они?

Море моей старости еще не скоро –
не мастерю ли стальную колыбель
 для еще не родившейся внучки?
Еще не успев увидеть границу своей жизни,
может, представляю наугад
 мое будущее?

* Милаан – день рождения, который справляли только один раз, когда ребенку исполнялся год

Человеческую жизнь
считая славной, как песня,
может, тороплюсь
 песню свою увидеть во внучке?
А может, уход свой из этого мира считая счастьем,
увидеть хочу
 живые побеги своих корней?

5

На холме, где были
 стойбища моих предков,
 в Цагаан-Челутае
стоит памятник-ступа,
 стоит она как страж
 и как мантра.
Здесь хранит тоонто мою пуповину в земле:
всегда мне кажется, что она ждет меня.

«Ох, как пела
 твоя бабушка:
так она пела,
 не выходит из головы,
 что вокруг все плакали.
Недавно приведенная ходила я невестой,
а бабушка твоя – еще не старая была.
Свадьба в разгаре, шум и веселье,
помню, от ее пения – плакала я...

Ее хрустальный голос,
 пение ее напомнило мне
 мои края, мать и отца,
и сердце мое будто перевернулось», –
как в подтверждение рассказа бабушки Ханды
вдруг узнаю, дочь моя оказалась певуньей,
 словно источник горячий
 пробился из-под земли...

Вот почему
для меня ты, бабушка,
живее всех живых.

И песни твои –
не смолкнут на земле.

Чтоб голос твой
на весь мир зазвучал,
дочь моя мечту лелеет –
певицей стать.

Всю жизнь искала я, может, бессмертие –
и, кажется, сегодня нашла я его – вот оно!
В своем ребенке я тебя увидела,
и праздную сегодня его день рождения!

Теперь словно во власти любви сижу,
чтоб жаром работы сжечь себя дотла.
Будто я заколдована магией песен,
оживив их духовную силу, хочу нести высоко.

С плеч моих солнце поднимаю,
чтоб трубило гимн трудового дня.
Расстегнув ворот, засучив рукава,
окунаюсь в сердцевину труда.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Буряты с самого раннего детства старались привить своим детям любовь и уважение к труду. Они знали, если ребенок с колыбели любит спать, то может вырасти ленивым; вырастет ли дитя трудолюбивым человеком, зависит от строгого воспитания, от того, как и чему учили его родители.

В то же время, если с детства научили своих детей смело преодолевать трудности и преграды, учили труду, то они в будущем легко смогут ориентироваться в жизни. Поэтому более прогрессивные и продвинутые родители старались дать своим детям хорошие знания. Те, кто хотел воспитать в своих детях трудолюбие, знали такие пословицы и поговорки: «Добытое мужчиною дороже материнского молока», «Достичь своей цели», «Иметь мужество и терпение», «Быть хозяином своих слов» и т. д.

Хочу привести в качестве примера рассказ моей односельчанки Худаковой Гарма-Ханды Болотовны о том, какие наставления давали своим детям люди преклонного возраста.

Автор

Время было бедное, денег не было, одежды было мало. Мать меня учила: «Дочь, не завидуй тем, кто хорошо одет, сыт, не завидуй тем, кто имеет деньги и часто празднует, пьянствует. Не бывают они счастливы от этого, так жить нехорошо, нельзя обижать, гневить хозяев, духов гор, степи, нельзя гневить хозяев воды. В речку нельзя бросать мусор, молоко, кровь».

Нагаса мне говорил: «Нельзя работать спустя рукава. За скотом надо хорошо ухаживать, тогда не только делаешь благое дело, но и всегда будешь иметь пищу». Еще нагасахай говорила: «Некоторые, надев дорогие одежды на нечистое белье, думают, что они благополучны. Пусть нижнее белье будет в заплатках, но должно быть чистым. Убираясь дома, недостаточно только вымыть пол, надо стирать пыль со всей мебели, тогда будешь настоящей хозяйкой». Я строго следую тем правилам.

ТРУД

В полночь познакомив меня
с программой на завтра,
диктор извещает
о завтрашней безоблачной погоде.
Предлагая мне
мои же планы на завтра,
пожелав мне
спокойной ночи, телевизор наш засыпает...

Вчерашнее красное солнце,
предвещавшее ненастье,
надеюсь, что оно
приведет мне удачу в работе.
С острова,
казавшегося мне чуть ли не
пупом земли,
солнце распустив, как паруса, я начинаю свой день.

1

Первая моя получка, заработанная в детстве,
была слаще материнского молока или нет?
Мое детское терпение, преодолевшее
непосильный труд,
хватит ли его в моей жизни или нет?

В лес по дрова ходила с бабушкой,
траву косила, сено стоговала.
Усталости она не признавала –
мы мололи хлеб, пасли стадо.

Будто я всю жизнь должна что-то выделять,
бывало, целый день крутила
тяжелую кожомялку, выделявала кожу.

Будто всю жизнь я должна ходить в тепле,
при свете тусклой лампы мы пряли шерсть.

Будто жизнь состоит из лоскутков,
которые я должна подгоняя, сшивать,
лоскутки сшивала, скручивала нитки из жил.
Будто я должна всю жизнь ходить за стадом,
доила корову, мешала айрак для сбивания масла.

Не скрывала она своей мечты – увидеть меня богатой,
учила меня, что лень – враг богатства.
Заставляла вставать меня вместе с солнцем,
говоря, мол, такая доля невесты –
от долгого сна человек счастливым не становится.

Смыслом всего для меня была игра,
но говоря: «Твое солнце – раннее –
будет время играть вдоволь.
Человек рождается, чтоб трудиться,
а не веселиться в этом мире», –
так наставляла меня бабушка.

Вряд ли я понимала тогда смысл ее слов,
но думала, что преодолеваю
неприступную мне высоту.
Вряд ли я испытала тогда в труде то счастье,
о котором говорила она,
ведь была пора заслужить похвалы,
что я незаменимая в семье.

Может потому, что детство мое не успело
насытиться и насладиться игрой,
теперь тяжесть работы мной воспринимается как игра?
А вера моя в свою незаменимость,
может, надеется, что мой труд нужен всем.

Помню, как мой первый трудовой день
остался в памяти – первый радостный порыв,
который огоньками пылал.

Горький пот, выступивший от работы,
помню, каким был сладким для меня.

Помню, словно чудо, первую свою получку,
сделавшую меня богачкой, равной которой не сыскать.
Сердце мое билось отчаянно, готовое разорваться –
радость, хватившая на всю мою жизнь.

Наконец, думала я, пришло время
хвастаться красотой матери,
отмеривают мне на платье ткань
с зелеными узорами.

Не забыла купить бабушке кирпичный чай,
представляя, как обрадуется она.

Братику купила отрез сатина на шаровары,
чтоб был одет не хуже ровесников.
Для новорожденного братика высматриваю игрушку,
придет время, будет играть – пусть радуется.

На мое удивление, какой был праздник –
счастливая мать, посмотрев на меня,
почему-то заплакала.
А бабушка моя зашедшим к нам соседям
так хвасталась моим подарком,
что стало мне стыдно за нее.

С тех пор с мечтой накормить жизнь
душа моя,
как необработанное поле, волнуется.

А сердце мое поняло, что труд мой
является хужиром*,
призывным зовом к источнику радостей.

3

Не было на свете человека счастливее меня,
догнавшей нашего
резвого теленка.
На зависть отставших ровесников, гарцевала
на своем скакуне-прутике –
но счастье первенства в беге давно уже забыто.

Какая же была жестокая игра в юности моей –
сорвав цветы, играя с друзьями,
кидаться цветами друг в друга.
Почему мы такими грешными были –
завидовали
поющему голосу сосны.

Однажды поняла, что я не навозный червяк,
привыкший к ссорам при дележке
места из-под коровьих лепешек.
И не колотушка-балбес, которой некуда силу девать,
что бравируя силой, лезет в драку,
словно разминая свой кулак.

Но однажды я узнала, что море,
волна за волной ринувшись в бой,
постепенно завоевывает свой берег.
Также вода капля за каплей
терпеливо точившая,
разрушает даже камень.

* Хужир – солончак, выступившая на поверхность земли соль – лакомство для животных

Широкой рекой хотя жизнь течет,
почему она иногда напоминает лужу?
Жизнь, хоть и восприняла страсть моей песни,
почему же она, догола раздевшись,
заставляет краснеть меня?

Цветы на моем лугу,
случайно не скошенные мною,
не породил ли их тот везучий цветок?
И певучих сосен, которые поют,
породила ли их та сосна,
оставшаяся случайно не замеченной мной?

Сколько цветов скосила –
теперь столько же, если посею,
красивее станет ли лик моей родины?
Под моим топором сколько погибло сосен –
столько же, если посажу,
жизнь перестанет ли раздеваться,
заставляя краснеть нас?

4

Неспроста говорят старейшины,
что каждый человек имеет свой клад.
Если последуешь по корню своего происхождения,
найдешь свою тропинку, которая выведет к нему.

Если уверуешь в существование своего клада,
от тяжести работы в тебе однажды проснется
упорная воля.
Если пренебрежительно скажешь, что такое бывает
лишь в сказках,
от бессмыслицы жизни устанешь.

Будешь копаться в себе, потеряешь годы,
будешь работать с горящим желанием,
обязательно откроется тайна.
Будешь падать духом, скроется навсегда,
будешь упорно искать,
сам тебя найдет.

Но каждый по-своему понимает смысл клада,
потому найти его трудно.
Многие оставляют свой поиск,
считая это делом глупцов...

Некоторые слишком поздно
узнают свой клад,
узнают лишь перед уходом в мир иной.
Мало на земле счастливых,
отыскавших свой клад
еще молодыми и сильными.

Потому стремятся туда,
куда не доскакал ни один скакун,
туда, где не ступала еще нога человека.
И строят мосты,
пролагая путь
в страну сказок,
копают землю
в поисках чуда
в стране подземелья.

В скудной, высохшей степи
добывая воду,
 благословляют жизнь.
Там, где высоту берут лишь орлы,
открывают настежь
 ворота седых веков.

Проливая пот, оживляя сталь
у мартеновской печи,
родными становятся с солнцем и луной.
Обуздав энергию времени,
целое государство
обновляя, изменяют.

Также и славя, и любя все времена,
рожаю детей, чтоб быть связующим звеном
между поколениями.
Сею пшеницу, чтоб жизнь прокармливать,
пишу стихи, призывая мужество.

Оказалось, забыв о снах и про свой голод,
сидела, не различая день от ночи.
Вся ушедшая в свою душу и в совесть,
умом, словно лопатой, я копала их.

Я поняла, что моя тропинка – это есть моя мука,
которая ведет меня к самой себе.
Вот мой клад – я сама, нашедшая себя –
просто обыкновенный всего лишь человек.

Да, верно,
Если нет человека в этом мире,
значит, нет этого мира.
Если нет тропы человека на земле,
значит, земля – мираж.
Если нет места для человека в жизни,
значит, жизнь – сон.
Если труд не приносит радости живым,
значит, радость – самообман.

О, песня моя,
 Волоча за собой жизнь, не усердствуй,
 как тягловый подъяремный вол.
 Не смей превращать работу мою в муку,
 труд мой не кнут жестокого хозяина.

Останавливайся как гость
 в людских душах
 с ночевкой,
 чтоб поднять дух каждого, словно зная.
 До утренней зари
 приняв свой
 истинный вид, возвышайся,
 чтобы превратиться в зов духовной мощи мира.

Но мое тридцатитрехлетие,
 просрочив мой срок
 от моего же разочарования,
 став ямщиком еще не сделанной мной работы,
 торопится взобраться на вершину гребня.
 Стало быть, выросли
 за моей спиной
 два мощных крыла,
 прошедшие годы падают с плеч моих,
 будто ищут свой покой в степи.

Одержимая мечтой, ободренная, лечу,
 чем ближе вершина гребня, тем я молодею.
 Не глазами, а умом измерив весь мир,
 снова рождаюсь по воле работы.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

«Самые важные бурятские праздники – Сагаалган, праздник Обоо (обряд поклонения хозяевам большой и малой родины, т. е. святым горам) и праздник «Цам», который проводили каждый год в летнее время в дацане.

В это время люди немного освобождались от тяжелой повседневной работы, с наступлением тепла скот выгоняли на пастбище, коровы давали больше молока, и летом жить становилось веселее. К этому времени закончены весенние посевные работы и в жизни сельчан наступал маленький перерыв, и до сеноуборочных работ надо было подводить прошлогодние итоги и провести праздник.

Во время праздника Обоо проходили большие соревнования по трем видам: вольная борьба, конные скачки, стрельба из лука. К этим играм тщательно готовились, месяцами и даже – годами.

Праздник начинала борьба, во второй части – конные скачки, а в конце – стрельба из лука.

И в итоге игр – в честь коня главного победителя, который оказался сильнее всех, пели гимн-восхваление его коню и вручали главный приз. Самым метким стрелкам вручали ценные подарки.

В советское время этот большой праздник начали называть праздником Сурхарбан.

«На самом деле Сурхарбан является праздником тех, кто испокон веков вставал на защиту своей родины, своих земель, и встречал внешних врагов своими меткими стрелами. И победа эта имела большую цену, и праздник был именно в честь защитников своей земли, и народ праздновал свой успех», – так рассказывал уроженец села Нижний Бургалтай Джидинского района Даша-Дондог Сандакович Менжигийн про этот праздник.

Автор

СУРХАРБАН

Ждала ли я в детстве с нетерпением Сурхарбан,
как торжество нашей лучшей доли, или нет.
Знала ли я о сути Сурхарбана,
как о победе, добытой в борьбе, равной которой нет.

Но я не раз узнавала счастливый лик
моего отчего края в лучшей из его песен.
Видела в славе передовых земляков
торжество нашей великой победы.

Потому познаю биографию моей страны
в беге скакуна, который,
сокращая время, прибывает к финишу.
Вижу будущее моей великой державы
в рождении батора,
который дает шанс
славы нашему времени.

1

Помню свою самую первую бессонницу,
была пора беспокойная, шумливое детство мое.
Помню, как запрягая старую клячу,
мы с бабушкой отправлялись в путь вместе с солнцем.

Лошадь старая, едва волооча ноги, тащилась по дороге, пока я, уставшая от скрипа колес, слезала с телеги – придумав, что прутик – мой скакун, неслась, резвясь, впереди.

И вдруг обогнала нас бортовая машина, из кузова со смехом помахали нам ровесники мои. Недоступная мне скорость ее оставила лишь пыльную гриву, словно оскорбив нас.

Потеряв интерес к скакуну – прутику,
взобралась на телегу, а бабушка улыбнулась.
Тайком вытирая слезы из глаз,
начала презирать старость лошади.

«Дочь, не презирай старость коня,
не насмехайся над старостью.
Не принижай нас – сейчас, может,
последний наш перевал,
который преодолеем мы.

Жизнь смертного человека продлевается
лишь в добрых делах, когда-то им совершенных.
А жизнь коня продлевается
песней своей...», – промолвила бабушка.

Понятны ли мне были тогда слова, сказанные бабушкой,
поняла ли смысл добрых дел?
Может быть, в этом была тайна ее последнего перевала...
Но слышать было мне смешно
про песню, что имеет наша кляча.

* * *

Когда умер его верный друг – конь,
словно оглушенный ударом,
предок наш, говорят,
впервые ушел в себя, словно в необъятном
океане жизни заблудившись,
в иллюзорном мире своего горя.

Но однажды во сне увидел он,
как жеребенком ржет
его конь издалека,
и резвее ветра бежит к нему.

И слышалось, как вдогонку ему
звенит его уздечка,
заवораживая ликующий мир.

Однажды он смастерил голову коня
и натянул волоски из гривы его,
И тут, нечаянно задев пальцем волоски,
услышал в их звоне топот его копыт.

Вскоре в зазвучавшей музыке
узнал он ожившего коня,
вот так он снова обрел свое счастье.
А тот звон, нарушив границу между жизнью и смертью,
теперь звенел так,
как раньше при его друге-коне.

С тех пор у народа появился морин-хур*,
в котором продлилась жизнь того коня с песней своей.
И народ наш, превращая свою жизнь в легенду,
начал петь на языке музыки.

2

О, бабушка, если бы ты знала,
как сладко и радостно
ржет наш старый конь,
оживившись от дрожания струн.
А удивление моего детства,
названное улигером старика хурши**,
теперь и льется со струн морин-хура.

* Морин-хур – бурятский национальный смычковый инструмент

** Хурша – музыкант, который играет на морин-хуре

... В мелодии морин-хура
родившийся жеребенок скачет
 навстречу утренней заре.
А песня, превратившись
 в звон колокольчика,
чтобы встретить день,
 звенит оттуда, с высоты – неба.

На бегу своем жеребенок,
 задевая цветы, разбивая росу,
нарушает границу молочно-белого тумана.
Гоняясь по гольцам
 за восходившим солнцем,
догоняет он его на холме.

И тут же, увлекая за собой ветра, возвращается
в родной табунный косяк, уже успев стать скакуном.
Предвещая рождение будущего батора,
ржет теперь у коновязи, взрывая землю копытом.

3

Сурхарбан...

Надо мною хохочет счастливое солнце,
подо мною пьянеют молодые травы.
От игры земляков моих цветет месяц июль.
Испытывая юность на мужество, гремит праздник.

Славя баторов из рода орлов,
приземляются парашюты, словно белые снежинки.
Вытолкнутые ввысь теплым дыханием жизни,
шары набирают высоту и тают.

Лето, окунувшись в разлив людского потока,
оспаривая свой цвет, суетится.

А ветерок, оперившись крыльями дня,
приземляется на остров торжества.

Плещется на лицах людей улыбка,
их счастье брызжет
 через край.
Приветствуя друг друга,
 обмениваются радостями,
горд каждый своими
 баторами и скакунами.

* * *

Встают борцы с телами, словно отлитыми
из солнечных лучей и меди,
 исполнив танец орла,
испытывают отвагу и силу друг друга,
словно бесстрашные орлы,
 каждый достоин своего соперника.

В бугристых мускулах борцов
играет столько невиданной силы!
И сколько же мощи влито
в сцепления их тугих ног!

Вот почему
предки, в праздник превратив борьбу,
сильнейшего из сильных выявляли.
Так они узнавали в схватке родившегося батора,
видя в нем своего борца за честь народа.

Тут же возвещая о рождении батора,
принимали его в круг свой старейшины.
Так выявив батора, который защитит их,
доверяли ему судьбу народа.

* * *

Полуденное солнце, трубя об отваге состязания,
как жеребенок вертится и ржет, объезжая круг.
Под кивание полевых цветов
срываются с места скакуны и летят вперед.

Содрогается степь от тугих копыт скакунов,
и долго слышится эхо топота, уходя к небосклону.
Вот-вот оторвутся они от земли
и растают, как табунный косяк облаков.

Вскоре жаворонок промывает свое горло водой
из оставленных копытами лунок и набирает высоту.
Чтобы ускорить срок рождения скакуна,
словно сердце он трепещет, песней своей сокращая время.

Певчая птичка восхваляет опередившего
скакуна с его родословной.
Но забывая себя, во власти своей песни
он падает камнем вниз.

Но мое сердце, подхватывая мелодию
его песни, взмывает ввысь в страну жаворонков.
Словно промыв горло волшебством его пения,
продолжает песню, начатую жаворонком.

4

Сокращая время,
Неужто ожив, Бабжа батор
сам пришел на праздник Сурхарбан?
Вспомнив бывшее имя свое,
решил увидеть свою молодость и отвагу?

Подоткнув полы, засучив рукава,
словно в сказке,
 юность состязается в стрельбе.
Лучшие из лучших проверяют свою меткость,
так чествуют былую славу предков.

 Вот почему
При встрече врагов лук со стрелой
никогда не дрогнул в руках предков.
Потому с древних времен на хойморе*
любого бурята висели они как святыня.

5

 Сурхарбан...
Бег празднично украшенной тройки,
полет гремящей музыки гармошки,
развевающиеся огненные гривы от бега,
перезвон колокольчика радуги-дуги,

Беря в попутчики тысячи солнышек,
переливающихся звоном,
 сверкающих кругами, уходят к небосклону.
А сзади, провожая их, ликующий зеленый мир
машет цветами,
 словно руками.

 По этой же степи
Мчались к счастью рядом с русским братом,
смыкая с ним стремяна.
Плечом к плечу с русским братом
в кузнице счастья выковали наше солнце.

* Хоймор – почетное место в северной части юрты, жилища

Поделивши поровну торока,
вместе проливая пот, берем за высотами высоты.
Совместную мечту превратив в мужество,
море горечи превращаем в речушку.

Оседавшие годы, становясь связующим звеном,
в наших венах яростно поет кровь предков.
Словно ургой* пойманные волны хмельной жизни,
перекинуты поперек седла галопом несущегося времени.

Теперь звезды, рожденные из этих волн,
названные улигером сложного времени, удивляют всех.
От мощи энергий их волшебства
превратившись в корабль, стремятся в космос.

Сурхарбан...

Баторов труда по радио приветствуют,
а силачи сильных встречая, чествуют друг друга.
Испытывая юношей на звонкость голоса, а девушек
на исполнение танца –
гремит ёхор** среди земного рая...

* Урга – шест с петлей для ловли лошадей

** Ёхор – бурятский хоровод

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

В 1950-1960-х годах прошлого века в сельских местностях и отдаленных селениях не было не только игрушек для детей, но и денег, продуктов питания. Время было суровое. Если раньше дети, чьи родители держали много скота, овец, играли косточками от животных, например, бараными лодыжками – в бабки, то, когда я была маленькая, такого уже не было.

Зимой, например, я даже не могла выйти на улицу, о каких игрушках могла бы пойти речь. Согласно постановлению властных структур тех лет, каждая семья могла иметь только одну корову с теленком, одну овцу с ягненком в своем подворье. Такая была норма для всех. Тогда не было тонкорунных овец, они были монгольской породы, а ягненок у них такой нежненький и пушистенький. Родители держали этих ягнят зимой дома, и для нас, ребятишек, это было такое счастье.

Однажды зимой, когда мне было четыре годика, овца наша принесла ягненка. И я целыми днями ласкала и нежила этого детеныша, и мы с ним сильно подружились.

Потом я долго не могла забыть этого ягненка, вспоминала, как мы с ним простились, и мучилась от воспоминаний о моем друге, и написала стихотворение об этом. И включила его в этот раздел.

Во время моих встреч я беседовала со своей односельчанкой Ойдоповой Дари Дашиевной, живущей ныне в Улан-Удэ, и предлагаю ее рассказ своим читателям.

Автор

«Какими игрушками вы играли, когда были маленькими?» – спросила я однажды у старшей сестры. – Расскажи об этом!» «Ну, о чем рассказывать? Таких игрушек, как сейчас, не было, – ответила она. – Бегали, оседлав прутики, воображая, что мы верхом на конях. Еще играли в чертей, оборотней, при этом сильно их боялись; играли в мать и детей. Одна девочка – мать, четверо-пятеро – дети, остальные – черти. «Черти» приходили, чтобы забрать детей, а «мать» прятала «детей» за спину. «Черти» говорят: «Где ваши дети? А-аа, вот они, за вашей спиной!» А «мать» отвечала: «Какие дети? Это свернутые шкуры!» «Дети» обижались: «Почему ты назвала нас свернутыми шкурами?» Таким образом «дети» выдавали себя, и «черти» гонялись за ними – практически начинались догонялки...

Наверное, черти, свернутые шкуры – это все, о чем мы знали», – сказав, сестра умолкла.

«Еще какие игры были?» – спросила я. «Хитарцаа». В старину в каждой семье были полные мешочки овечьих косточек – бабок. Усевшись на топчаны, служившие кроватями, целыми днями играли в кости», – ответила она.*

ДРУЗЬЯ

На языке скалистых ущелий,
которые синеют,
 поджав под себя камни,
на языке оскудевших сопок,
которые терпеливо белеют
 под жгучими лучами солнца,

На языке сухих, каленых песков,
которые устало хрипят
 от вечных своих кочевий,
на языке засохших корней сухостойного дерева,
которое стонет,
 одинокое чернея среди зеленой тайги –

Не написала ли свои стихи?
Во всем мире будто я в одиночестве сижу.
Где же вы теперь, шумные, мятежные друзья мои?
Я как будто оторвалась от земного притяжения.

Может, усомнились в песне моей,
 которая показалась им еще жеребенком,
не видя в ней надежду и опору?
Подумав, что его солнце – раннее,
 и возраст не тот,
решили, что стать скакуном ему еще не скоро?

* Хитарцаа – один из видов игр бабками. Вместо бабок можно было играть и мелкими камушками в степи, на травке

В поисках правды,
 На огонь ли глаз, на огонь ли слова,
 когда летела как бабочка,
 обжигая крылья, –
 В водоворот ли слез, в водоворот ли реки,
 когда падала в отчаянии
 с разбега, –

Не забыла, как я умнела,
 увидев свою ошибку, словно в зеркале,
 в глазах старших друзей.
 Заметив их переживания за меня,
 поняв свое малодушие, в испытании
 самой себя обретала мужество.

Испытав трудности в развязке узла загадочной жизни,
 заблудившись, от бессилия
 складывала крылья не раз.
 Когда суета представилась пред мной пылинкой,
 споткнувшись всего навсего
 на кочке, падала больно.

Осторожно поправляя ошибки мои,
 умели радоваться
 те же старшие от души.
 Довольные каждым моим успехом,
 хотя их мало, но были, были,
 которые вели за собой.

Помню сон, увиденный в детстве:
 на стене чернели, бесшумно шевелясь, тени людей,
 сидящих на корточках возле нашего очага.

Было страшно, когда я увидела среди них
пировавших живых чертей с ножом.

При свете лампы на самом деле
увидела не сказку, устрашающую меня,
а суровую быль.
Узнала лица соседей, лоснящиеся жиром и потом,
но пуще испугалась, увидев кровь,
стекающую между их пальцев.

Страх, пережитый при забое барана,
до сих пор живет во мне, ведь по традиции
его резали старики, верившие в бога.
Обиделась на бабушку, что не остановила убийцу,
ведь не зря она, перебирая четки,
молила у бога доброты ко всем живущим.

Помню свою ненависть к старику-сказочнику,
который точил свой нож,
попивая чай.
Помню, я впервые не послушалась бабушку, убежала,
ведь она как молодуха
сутилась, бренча котлами.

Помню, мечтая во что бы то ни стало спасти его,
о, как я старалась выгнать барана в степь.
Но он бежал за мной, будто никогда не расстанемся,
о, как я горько плакала, обнимая его за шею.

Будучи ягненком, он был моим другом,
помню, как бабушка
привела его домой на убой.
В этот миг показалось мне, будто понял меня

мой Хонгуудай*, когда впервые
во мне появилось презрение к своему бессилию.

Кровью облитая душа моя не смогла забыть,
стала подозревать старика-сказочника,
что он в дружбе с чертями.
Перестала, подражая бабушке, молиться ее богам,
уверовав навсегда,
что ее молитва – ложь.

Такою ценою оплатила счастье дружбы я,
и жизнь запомнилась розгою,
стегающей меня.
Появилась граница между жизнью и сказкой,
а люди
показались мне всего лишь тенями.

Тогда впервые меня стали мучить вопросы,
желая получить на них ответы,
я пугала ими насмерть бабушку мою.
Перестала смеяться беспричинно –
так я рассталась навсегда
с возрастом своим безгрешным.

3

Помню, как под пальцами друзей из Казахстана,
терзая душу, плакала семиструнная гитара.
А друзья мои с берега Каспийского моря
пели песню, полную тоски.

Из рук в руки передавая хлеб,
мне кто-то предлагал покрепче чая.

* Хонгуудай – ласкательное имя (от слова «хонгор – ласковый»)

От сытости, от полноты души они смеялись,
в горячих спорах состязаясь в мудрости.

Друзья мои, не признающие усталости,
казалось мне, могли воссиять звездами.
Тут же с распахнутой душой они,
казалось мне, готовы преодолеть любые вершины.

Теперь

Также мечтая о будущем в горячих спорах,
наверняка, состязаются в мудрости, как сказочники.
Боль и тревогу своего времени погасив в душах своих,
наверняка, полны любовью к своему времени.

О, как мужественны были друзья мои,
ведь и вправду были готовы претворить в жизнь
подвиги сказочных баторов.
О, как сметливы были они,
ведь готовы были постичь мир,
проникнуть в зазеркалье.

Утоляя жажду, припадала к их душам, как к роднику –
о, как бездонны и широки были души моих друзей!
Мне бы продлить эти мгновения,
когда умиляюсь ли, пою ли,
чтоб хватило на всю мою жизнь!

... Избранные однажды жизнью моей,
может, вы – друзья мои, были удачей моих дней?
Таковыми же вы остались или нет –
не хватает мне ваших состязаний в мудрости!

Когда придет снова этот праздник, не знаю,
он не зависит от тоски моей.
Когда будет снова эта встреча, не знаю,
не прикажешь чужой душе.

Сегодня одиноко мне,
но где же вы, друзья мои?
Ни телефон, ни дорога не обещают мне
встречи с вами.
Где наш мост, ведь думала же я,
что он будет вечно,
когда и по чьей вине
он мог разрушиться, удивляюсь.

Пока я шла по жизни,
 словно в грозу под ее градом,
неужели был сожжен наш мост
 дотла молнией той грозы?

Пока я шла за чудом,
 чтобы поместить мир на ладони своей,
неужели друзья мои, приняв
 за сумасшедшую, забыли меня?

Сижу дома, как птичка в клетке –
надо мной одиноко качается
 веревка как вешалка.

Выхожу на улицу, но трудно мне
вместиться в целом мире,
словно высокое небо стало низким.

Пьянела, не скрываю, от полной чаши вина,
но сегодня я трезвая,
из-под меня уходит земля.
На кого обиделась, не знаю,
да имею ли право обижаться на кого-то,
но непослушные слезы текут
по моим щекам.

О, как красивы были дружеские встречи,
но зачем они подарили праздник,
если он не продолжается.
О, как высоко было пламя наших споров,
но почему они оставили тоску,
если они растаяли, словно не было их.

5

В пору детства сама цвела как цветы,
может, потому не замечала их красоты.
Душа моя была игрой полна,
потому, может, не сокрушалась
о короткой жизни цветка, а жаль.

Но однажды заметив на лице своем морщинки –
знак старения, оценила красоту цветка.
Испугавшись от стремительного бега годов,
впервые я пожалела короткую жизнь цветка.

Испытывая радость от взросления детей,
начала любить цветок, говоря,
что всему свое время цвести.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Про тех, которые жили по линии правительства и партии мы говорим, что они были «людьми своего времени». В советское время люди, чтобы заработать себе на хлеб, работали днем и ночью, не покладая рук, иногда забывая про отдых и сон, и так до выхода на заслуженный отдых. Благодаря не только тем, кто работал на фабриках и заводах, но и труду огромной армии сельских работников, жизнь повсеместно налаживалась. Потому что они верили и надеялись, что в будущем всем будет хорошо.

Мы же знаем, что в любом народе есть люди и хорошие, и плохие, в любом народе есть свои достижения и успехи, но есть и неудачи. В наше время стало очевидным то, как некоторые люди, гонясь за благополучием, показывают нам свою истинную сущность, доселе скрытую от наших глаз и тем самым, проявляя, кем они являются на самом деле. Например, во имя богатства, благополучия идут на обман и воровство, и таким образом пятнают не только свое доброе имя, но и своего народа, авторитет и уважение своей страны.

Как говорят, такая, мол, судьба и доля наша. Как будто мы смирились с тем, что у нас вот такая судьба и выражать свое мнение, волю, возражать, видимо, обойдется дорого, и поэтому лучше смолчать, дабы не нарушить свое спокойствие. Времена теперь у нас чересчур сложные.

Сейчас мы видим, что люди разделились на два лагеря, на две группы. Одни день ото дня продолжают богатеть, когда другие день ото дня нищают, становясь все беднее и беднее. Поэтому мне пришлось добавить в комментарии к поэме «Время», написанной в начале 2000 годов, рассуждения ученого Николая Цыремпилова и сельского специалиста Людмилы Шишмаревой, а также внести некоторые коррективы в мои утверждения.

Чувствую, что кому-то понравятся их мнения, найдутся и те, кого они будут раздражать. Но тем не менее я предлагаю их своим читателям.

Автор

«Мы, ученые, закончив писать свои книги, в конце жизни знаем, что наш труд в течение многих лет нужен людям. Как же тяжело тем, кто, не жалея ни сил, ни времени, беззаветно трудился, старался укрепить экономику страны, улучшить благосостояние людей, когда они видят, как все разрушается», – вспоминаю слова знакомого ученого. Поэтому иногда думаю, хорошо, что отец не видел, что произошло со страной. Он погиб в 1985 году. С другой стороны, очень жалею, что его нет в живых.

Николай Цыремпилов

Глядя за окно, как течет безрадостно наша жизнь, и будто птицы поют тоскливо, и будто ручьи журчат невесело, задаю себе самой вопрос: а какую бы благую весть хотелось нам сегодня услышать, чтобы на душе потемки рассеялись и боль за народ поубавилась?

Я такая злая стала. А все потому, что двадцать лет проработала на одном предприятии и оказалась не у дел. Все развалил руководитель: скупил больше половины акций и потихоньку всех выжил, а затем устроил своих: свата, брата... А нас, специалистов, за ворота. Где же в нас российское великодушие?.. Кому мы теперь нужны? Что это за такая приватизация?..»

Так хочется, чтобы пришел апрель в наши сердца и растопил зло и хандру. По всей России звенящей струной звучит ожидание неведомых событий, которые снова бросят нас в злое половодье политической и социальной нестабильности. Но хуже, чем есть, вероятно, уже не будет. Если мы еще найдем в себе силы, то спасемся. Благой вести ждать свыше не приходится. Спасение в нас самих. В грядущем рождестве человека-спасителя.

Людмила Шишмарева

ВРЕМЯ

Делились ли с нами деревья-философы
своими сокровенными мыслями, или нет?
Бессмертная жизнь, как мать благословила ли
нас на долголетие, или нет?

Из безмерного, бурного океана времен
с каждым биением сердце мое
 помощи просит.
Словно из миража будущей жизни,
оно страшится
 оказаться одиноким в целом мире.

А жизнь, как кораблик нашего времени,
будто уходит вдаль, пересекая все времена.
Кто-то пытается мечом и огнем остановить ее,
и кто-то отзывается на мою просьбу помочь...

1

В эту ночь я, отданная во власть языческой природы,
отчего чувствую себя всего лишь лунной пылинкой?
Роботы, ищущие власть над миром,
почему во сне преследуют меня?

Эти роботы бросают тень на солнце моего века,
они пикируют теперь надо мной.
Ладони мои подняты к небесам до сих пор,
чтобы поймать ту бомбу,
 что была взорвана над Хиросимой.

Роботы концом меча указуют сердце мое,
чтоб время стало
 кладбищем души и совести.

Но мечам сопротивляясь, встают на борьбу
с развевающимся красным знаменем
лучшие из лучших.

* * *

Во сне ловлю руками бомбу я
и кулаком грожу
 вслед самолету.
От испуга небо чуть не перевернулось,
видимо, показалось ему,
 что я играю с огнем.

В миг
В моих руках оказались судьбы еще не рожденных,
вместе с нею сердце мира
 клокотало на моей ладони.
Земля замерла, затаив дыхание,
а дрогнувшее небо
 следит за мной.

Тишина...
Время стекает капля за каплей,
вечернее солнце торопится нырнуть
 за горизонт.
Птицы, на лету падая с неба,
чтоб спастись, прячутся
 в ветвях у кустарника.

А я словно не найдя опоры, падаю со скалы,
и сон с криком моим оставляет меня.
Как будто лопнула вена сердца моего,
не хватает воздуха и пот льется градом.

Сон мой ушел по следам кота, вышедшего на охоту,
мороз побежал у меня по спине.

Хочется плакать и смеяться от того,
что это было во сне, а не наяву.

Ну почему в утробе тихой ночи рождается такой сон,
от которого волосы становятся дыбом?
Ну почему со звездного неба
падает звезда в темную ночь?

2

Не вытерпев мое глупое ребячество,
дни, может, торопливо подняли меня?
Устав от моих надоедливых вопросов,
век мой, может, отправил меня в страну сказки?

Может, тягостно моему времени следить за мной,
потому берет обманным путем молодость мою?
Душу мою удовлетворить, насытить не в силах,
потому, может, хочет, чтоб мое сердце
постарело преждевременно?

Может, прошла юность у моего времени,
потому хочет оказаться во власти сердца моего,
приняв за истину его слова?
Старость свою доверяя мне,
неужели подумало, что жизнь бессмертна
и доверилось крепости ее?

А молодость моя, превратившись
в космический корабль,
уходит по его же мосту со своим грузом.
От гула его сотрясается
жизнь на земле,
а звезда ее дрожит на грудном соске земли.

Вдогонку ей кричу: куда же ты, куда, погоди,
я ведь твоя жизнь, которая сможет утолить твою жажду.
Я буду твоей землей, если хочешь вскормить себя,
я ведь твоя книга, если хочешь стать мудрой.

Не послушалась, все-таки
ушла она прямо в сердцевину времени.
Видимо, не хочет, чтоб я рассталась с ее сказкой,
Ушла, пока я не стала старой.

3

– Алло, алло, прервите сон мой, –
кому-то звоню, зачем, не знаю.
– Алло, алло, спасите меня, –
кого-то умоляю, или эпоху, не знаю.

Удивляюсь,
Может, и вправду произошедший случай?
А, может, всего лишь шутка охотника?
Может, сказка, когда-то рассказанная сказочником?
А, может быть, начальный сон моего народа в прошлом?

Или проснулась грусть когда-то в одиночестве
в глухой тайге охотившегося предка?
Или, может, это есть уголек его души,
который поддерживал вести рассказ самому себе у костра?

Торчащий у его балагана пенъ
однажды, может, показался ему живой душой.
Когда возвращался с богатой добычей,
за то, что умел до конца выслушивать его рассказ,
может, он его назвал «другом».

Однажды свалил перед пнем груды своей добычи,
мысленно угощая людей своего рода.
Немного привирая, рассказал о случае с ним пню,
затем богам дань отдав от чая из тогоо*.

И, трубку сунув в щель сухого пня,
стал молиться сабдаку** тайги.
Попросив у неба удачи на завтра,
пока посматривал на небо,
пытаясь предугадать погоду.

Вдруг почуял – его глаза ест табачный дым,
и увидел он: небо в дыму – потемнело оно.
И, оглянувшись, увидел он, как пень сосал трубку,
оборотившись в идола.

Отсюда, может, предки научились все обожествлять,
и начался мучительный поиск бога.
После вытесал идола с разинутым ртом еще в те времена,
поверив, будто он сможет заступиться за мир.

– Алло, алло,
Став хозяевами имущества, со всех сторон
избалованные идола в облике соблазнов
наступают – повсюду слышу их крик.
Мечтая обратить меня в свою жертву,
за мною гоняется его ворон-сон.

«Слышите, – говорит идол. –
Наконец-то пришло мое время насытиться,
теперь будете верить и подносить мне дары.
Забыли, что вы когда-то были моими рабами,
слишком долго я ждал вашего признания.

* Тогоо – котел, чугу́н

** Сабдак – дух-хозяин местности

поклоны били мне
и предо мною целовали землю.
Теперь не дам вам покоя, так же, как раньше,
будете подчиняться моим желаниям.

Когда превращусь в пестрые ковры,
будете ценить их больше, чем красоту природы.
Когда превращусь в звон драгоценных камней и золото,
ошибетесь, приняв за песенное волшебство.

Если бы меня не было, вы меня придумали бы,
если исчезну – создадите меня снова.
Уйди я в сказку – вы тень мою будете ублажать,
превратив меня в думы дня, сновидения ночи.

317

– Алло, алло, прервите сон мой, – кому-то звоню, зачем, не знаю.
– Алло, алло, спасите меня, – кого-то умоляю, или эпоху, не знаю.

Все, что я вижу, превращается в идолов,
заявляя, что они есть черви ненасытной души.
Называя себя дефицитом, умеющим загонять
человека в тупик,
так хвастается, хохочет до судорог.

Исполнять прихоти, капризы идиолов – не значит ли повернуть время вспять – брезгую! Почему торопимся породить идиолов, ведь щедрые наши души есть само божество?

4

Теперь вызывая тревогу у богов,
у которых волосы дыбом встают,
глаза зажмуриваются от миража ада.
Когда над судьбой мира пока подтрунивают,
в небе ядовитый гриб кустится.

Если матери обнимали детей, чтоб спасти их,
теперь надеются
на будущее, с которым жили душа в душу.
Если мужчины погибали, защищая родину,
теперь встают, чтобы привести будущее
хоть ценою жизни.

А мне
Давшие надежду на долгие годы
дни мои, когда второпях
хотят уйти,

Обещавшая мне счастье жизнь моя
когда с хребта
хочет сорваться –

Отступает время –
У подножия синих гор
тени моих предков падают в простирации.
На лицах их – каменное смятение,
уходят в себя – в совесть великодушную.

Затем они поднимают руки к небу,
словно громоотвод, обезвреживающий молнии.
И тут же падают ниц, обнимая землю,
будто хотят защитить, сберечь жизнь на ней.

С дуновением ветра со стороны святой горы,
слышу ту молитву, словно эхо.
От благословенных добрых помыслов предков
рушится проклятый мир и падает мне под ноги.

5

Защищая людскую правду,
жизнь свой корень берет
с девяти ветвей Гэсэра.
До сих пор воюет Гэсэр с темной силой
и в каждой ветви
побеждает своих врагов.

А я белой душой ублажая белый свет,
просила силу слова, чтоб я
на бессмертие всех благословила.
Брала уроки у звезд, которых
отцы, матери наши

для стражи белого света
зажгли их.

Потому я одна из тех, кто готов превратить
себя в свечу для людских судеб,
от которой рушится сила таланта,
идущего под руку со злом.

Я есть одна из тех певчих женщин,
именуемая хозяйкой времени противоречивого,
которая, встречая зло громом песни,
обезоруживает его.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

«Раньше монголоязычные народы праздновали новый год осенью, и словосочетание «белый месяц» («сагаан һара») произошло от слова «цагаа». И праздник «Цагаа» отмечали осенью. В осеннее благодатное время, когда скот был сыт, надои – выше, в это же время люди сбивали масло и заготовленное на зиму масло и пахту в специальных берестяных туюсочках – баночках из бересты оставляли на зиму. Поэтому праздник Белого месяца отмечали осенью, когда коровы давали много молока, много было белой пищи, легче было проводить Старый год и встречать Новый», – писал первый европейски образованный ученый из Бурятии Доржо Банзаров.

«Говорят, в XIII веке в поселениях Центральной Азии, исповедующих буддизм, праздник Белого месяца перенесли в начало весны.

Люди радовались тому, что наконец-то проводят продолжительную зиму с его лютыми морозами, и пережили зиму с наименьшими потерями, скот с упитанным весом вывели на пастбище, что день становится длиннее и земля просыпается от зимней спячки, солнце греет землю и зацветает зелень, радуя глаз, что повышаются надои... Поэтому по окончании зимы провожали Старый год и встречали Новый, и праздник этот назывался Сагаалган – праздник Белого месяца. Так древние сартулы во время празднования Сагаалган, особенно старики, встречаясь, восклицали:

– Доброго здоровья вам! (Мэндэ амар! Мэндэ сүрэг!). И в ответ спрашивали: «Скот у вас вошел в Новый год упитанно-жирным?

– Да, упитанным, – следовал ответ.

Вот так примерно здоровались во время праздника Сагаалган», – рассказывал в своих воспоминаниях Даша-Дондог Сандакович Менжигийн.

Автор

БЕЛЫЙ МЕСЯЦ

Благословить всех живых на долгие годы
предков вера –
 есть моя жизнь или нет, не ведаю.
Воскуря можжевельник, очищать свой очаг –
древний обычай вошел ли,
 как символ чистоты в песни мои, не знаю.

Думая думы свои на языке Гэсэра,
мысли, мечты наши
 так высоки, что нет слов.
Подражая, напевы Гэсэра когда поем,
певучесть народа моего,
 мелодии голоса его неповторимы.

Потому встречая Белый месяц, дарю песню свою,
превращая в благословения нашего времени.
С пожеланием мира и счастья каждому дому,
подношу душу свою, развернув как хадак.

1

Месяц хуса*, обходя свои владения,
белой метелью возгласив, взывается в небо.
Аршинный хадак** свой развевая,
наконец-то пожаловало мирное утро Белого месяца.

Амар мэндээ...
Жеребята и телята как перенесли зиму,
сохранили ли они упитанность?
Обещая теплое время, молочные реки,
какие еще надежды принес с собой этот месяц?

* Месяц хуса – месяц февраль

** Хадак – сложенное вдвое шелковое полотенце, подносившееся в виде приветственного дара почетным гостям

Чтоб жили все мирно в дружбе,
первой чашкой чая ублажая бога огня,
Чтоб завещанные щедроты отчего края сбылись,
обрызгивая землю молочной арзой.

Белобородые деды,
Благоволите милость, произнося лучшие пожелания,
завещайте нам с вершин своих лет
свои высокие думы.
Пусть не перестают навещать нас успешные, удачные дни,
и пусть жизнь оборачивается к нам
еще лучшей и красивой стороной.

Пожелаем же всем самого лучшего и доброго,
милосердно забудем старые обиды, если есть они.
В этот день взаимными благословениями
приветствуя друг друга, станем же родными.

2

Однажды утром бабушка на меня разворчалась,
лишь я с постели встала,
помню, как я растерялась.
Откуда же я могла тогда знать,
что нужно старших золгохо*
с наступлением Белого месяца?

Заподозрив, что бабушка,
как говорят, с приветом, чуть не заплакала.
При этом она подтвердила мое сомнение, сказав,
что мне не шесть, а восемь лет
с рассветом исполнилось...

* Золгохо – приветствовать обеими руками за обе руки

Откуда мне было знать
о щедрости мышинового года –
 было для меня волшебством.
Но и мерка жизни, о которой
говорили старшие, тоже была
для меня непостижимой тайной.

Подражая взрослым, как я хотела
быстрее приблизить
 старость мою.
Я радовалась, что внемля моей мечте,
именно мне навстречу
 приходил Белый месяц.

С тех пор, исполняя мое желание,
столько раз приходил Белый месяц,
 что порывистая его метель
 инеем покрыла мои волосы.
Годы, исполняя мое желание,
столько лет прибавили,
 что на детство свое я уже
 смотрю с их вершин.

3

С гольцов тридцати трех лет видя целый мир,
испытываю свою силу воли.
Но смирившись с властным временем,
уже жалею быстро мчащиеся годы мои.

Кем я стала в необычайном течении,
мечтая стать хотя бы каплей
 в бушующем океане жизни?
Что я сделала для мчащегося времени,
что не сделано, мечтая
 хоть одним шагом быть полезным ему?

Может быть, поднявшись с трудом
на вершину своего тридцатитрехлетия,
я стою бесполезная, никчемная,
погрязшая в личных делах?
Может быть, я развеяла
по ветру полжизни,
считая, что вся она – впереди?

Или каждым шагом, пока я пыталась
развязывать запутанный узел жизни,
может, переняла ее нрав
то буйный, то скромный?
На исконный обычай ее
привычку свою настроив,
может, истину ее капля за каплей собрав,
запечатлела в памяти своей?

От меня, не успевшей стонать, уходят дни –
волнуется море, не успела его переплыть.
Грехи мои еще грехами не названы –
еще ни в чем я не успела раскаяться.

Опять тот же мышинный год отнял у меня
целых два года непрожитой мною жизни.
Уставшему от моих вопросов
и не ответившему на них, молю его,
лишь бы не взял обманным путем мои лучшие годы.

4

Сегодня светло в голове – память моя не мучает как раньше,
во власти сна тело мое дремлет.
Веки мои сухи – не преследуют меня ни обида, ни радость,
сердце не напрягается, пульсирует ровно.

Но вдруг в сон мой врываются,
словно мой путь, строка за строкой,
Как награда моих годов рождаются
никем еще не воспетые стихи.

Хочу запомнить,
но они ушли рука об руку с моим сном,
внутри пусто, холодно и темно.
Неужели так сгорает жизнь у человека,
оставив лишь сожаления, как эти стихи?

* * *

Когда больная бабушка однажды промолвила,
что пора ей собраться в путь к богу,
Помню, как я испугалась, и просила, плача,
чтоб она не торопилась к богу своему.

«О, боже, не плачь, иначе твои слезы
превратившись в затяжной дождь,
помешают мне на пути в диваажан*.
Смирись с моей старостью, дочь моя,
мой уход в иной мир – это божье дело.

Даже бог-учитель, чтоб спасти
от смерти свою старую мать,
спрятал ее в золотой бумбе**,
но мать в его же бумбе уснула вечным сном,
и с ее смертью у нашей планеты
было украдено долголетие для живых».

С тех пор во сне я стала искать ту бумбу,
чтобы отдать свою жизнь матери бога-учителя,

* Диваажан – рай Будды

** Бумба – ваза, сосуд. В огромной вазе, по одной из восточных сказаний, бог хотел спрятать свою мать от смерти

Уверенная, если найду, этим смогу дать
вечную жизнь всем, кто был обкраден.

Коротким своим умом пока пыталась
найти дорогу к бумбе,
вдруг подумала: раз боги живут на небе,
то почему бы не быть бумбой нашей земле,
ведь даже звезды, падая на нее, умирают!

Потом поняла, что человек рождается,
чтобы потом умереть,
потому бессмертным быть – это ложь!
Но все же, чтобы осуществить его мечты,
лишь родившиеся его песни
становятся бессмертными – это истина.

ЭПИЛОГ

Сегодня я не узнаю себя в зеркале –
будто улыбнулась молоденькая незнакомка.
Всматриваюсь удивленно в ее лицо –
в узких глазах ее – тысяча загадок.

Нет, не узнаю ее – совсем другая,
будто загадочным возрастом она смеется надо мной.
Душа ее полна невыносимым одиночеством,
но вижу, не радуется она знакомству со мной.

Удивляюсь, что вижу не старуху,
на лице которой должны быть морщинки,
жизнью вспаханные.
Удивлена, не встретила возраста, у которого
должны быть седые волосы,
отмеченные должным образом.

Ведь прошлой ночью чувствовала я,
что подхожу к концу своей сказки,
в ней все выдавшей на своем веку.
Неужели во сне родилась заново,
и начну жизнь мою суровую
всю сначала?

О, как обижалась высокомерию, чванству некоторых,
которые с важным видом вели себя,
будто меня не узнали.
Теперь увидев это фото,
о, как мне плохо,
словно я предала саму себя.

Когда-то
Расставшаяся со мной моя юность вспомнилась,
и вдруг узнала шумную, суетливую жизнь той поры.
Помню, как она однажды, вручив мне ручку,
со смехом оставила меня на полпути.

Беру зеркало, радуясь за встречу,
и глаза ее, нашедшие ключ к загадкам,
смотрят в упор на меня.
Прости, говорю, я узнала тебя,
но она, уставившись в душу и совесть свою,
вдруг стала стареть на глазах.

О, возраст мой,
Во время самой лучшей поры
почему торопишься стареть.
Что тебе нужно – проси!
Чем тебе помочь – говори!

Слышу,
Как жалуется она на адские боли в груди,
стиснутой словами, которых она не успела сказать.
Она говорит, что жизнь, которую она испытала,
теперь мучает ее, требуя дать ей смысл.

Вижу,
Как капля за каплей текут
холодные слезы по ее щекам.
Видимо, сердцу ее трудно вместиться в груди,
словно хочет взорваться, трепещет оно.

Хотя она не думает плакать –
видимо, ее мучает тоска,
 которой мне не узнать.
Если у сердца ее нет покоя,
видимо, не может смириться с одиночеством,
 которого мне не понять.

Шепчет она:
«О, люди, умножайте детей своих,
О, травы, оставайтесь такими же зелеными травами,
О, небо, оставайся таким же чистым небом,
О, земля, оставайся вечно матерью-землей...»

1982-1984 гг.

АЯН ЗАМАЙ ДЭБТЭРХЭЭ

Оролто мүннүүд тушаа тайлбарилхан авторай үгэ

1980-аад онуудаар республикынгэй Ярууна, Захаамин, Аха, Хурам-хаан, Баргажан, Байгал далай, Зэдэ, Сэлэнгэ, Бэшүүр, тэрэ тоодо Түнхэн, Ага, Эрхүү болон бусадшые аймагуудайнгаа газар дайдада, түүхэдэ хабаатайгаар бэшэхээ байһан поэмэнүүдэйнгээ нэн түрүүн оролто мүннүүдые бэшэжэ үрдийн байгаа. Эдэмни тус тустаа нютаг, нютагуудайнгаа үльгэр домогуудаарань бадарха ёһотой поэмэнүүд боложо, мүн дэлхэ аад лэ, Совет засагай тэрэ үе сагта мэдээжэ болоһон шүлэгшэн Владимир Петонов эдэ зохёолнууд тушаамни аяар 12 нюурта шүүмжэлэлэй рецензи бэшэжэ, бүхы ханал бодолыемни унагаажархёо юм хэн.

Ушарынь гэхэдэ, тэрэ үедэ партиин обкомой пропаганда болон агитацийн таһагыг даагшын орлогшоор хүдэлжэ байһан Шагдуров Дагба Бальжанович гэшын «шүлэгүүдэйшни номые хэблүүлжэ болохоб, намда асаржа үгэ» гэхэн хадань номой бүхэли рукопись бэлдээб. Юундэб даа, дээрэнэ эдэ 9 аймагууд тушаа поэмэнүүдые бэшэхэ ханаатай бэлдэжэ байһан оролто үгэнүүдтэй хуудануудаа тэрээндэ юрэл уншуулха ханаатай үгэхэниемни, поэмэ, шүлэгүүдэймни рукописьтай сугтань Буряадай номой хэблэлдэ эльгээжэрхихэн байха юм.

Удангүй тэндэ редактораар хүдэлжэ байһан поэт Владимир Намсараев: «Обкомһоо эльгээгдэхэн рукопись тушаашни бэшэгдэхэн рецензи уншаха дуратай хаа, ерэжэ уншыш», – гэжэ хонходоо. Үглөөдэрын хэн гү, номой хэблэлдэ ошожо, тэрэниен уншаад, унашан алданаа хананаб.

Тэрэнэй бэшэхэн рецензи гээшэхэнь жэшээ болгон таанад, уншагдайндаа анхаралда тобшохоноор дурадхабални иимэ:

«Галина Раднаевагай республикынгаа нютаг, нютагууд тушаа бэшэхэн оролто мүннүүдые уншаад байхадаа, буряад эльгэтэй эхэнэр хүнэй бэшэ, харин ямар нэгэн хариин гүрэнэй турист хүнэй бэшэхэн яндан проза гэжэ ойлгогдохоор байна. «Амар сайн» гэхэн үгыг Дондог Улзытуевһээ хулуужа бэшээ, үшөө тиихэдэ Владимир Маяковскийн бэшэгэй гуримые халанаар дуряжа бэшэхэнь багадаад, Совет засагта таарахагүй, зоной дунда хөөрэгдэдэг шажан мүргэлдэ хабаатай ушарнууд, үшөө тиихэдэ буряад арадай үльгэр домогуудые шүлэглэн бэшэлгэн гээшэ хулгайда тоологдохо зэргэтэй. Гэхэтэй хамта, буряад словарьта үгы элдэб хоһон үгэнүүд эндэнь олон...» гэхэ мэтэшэлэн шүүмжэлэлэйн үгэнүүд тоогүй олон даа...

Вл. Петоновоор «рецензи» бэшүүлхэн хүншые хүн, бэшэхэн Петоновшые Петонов, юрэдөөл, иимэрхүү саг байгаа ха юм даа. Гэбэшье энэ «рецензи» тушаань зөөлэнөөр хэлэбэл, ородой болон бүхы дэлхэйн суута

классигууд, поэдүүдэй уран зохёолнуудые уншаагүй, уншаланшые хаа, ямаршые хэшээл абаагүй, өөр өөрынгөө шүүхэн соо бусалхан хүнүүд байгаа ха юм даа гэжэ ойлгоо бэлэйб. Жэшээлхэдэ, «Нюуса тобшын» хуби заяан тушаа хэлбэл, С. Козиной оршуулхан оршуулга Москвагай Лени-нэй нэрэмжэтэ библиотекэдэ хадагалагдахан байжа, энэл оршуулгынь мүрөөр манай уран зохёолшон Исай Калашников «Жестокий век» гэжэ романаа бэшэжэ, хэды ехэ баяр болоо нэм! Би өөрөө тус библиотекэдэ ошожо, С. Козиной оршуулгые уншалан хүн ябанаб.

Саашань хэлэхэдэ, А. Пушкинай няниингаа хөөрөхэн загаһашан, ал-тан загаһан тухай үльгэрые шүлэглэхэниие, үшөө тиихэдэ эртын эртэ сагта Римэй шүлэгшэн Горациин бэшэһэн шүлэгэй мүрөөр өөрынхээрээ «өөртөө хүшөө бодообоб» гэхэн шүлэгөө бэшэһэн байгаа бшуу. Эзопой баснинуудые уншалан хүн И. Крыловэй баснинуудые баһал ханаандаа оруулхан байха. Байһан руунь буулгажа бэшээ, оршуулаа бэшэ, өөрын-хээрээ өөрсэ ондоогоор бэшэһэн байха юм. Гэхэ зуура, Хоца Намсарае-вай «Үншэдэй үхэлые» уншаад байхадаа, «Үльгэрэй далайһаа» хулуугаа гэхэ болоно гүбди? Энэ талаар бүгэдыень тоолохо болоо хаамни, литера-туровед хүнэй бэшэхэ ёһотой бүхэли ном болохо...

Ганса классигуудай бэшэ, 21-дэхи зуун жэлдэ мүнөө сагайхяар бэшэг-дэһэн дэлхэйншые, ородойшые уран зохёолшод, поэдүүдэй бүтээлнүүдые уншадаг байһан хаа, үшөө тиихэдэ сагай эрилтээр бэшэ, өөрынхээрээ бо-дожо, шэгнэжэ үзэхэ өөрын тархитай хаа, В. Петонов иимэ «рецензи» бэ-шэхээ эшэхэ нэн гэжэ бодогдоно. Зай, энэньшые энэ. Юрэдөөл, иимэрхүү юумэндэ ханалаа табижа, хайран сагаа хаяһанайшые хэрэггүй ха.

Энэ мэтээр гансашые В. Петонов бэшэ даа, бусадшые заримшуулай элдэб аргаар творческо ажалтаймни тэмсэлгэхэнь эсэхэншые, муу-лаһаншые ушарнууд олон нэн. Тиигэжэ 1990 ондо сагай хубилан сасуу уран зохёол бэшэхээ болихомни гэжэ бодоод лэ, поэзиин талаар ажалаа хаяжа, нютагаа ябаха гэхэн шийдхэбэриие нэгэ хүнээр абаад лэ, гэр бүлөөрөө нүүжэ ябашоо бэлэйб.

Удангүй Алцаг, Ториһоо үндэр наһатай хэдэн үбгэдһөө: «амиды мэн-дэ байгаандамнай, сартуул зонойнгоо түүхэ, аман үгые суглуулжа, ном бэшэхэ байгааш. Энэ ажалые хэншые хээгүй, мүнөө шамһаа ондоо хэншые хэхэгүй» гэхэн удхатай бэшэгүүдые абажа, нилээд удаан сагай туршада бодожэ үзээд, тэдэ бэшэгүүдэйнь мүрөөр Алцаг нютаг ошожо, хэдэн хүгшэд, үбгэдтэй хөөрэлдэхэнэйнгөө удаа фольклорой талаар ажалаа энэл нютаһаа эхилхэн байгаа. Энэ ажалаа зүүн зүгһөө эхилэн-гүй, яахадаа баруун талаһаа эхилээ хүмши гэхэн асуудал табидаг хү-нүүдшые байгаа юм ааб даа...

Тэрэ гэхээр фольклорой талаар 18 боти номуудые бэшэжэ дүүргээд, Эрхүүгэй буряадууд тухай 19-дэхи ботиие бэшэжэ байһанаа, хаа хаана-гүй таража байһан танигдаагүй үбшэн тахалһаа боложо, нёдондо зун ню-

тагаа ерээд, гушаад жэлэй саана бэшэжэ байһан поэзидээ бусаһамни, дүүргэгдээгүй, дүүргэһэншые шүлэг, поэмэнүүдэй олониие хэлэхэ гүш!

Тиигэжэ хоёр хорообхоор дүүрэн хэблэгдээгүй байһан шүлэгүүдээ галдааб. Ушарань гэхэдэ, тэдэниие заһажа, электронно сайтада оруулхаяа һанабални, һаһамни хүрэхэгүй гэжэ бодоһон байгаааб. Нэгэ талаараа зүб, нүгөө талаараа шаналхашые саг болоно даа. «Ямар хомхойгоор хүдэлнэбши, эдэ шүлэгүүдээ дабһалха юм гүш!» – гэжэ Абидымни хэлэһэн үгэнүүд заримдаа һанаандамни ороно.

Гэхэ зуура, уран зохёолой талаар уран зохёолшодто «эрхэ сүлөө» үгтөөгүй байжа, илангаяа Буряад орондомнай нам мэтын поэдүүдэй шүлэгүүдтэ заабол Совет засагта харша гү, али шажан мүргэлые идхажа бэшээ гэхэ гү, али ула боложо үнгэрһэн үе сагые шанална, магтана гэхэһээ эхилээд, элдэб тобшолол хэгдэдэг гайхалтай саг байгаал даа. Тиигэжэ «Огонь в очаге» гэжэ поэмынгэй түрэл хэлэн дээрээ хэблэгдэхээр бэшэ байхадань, ядаад ород хэлэн дээрэ Москвада хэблүүлһэншые байхаб.

Эрдэмтэн Гунга Туденовэй хэһэн элидхэлые буруушаажа, «Шэнэ үеын уран зохёолой урасхал хайшаа урдаха ёһотойб?» гэхэн шэнги «тэмсэл» ябуулха бодолой байбашые һаань, аниргүй ябааб. Ушарынь гэхэдэ, буряад хэлэн дээрээ бэшэдэг поэдүүдэй дундаһаа намайе дэмжэхээр хүнүүдэй үгыһөө боложо, гансаардааб. Тээдшые 1930-50-аад онуудта бэшэгдэһэн шүлэгүүд дээрэ хүмүүжэл абаһан, шэнэ үеын поэзи ямар байха ёһотойб гэжэ мэдэхын, ойлгохын тулада ганса ород бэшэ, мүн лэ ондоошые оронуудай шүлэгшэдэй поэзитэй танилсаагүй, хүсэд уншаагүй буряад хэлэ бэшэгэй зарим тэды багшанарһаа эхилээд, «Г. Раднаевагай шүлэгүүдые ойлгоногүйбди» гэлсэдэг байһаниие хэдышые дуулаһан ябаа бшууб. Доро дурадхаһан «Оролто мүнрүүдыемни» ойлгоногүйбди гэхэ хүнүүд баһал олдохо юм бэээ...

Эртэ урда саһаа булта буряад арадаймнай соёл болбосорол, ёһо заншал, намтар, түүхэ – бөөгэйшые, буддын шажанайшые мүргэл – үльгэр домогһоонь эхией абадаг гээшые ойлгодоггүй зарим зоной анхаралда фольклорыешые (аман үгэ) суглуулжа, тэдэнээ ном болгоһоор байтарни, һаһамни үнгэршэбэл даа.

Гэбэшые «Хатан эжы Зэдэмнай» гэхэн 5 боти, үшөө тиихэдэ буряад, ород хэлэн дээрэ 18 боти болоһон фольклороймни мүнөө дээрээ хэблэгдээд байһан 9 ботинууд тушаа һанамжануудаа бэшэхэ шүүмжэлэгшэдэйшые, литературоведүүдэйшые аниргүй байхадань гайхадагби. Тиимэһээ фольклоройнгоо номуудаар миил өөрынгөө һанамжануудые баталаа, гэршэлээ гээшэ гүб гэхэн асуудал заримдаа намда өөртэмни ерэдэг.

Автор.

БАБЖА БААТАРАЙ ОРОНДО

Поэт Намжил Нимбуевай дурасхалда зорюулнаб

Мүнөө дууланаб –
Саб сагаан саһата майлаар
 томоотой алхалан ябаһан
Үбгэн-Жабарай дун бүрээгэй
 бара дуудаае...
Сэб сэнхир ая гангата
 зүүдээ манаһан
Үдхэн сагаан сэнтэһэн һорьмоһотой
 Эгэтын голой хурхираае...

Нэгэтэ ерэхэдээ, залуу наһанайм
 наадан ехэ һэн –
Түмэн жэлэй нюдэнүүд мэтэ
 эмнилдэһэнээ һанана гү, нуурнуудни?
Нажар байгаа...Хонхо наһанайм
 жэрьедэг үе һэн –
Дахижа ерэбэб, амар мэндэ,
 нарһата сэнхир Яруунамни!

Арбан нэгэн эсэгын хүбүүдые
 эсэгээрэнь нэрлүүлһэн
Олоной баатар – Бабжын орон,
 мэндэ амар!
Абынгаа дайдые агтын хүлдэ –
 тугаараа намируулһан
Омог отогуудай бара дуудаан,
 мэндэ амар!

Хадые хамхалан, баатарай бодхоһон
 хорёо шулуун,
Үгөө шамтай холбожо, оложо
 үгэлхым зүбшөөхэ гүт?

Харгымни хүтэл – Дархитын үндэрэй
арангын толон,
Уладайнгаа үльгэр – гулгалан байдалыг
дуулгаха, гүүрээхэ гүт?

1

Харгын утада хээр мориной
жороо гүйдэлөөр
Сагай мур, хүнэй үрийн
мүнхэ инаглаан хайхан.
Хүлэг дуугаараа хэмнэжэ гарахан
шүлэгшын дайдаар
Саха зүхэнэн хашабаа шаргымни
хахинан шуумайхань хайхан.

Үбэлэй хүни оройтоһон бодолоо
зүбшэхэ шэнгээр
Сэсэн сагаан долоон Үбгэдэйнгөө
дүхэригтэ намайе урина.
Үе сагуудай сайбагад гэнэн
толон соогуур
Сахан бударжа, холир мүшэдэй
абаагүй замые үрэнэ.

2

Сагаан Үбгэнэй хурылхан аягатай
хүндэ,
Сахата дайдын хүнды сээжын
үрэхэндэ,
Мүльхэн дээгүүр одо мүшэдэй
holzороондо,
Мүнсэгэр шарайтай дүүрэн харын
бөөлөөндэ –

Намжил үетэнэйм дүрэжэ шэнгэшэнэн
наһанай
Сахилгаан мэтэ сахилзажа байһыень
таняаб.
Нимбуу-Боршогорой* шугын улаан
бургааһанай
Шаргымни абяанһаа һэрижэ байһыень
хадуугааб.

3

Халюун нюдаргатай хамшыгаа шамаһан
Буурал Баабайм
Халзан толгойгоо томоотой түбшэнөөр
эльбэн, эльбэн нуугаал.
Хүнгэрэг сагаан хүр саһатай
Хангай Маарагтам
Хазаар һахалаа гаглюун хүйтэндэ
эмирэн, эмирэн угтаал.

Удангүй
Мундарга дээрэнһэнь гурбан ехэ
Яруунаа харахадам,
Амисхалайнгаа уурал һабануулан,
тошо хаяжа байбал.
Мэлмэрэн байдаг гушан гурбан
гулбай эрьюулгэм
Амһараараа дүүрэн хүндын түрүү
аяга мэтээр үзэгдэбэл.

4

Хараһаар намаяа танижархёол хаш,
хатан эхэ Яруунамни –

* Нимбуу-Боршогорой – Намжил Нимбуевай үбгэн абынь нэрээр алдаршаһан шугы

Саһан сагаан эхэнэр урдаһаам
ябажархёол даа.
Хамар, хасарым таалажархёол хаш,
халуу бусалшоол нюурни –
Хирэһэн мэтэ бухааб дуугай
заха руугаа.

Шэмэрүүн саһыень уралаараа тодон,
һүмбэйн амтые мэдэрхэдэм,
Үнжэгэн сагаан һэбшээ – гараараа
зулайем эльбэхэдэл гээ.
Шэгшын шэнээн болошоһон мэтэ
альган дээрэнь зогсоходом,
Ухаа оруулхаар жэгүүр түрэлэй
бодол түрүүлхэдэл гээ.

5

Һэлюурэй эршээр номгон байдалыеш
хаһа зүһэн эсхэжэ,
Һүнээ дууһан заһаһа губшажа,
төөрин алдаа бэлэйб.
Хүүгэн һарын торгон хибэсээр
онгосоо тиихэдэ залажа,
Хүшэр тамаралгаһаа байдалайнгаа эрьедэ
бусаһанаа эли һаналайб.

6

Залуу наһанайм хэнгэрэг мэтээр
наран наяржа,
Сагаан аадар шуужа байгаа
шунгаһаа тиихэдэ ерэхэдэм.
Зүрхэнэйнгөө бахархалда үе мүсэм
эндэ мэдүүлжэ,
Самнажа дэбхэрээд, удаган мэтээр
мүнөөшье элил хатараашам.

Хун шубуудай нютагаа бусаад
оймोजо байһандал,
Уһан руу нүхэдэйм бухаашань
ямар гоё һэм.
Үгын дүлөөр нойтон хубсаһаа
хатааха гэхэндэл,
Хүхюу нүхэдэйм дуу гаралдахань
ямар жаргал һэм.

7

Үсэгэлдэр мэтэл тэрэ зун,
талха таряан элбэг –
Арадай хүлһэн – агуу хүсэн
хүлгэжэ, дуудажа байгаа.
Үбэлнай нажартай тохёолдошобо гү,
сэдьхэлдэм мүнөөхил нажар –
Ажабайдалай мүнгэн долгёор
мүнөөшье таряан эбхэрнэ.

8

Бабжа баатарай хүлэгэйн турууда
сабшагдажа шэдэгдэһэн
Обоо шулуун – дүрбэн хабсагай
мүнөө урдам дуурана.
Онтохынь шагнажа, сагай эрхээр
урган үндыһэн
Бүлэг сагаан хуһадай бүлэ
саһаа гүбин намхалзана.

Үүлэд мэтэ нарыемнай түриһэн
дайсадые сухараяһан
Шэнхинээтэ ногоон наһадын энээгүүр
сэрэг мэтээр харагдаа.
Үсөөн үгэтэй музей соохи
эбэр номойнь

Шэдитэ зэбэнүүд Шэбээтын голоор
мүнөөшье шуухадал гээ.

9

Хори, Яруунын хилэ алхаад,
жэрын ошодог
Мүнхэ галайш түмэр арангануудай
агуу дэлисэдэ мэдүүлжэ,
Холые хунгажа Үдэ мүнрэндөө
яаража мордодог
Мүнгэн хуягтай гол горьходойш
шэн зоригто аблуулжа,

Һайтай, муутай залгаа сагуудые
ябталһан хадаа,
Зонойш солые үргэхэ гэхэн
наһанайм хүсэлдэ нэрьеыш.
Һэмжэн сагаан хэһүүргэ хүнжэлөө
хэһээд мүнөө,
Зүн һайтай зүүдээ дуундам
нэмэри болгон оруулыш.

Өөрынгөө ундые харяаха гэхэн
хүсэлөө орхижо,
Шинии түлөө шам тухайгаа
дуулаһаар мордохом, Яруунамни!
Өөрэлхэжэ сэдхэлдээ нютаг бүхэнэйш
зугаае шагнажа,
Жороо удхыень Улаан-Үдэдөө
хүргэжэ ошохом, Яруунамни!

НАРЬДАГ ТААБАЙ ЗАХААМИМНИ!

Поэтесса Галина Базаржаповада зорюулнаб

Зангирхагүй олон замуудай дардамһаа
Тэнгэрийн сабиргайда зүрхэм түшэгнэнэ.
Зэдэ мүрэмнишые наашаал, наашаал
Дүүргэгдээгүй бэшэгэйм мэдүүлэлдэл жороолно.

Дун сагаан далинуудаа дэлиһэн
Хүбхэгэр үүлэнэй хамбыда абтаһандал,
Томоотой түбшэнөөр баруулжаа жүдхэнэн
Хадын сэнхир мундаргада хүтэлүүлһэндэл,

Самолёдой хүнхинөөнһөө нюргаа шэшэрүүлһэн
Сэнхир тэнгэрийн хүлэгтэй урдалсанаб.
Наарал манан дэгэлээ хэдэрһэн
Нарьдаг таабайнарайнгаа дүхэриг хараашалнаб...

1

Хан-хан...

Тэнгэрийн сэнхир хүлэгэй табараан –
Таха дороһоонь бодолойм сахилаан.
Шэхэндэм балта дүшын абяан –
Шэнхинэн һагад аялгынь урамдаан...

Захаамимни

Дабхар үүдэнэйнгээ суургые наяруулхадаа,
Ямараар намайе угтахаа ханааб?
Дархан солотой суугаа гэршэлхэдээ,
Ямар домогоо түүрээхээ бодобоб?

Хан-хан...

Уран-Дүшэмни өөдөө үлыжэ,
Мүнгэшэ дархашуулаа урамдана аал?

Үльгэрэйнгөө талааа үнэн болгож,
Мүшэдэй замыа шэнэлхэнь аал?

Али

Тэнгэрийнх ёрэн юһэн дархашуул
Дүхэриглэжэ тойронхой дархална гү?
Түрынгөө ехэ жаргалые иигэжэл
Дархалха хүсэлыемнай амаршална гү?

2

Самолёдной доошолно. Доромнай теэд
Захагүй ногоон далай хүльбэрнэ.
Олтирогой үгэдэ зүрхэм хүбхэлзөөд,
Оһолой нэжэг – сахилгаанда шэрбүүлнэ...

Арьягар хадынгаа эрьмэгһээ түлхибэл,
Ахир зүрхэнэй тэһэршэхээр сошоодог,
Эльгэлжэ нэгэтэ тодожо абабал,
Эрын эрхим зүрхэ олгодог

Энэл ха юм: хадын хуулитай
Заха холымни буурал Захаамин!
Эндүүржэ, баһажа дуугарбал, хүлисэхэгүй,
Зориг туршадаг бүргэдүүдэйм орон!

3

...Намжаа тэнюун задагай сэдхэлээр
Угтажа абahan Захааминаа бараалханаб.
Нороһон хүринүүдэйн хоншуухан зүүдээр
Үльгэрэйнх зэрэлгээе умбажа ябанаб.

Шүхэр мэтэ хушалтаа дарайлгahan
Шулуун гэрнүүдынх бүтэжэ бүхылдэнхэй.

Наранай хэлтэрхэе дааж ядаһан
Нойтон набшаһадын шэшэрэн һабинанхай.

Хүшэр харгым хонхосогто нюугдаһан
Наһанайм намараар амаршалха гэхэндэл,
Хяра боложо мүнхэршэһэн үльгэршэдын
Нэрэмэл тамхяа залахаа байһандал,

Мэхэгүй асуудалдал мананайнь ууян –
Шэнэһэтэ һарьдагайн дүхэриглэжэ бүжэглөөн.
Мүнгэн годлитой бороогойнь шэдэрлээн –
Шууяагаа замхаһан гудамжануудайнь аяшараан...

4

Гэнтэ

Элинсэгэйм шэбээлһэн Нүхэн-Шэбээтэһээ
Түмэн жэлэй минаагай тамшаахада,
Ербын харлаһан Ёлын Үндэрһөө
Тэсхэгэр ёло шубуунай гэгэшэхэдэ,

Шэхэндэм

Тэмсэлэй шэрүүн буһалгаанда дарагдаһан
Богоолнуудай шүдэр-гэнжэнүүд хангираа.
Түүхын үүдэнэй саана үлэһэн
Баатарнуудай гэрээд үгэнүүд соностоо.

Жэхыхэдэм,

Аба хайдагта гараһан ангуушадтал,
Хяра өөдөө модонуудай добтолоон...
Абарга хүсээ хурхируулһан вулкандал,
Хадануудай шулуун уушханай хүнхинөөн...

Гайханаб,
 Уран-Дүшымни араар хургаһан
 Буга-ногоонууд тиирэн бэлшэнэ аал?
 Үндэр харьдагһаань эхией абанан
 Бүтүү – Зэдэмни доошолходоо зэдэлнэ аал?

Али
 Сабшамал зурлаа олон табсангаар
 Сая сагуудай табархые дуулана гүб?
 Сагаан далиинь ёохорой дуугаар
 Сагдуулнуудай өөдөө абирхые хараба гүб?

Тулга дээрээ тогоогоо табижархёод,
 Аргал гүүжэ эсэшэн тэбиидэл,
 Дархалааб гэжэ нюргаа шалашоод,
 Амархаа хууһан буурал таабайдал,

Шэмэг зүүдхэлдэ хоноохо шулуугаа
 Сайханайн Табхар шэнжэлнэ алтай.
 Бусахадаа юрөөл болгохо бодолоо
 Бишье баһал хоноохо найдалтай

Дүүргэгдээгүй шүлэгэйм мүрые хүтэлхэ
 Тамиртам үнэншэхэ газаршаниие хурагшалнаб.
 Сэдьхэлэйм картада нэрээ мүнхэрүүлхэ
 Захаамин тухайгаал шэбшэжэ ябанаб.

...Хохиройшые, сэсэгэйшые үнэрөөр анхилһан
 Һүниие балга, балгаар уужа ябанаб.

Хэнэйшьеб амтатай зүүдые шэнгээһэн
Һэбшээнэйнъ санхатама амисхалһаа сагланаб.

Хүйтэн, халуунда үлээлгэхэдээ зүрхэнэйм һабадагтал,
Хашаагай үүдэн һалхинда шэдүүлнэ.
Хүндөөр хүнхинэһэн ашаанай машинын үнгэрһэндэл,
Хэнэйшьеб нохой уншараатайгаар улина.

Номгон һүниие иигэжэ шагнаархахадаа,
Өөрыгөө дэлбэ татахаар хүгжэм мэтэб.
Нүхэн харанхы руу һүүдэрэйнгээ хулжашахада,
Өөрөө захагүй ажабайдал болошоһон шэнгиб.

8

Үгы даа –
Зэдэ, Сэхирэй уулзадаг Бэлшэртэ
Худа оролгын наадамни наяршоо.
Зонойнь дэлгэр дууша сэдхэлдэ
Хадын хэнгэрэгтэл дурамни сохилшоо.

Эсэгэ хүнэй заншал сахижа,
Сэнхир хизартаа сэргыем зооһон –
Эхэ хүнэй сэдхэл тэбшэжэ,
Сэдхэлдэм бухажа, намаяа эльгэлһэн –

Энэл ха юм: хадын хуулитай
Заха холымни буурал Захаамин!
Эндүүржэ, баһажа дуугарбал, хүлисэхэгүй,
Зориг туршадаг бүргэдүүдэйм орон!

АМАР САЙН, АХАМНИ!

Поэт Баир Дугаровта зорюулнаб

«Аха-а-мни...»

Уйдхартайшые, хүрөөтэйшые шаналал дүүрэн сууряан
Дуугай нуухаар зэхэхэн Саяанаа сошооһоор аал?
Унаһан ахаяа үгылһэн ангуушанай энэ ооголоон
Дабхаряа сагуудай хамбые мүнөөшые сууряатуулһаар аал?

Мэндэ амар!

Гушан табан наһанайм богоһоһоо гайхуулһан
Гэсэрэй гушан гурбан баатар-мундарганууд!
Гэсэрэй тогоогоо табижа, сайгаа шанаһан
Гурбан ехэ үндэр тулга-хаданууд!

Мэндэ амар!

Бугаагтаһан шулуун хэрэмээрээ өөрыгөө бэхэлжэ,
Уулынгаа мундаргануудаар хүрдөөдэг сэнхир орон!
Үүлэн хүлэгүүдээ нуга руугаа залажа,
Бартаа үүдээ сэлидэг Нүхэн-Дабаан!

1

Мүнөөдэр

Салгидаан соогоо хүрэхэн ондолиншн хайлаанһаа,
Байсыншни үнсэгһөө тэхын хүрөөтэ хийсээнһээ,
Сагаан далииншни үрэхэ гүбюүлдэг нэбшээнһээ,
Баруун арыеш дорьбооһон гурын буухираанһаа

Досоом

Дуулаһаар, дэбхэрһээр доошолдог шулуунууд мэтээр
Хадын огсом дуунууд зэдэлхээр шэнги.
Дуулгата мундаргын мүйлхэнэйш хайлаһан мэтээр
Халуун дуранһам Ахамни үерлэхээр шэнги.

Яаралгүйхэн тамхья ууюулаад,
 Дуугай шэбшэдэг буурал таабай – мундарганууд,
 Яаралгүйхэн хөөрөөгөө эхилээд,
 Дүхэриг татан сайладаг тээбии – хаданууд –

Талын гэжэ голонгуй,
 Үндэр гэгээн бодолоо намтай хубаалдажа,
 Дүүмэр гэжэ ханангуй,
 Ульгэрэйнгөө найхание удхалан намдаа түүрээжэ,

Зоригтом зориг нэмээжэ,
 Дэмжыш даа, үндэртэ дуудадагСаяамни!
 Зүрхөөр үнэндэм найдажа,
 Дунгыш даа, Хангай ехэ Ахамни!

Дураяа мэдүүлхэм
 Сэрэг ногоон шэнэнэнүүдээ жагсааһан шэлэнүүдтэш.
 Дуугаа зорюулхам
 Сабшамал шулуун нидхэээ дэлиһэн байсануудташ.

Хүсэлөө ниилүүлхэм
 Зондоо наһа үршөөдэг мүнхыншни аршаантай.
 Харгыгаа бэдэрхэм
 Зориг туршадаг харьдагайш гол горьходтой.

Һанаагаараа
 Арюунһаа арюун уулыншни нугада зорихом.
 Һэшхэлээ
 Арса жодоогооршни утажа, арюудхажа ябахам.

Дабагдашагүй уулын нугагаа сагаан далишни
 Даллажа, уряалжа байдаг юм гэнэ.
 Үндэрэй үүлэн хүнжэлдэ мансылуулхан сэсэгшни
 Үнэн дуранай хүлдэ юм гэлсэнэ.

Айдар наһанай аянгын дууе дэмжэхэдээ,
 Сагаан далидал инаг дурые хүлгүүлдэг хаа.
 Ажабайдалаа дүнгэн, үргэн дэлхэйдэ ябахатаа,
 Сагаан далидал үндэртэ ерээдүйень хүргэдэг хаа.

Дуранай дүүжэндэ шэдүүлхэн бүргэд-хүбүүд лэ
 Дуранайнгаа хүлдэ – сэсэгтэ зоридог юм байна.
 Дүлэтэ дуранай галда дүтөлөөгүй зариман лэ
 Тэнэгүүдэй хэрэг гээд, орхидог юм байна.

Зоншни

Нара зүб тойроһон заяанайнгаа харгыда
 Нарата дэлхэйн жамаар байдалаа тахихаяа,
 Нашан бүргэдэй хүбүүдээ үдхэдэг мундаргада
 Наһанайнгаа хэрэгээр хүрэхэ азаяа туршакхаяа,

Богоһодоо

Хадын хүлэгүүдэй бутараагүй туруунай тахые
 Харгын хүлдэ болгон хададаг байгаа аал?
 Харида унаһан баатар эзэдэйнгээ бусахые
 Хүлеэжэ үүрхэхэн хүлэгүүдэйнэ али найдал аал?

Али

Монгол угсаатанайнгаа захяа заабари дүүргэжэ,
 Морин эрдэнийн хүлдэ дууданан таха гү?
 Эмээл дээрэ наһаа үнгэргэдэг заншалаа сахижа,
 Эхин замайнгаа дурасхал зоншни болгоо гү?

Далбагатай үүлэн онгосонуудаар орьёлоо хүрээлээд,
Хаан уулыншни түүдэг мэтээр улаа бутархада,
Дорооон хүнхинэжэ, газар тэнгэрийе ниилүүлээд,
Хаан шэрээгээ шэшэрүүлжэ, шэрүүжэжэ нуухада –

Һүн сагаан Сайлаг мүнэнэйш эрьехээ
Һүрөөтэ байгаалиин мэдэлдэ оронхой зогсоноб.
Азиин зүрхэн хадашни дугшаһан бодолойнгоо
Арюунһаа арюун мэдэрэлһээ өөрөө түрэнэб.

Хадынгаа харьялһаа хүлгэн шууяһаар доошолжо,
Хүүюур дэлһээ самнуулһан Жомбологшни дэбхэрнэ.
Ангарайнгаа аша – Дунда Ахадаа тэгүүлжэ,
Аха, дүүтэн – горхонууд золголдон уулзана.

Зээрэг уһанайш харья соогуур миралзаад,
Ёлоо, хадарин загаһадай хүтэрэлдөөе гайхахадам,
Зэд мүнгэн шэмэг бээе нахилзуулаад,
Ёһотойл лусад-дангинарай ёохорые найхашаахадам –

Хүн зондоо, таладаа тэгүүлһэн булагууд
Хадынгаа эхиндэ анханайм хүсэлөөр дуудана.
Харгыгаа бэдэржэ, хабсагайе сүмэ сохихоор
Хаалта дабаха хадын хуулида нурахаш гэнэ.

Аргагүйл хара сэсэгые үзөөгүй аад,
Бугын үндэһэ бэдэржэ, махажа ябаһаар,
Алтан үндэһэндэ обтожо зорихон аад,
Баглаа сурьгыншни үнэртэ тархья эрьехээр –

Элеэгэй дали дээрэ далайе гаталдаг
Эгээлэй хүсгэлдэй гүб гэжэ зобооб.
Гүлэмэр хүүгэнэй хүсгэлдэйдэ мэхэлүүлдэг
Гэнэхэн сэдхэл, ухаагаа баһал голооб.

9

Түүдэгыш тойрожо һуулсаха эрхэ эрижэ,
Галайш дүлэндэ үгынгөө дүлые нэмээлсээд,
Түрэхэн нютагайнгаа зугаа, шарайе түһөөлжэ,
Гуламтадаш Зэдынгей дууе худа оруулаад –

Мундаргын хойлог шубуудтай эжэлшэбэл одоо
Үндэр өөдэ тэдэнэртээ ошохо бэлэйб.
Мундаргаһаа хэшээл абабал, түһөөлжэ тэдэнэрээ
Ухаагаар сэлмэг, томоотой болохо бэлэйб.

Маллажа ябаһан хайнаг, һарлагыш түрүүшынхиеэ
Хужарлажа гайхаха золо намда тудaa.
Мэргэн солоороо суурхаһан ангуушадайш зугаае
Хоёр шэхэнэйнгээ шэмэг болгожо хүхигдөө.

10

«Аха-а-мнии...»

Ахаяа үгылһэн дүүгэйнэ энэ ооголоон
Аха нютагтаяа иигэжэ намайе танилсуулаа.
Шаналал дүүрэн эртын энэ суурьян
Шүлэгэйм хүтэл дундуур мүрөө орхёо.

«Аха-а-мнии...»

Улад зонойш хүндын дүрөөдэ дүнгүүлээд,
Аха заха Ахамни гээд, бишье ооголоолби.
Уулыншни нугаар үбдэгсөө маные умбаад,
Амиды ябаһан жаргалаа дахин сэгнээлби.

Баяртай,
Тэсэмгэй ябабал, томоотой болохош гээд,
Тэнгэришни хура бороогоороо намайе туршаа.
Нүхэн-Дабааншни намайе табихаяа арсаад,
Найр нааданаа дүрбэн хоног наяруулаа.

Баяртай!
Зонойш сэдхэл – гэрэлдэ өөрыгөө хаража,
Золтой эдэ үдэрнүүдээ амаршалжа ябахаб.
Нүрөөтэ найхан шарайеш досоогоо тахижа,
Нарьдагта дуудадаг дуундаш наһаараа зорихоб.

1984 оной юниин 24-июлиин 3

ХАДАМ ЭСЭГЫН ТООНТОДО

Поэт Николай Дамдиновой дурасхалда зорюулнаб

Үндэр шобхо, шүрэтэһэн дэнзэтэй
булган малгайнгаа сасагые хийдхүүлхэн
Үтэлхэгүй мүнхэ Бархан ехэ Баабаймни,
мэндэ амар!
Тэмээн хамбы – сагаан хадануудаа
хойно хойноһоонь нубарюулхан
Түрэлһөө түрэл Хурамхаан Ехэ Баабаймни,
мэндэ амар!

Дууша, хатарша нарһа, шэнэнхэнүүдээ
байса дээгүүрээ ёохорлуулдаг
Хангай ехэ аршаанта харьдагни,
мэндэ амар!
Таладал сэсэг-хүбөөтэй аршуулаараа
даллан, даллан байдаг
Хормойгоо тодоһон мойһото ногоон тужамни,
мэндэ амар!

1

Барга сагай эритэ мэсын
ёлогоноон доро
Шонын хүрэгтэ намнуулжа ябаһан
үемнай һэн гээд,
Бархан уулын хэрэм-хүшөөнүүдэй
харуул доро
Шадалай тэхэритэр амья абарһан
түүхэмнай энэ гээд,

Нэхүүл дахабаритай ганса бэе
эхэнэр тухай
Нэгэтэ намда хөөрөөгөө эхилһэн
һалаг эхые ханагшаб.
Нүгэлтэ таладаа зорихон зоноо
үдэшөөд тэрэнэй
Нютаг болгожо, ууладаа үнэн
үлэлһэн тухайнь гайхагшаб.

2

Молор мойһонойш сэсэгээ гүбидэг
хаһа байгаа –
һанадаг гүш даа, Бархан Баабаймни
нэгэтэ зорижо ерээшым?
Мүнхэхөө мүнхэ хүхын дуута
үдэшэ байгаа –
һанадагби мүнөөшье дуранайм дүүжэндэ
һахижа намайе хоһоһониш.

Аргададаш оймोजо, гэзэгэйнгээ уялаае
үгы хэжэрхёод,
Нямняа сэсэгээршни татуурга гүрэжэ
үмдэлһэнөө ханагшаб эли.
Аргадамнай, юрэдөө бэри хэхээе
һанашоол даа гээд,

Намае наадалхан уһанда оймогшодоор
энеэлдэхэмни хаял шэнги.

3

Хүүхэн наһандаа жаргалаа бэдэрһээр
нэгэтэ орожо ерэхэдээ,
Дахуул нэхэбэритэй оршолондо төөришэһэн
зайгуул эхэнэрше ябаагүйб.
Харгын һалхяар замайнгаа талаан –
хани нүхэр хэхэдээ,
Далбагатай онгосо мэтэ зүрхэндөө мэдүүлһэн
дуушан боложо ябааб.

Хужартай зүлгэ ногоо бэдэрһэн
хужарлаһан гүрөөһэнше бэшэ,
Аласайм холодо тамир үгэхэ
үнэн нүхэдтөө тэгүүлээб.
Арьяа-тарьяа дуушанай харгыда
элэхэгүй тахаданьше бэшэ,
Хүсэ нэмээдэг сагаанһаа сагаан
сэхэ сэдьхэлдэнь обтооб.

4

Алташа, түмэршэ арбан нэгэн
эсэгын дархашуулай
Угаяа, нараа дархалһан хүүдинсын
үүдэ татан орооб.
Ажабайдалайнь бэшэгы аша, гушанартань
дамжуулха хубитай
Угайнь намтарта үри хүүгэдэйнгээ
хоёр хуудаһа нэмэлсээб.

Хүбүүдэйш нэгэнтэй байдалайнгаа
гүн руу шунгаад,

Бэришни мүнөө хэргээжэ гуламтыеш
нангинаар сахилсанаб.
Хадам шамаяа ханан, дурдан,
сайнгаа дээжые үргөөд,
Байдалайш унтархагүй мүнхэ ооголоонойш
сууряан мэтэб.

5

Сэлмэг найдалыш түрэнэн хүүгэдтээ
мүнхэлөөб гэхэдээ,
Үнэхөөрөө бэришни ашыеш харюулха
шэдитэйб гэжэ мэдэбэлби.
Сэдьхэлэйш найханда шүтэхэ гэнэн
хүсэлөө мэдүүлхэдээ,
Үнэхөөрөө бэришни дуушанби гэжэ
одоошье өөртөө этигэбэлби.

Һонин байна даа хүнэй байдал,
хуби заяан гээшэ –
Түрэнэн шамаяа ханаһан хүбүүнтэйш
адлил тэгүүлэлсэнэб.
Һарьдагташ абаашадаг үндэр хүтэлнүүдыеш
һарабшалдагам нюуса бэшэ –
Түрэнэн Зэдэһээм өөрэгүй түрэл
болошоош, гайханаб.

Баяртай, Баргажан Баабайнгаа
мэндые мэдэнгээ
Баргажан голоо зубшажа бишни
мүнөөдэр мордохом.
Баяртай, ямар ябаһанаа
хөөрөжэ дуулгахаа
Байгал далайгаа бараалхажа баһал
эрьедэнь зогсохом.

ХАНГАЙ БАРГАЖАН БААБАЙМНИ!

Уран зохёолшон Алексей Гатаповта зорюулнаб

Бүүргэ дээгүүрээ булган дэгэлээ хаяад,
 һалхинда намируулһан
Суутай, солотой ангуушадай орон,
 мэндэ амар!
Бугын дуугаар хүбшээ хүнхинүүлээд,
 дууень хурылһан
Сэнхир һайхан үзэсхэлэн нютаг,
 мэндэ амар!

Бартаа ехэ уулануудтаа тудахадаа,
 саһан малгайень намхалзуулдаг
Баргажан мүрэнэйм аянгын дуун,
 мэндэ амар!
Саһата сагаан Жабар үбгэнтэй
 үнгөө нэгэдэн халюурдаг
Сайбар хилганаар үерлэһэн таламни,
 мэндэ амар!

1

Арбан гурбан шулуун бунхануудаа жэрылгээд,
Хилын баханадал Хүльмөөһэн уула үндэрлэдэг.
Хоёр тээһэн сэрэг – хадануудаа жагсаагаад,
Амгалан байдалаймнай мүнхэ харуулда зогсодог.

Үүлэд мэтээр нютагаа урилхадаа хүнүүд
Зүн муутай зүүдэндээ үлдүүлһэн гэдэг.
Улаа бутараад, тэдэнэй орхиһон түүдэгүүд
Золоймнай мүшэд болонхой, оройдонь носодог.

2

Түмэр байсаараа ордон-хэрэм бодхоогоод,
Бөөлэн-Түмэр нуурай хүнхинэн бөөлэшэхэдэ,
Болор шулуун соогуур түрһэеэ хаяад,
Тула, сурхайн хатар нааданай эхилшэхэдэ –

Тэбхэгэр Тэрмээ* үбгэнэй хүүхэндэ дурлашаһан
Баргажан мүрэнэйм хонгёо дууниинь гунигтайхан.
Түмэр хэрэмһээ дэбхэржэ буугаад шуумайһан
Баатарай Улгана** дүүхэйдээ яарахань һайхан.

3

Шулуунһаа шулуунда дэбхэрэн, агнажа ябаһан
Суута ангууша Улгана дүүхэй залуухан.
Заяатаяа уулзаха газараа олохоор харбаһан
Шүлэг бэшэгтэй номо годлинь мэргэн.

Утынь харгыг заагаад, түрын түрүү –
Шэнэнэ, наһад дүхэриглэжэ оройгоороо гүрбэнхэй.
Уула хүбшэнь үбэр дүүрэн баялигаа
Жаргалтай хүүхэнэйнгээ бэлэг – заһалда бэлдэнхэй.

4

Улан-Хаанай хормойдо инагууд золголдоод,
Энхэ байдалайнгаа амин худар тэгүүлээ.
Эритэ юумэн эхэнэртэй бү нүхэсэг гээд,
Улгана дүүхэй номо годлиёо хуряагаа.

* Тэбхэгэр Тэрмээ – байсын нэрэ

** Улгана – хадын горхоной нэрэ, тэрэ Тэрмээ гэжэ байсын хормойһоо эхиеэ абадаг

Эндэһээл Баргажанайм эрэ хонгёо дуун
Алдашагүй мэргэн, аарашагүй сэсэн юм лэ.
Эндэһээл Баргажанайм үргэн ехэ ажабайдал
Ашатай, буянтай, дууһашагүй хэшэгтэй юм лэ.

5

Хүйтэн жабарынь үбэлэй шэдитэ һабаадал
Намарай ошолгоор нижаганаан буухадаа – шэрүүн.
Хүсэтэ байгаалиин асари ехэ тэмсэл
Нүүдэл хабараар туршахадаа – хара һалхин.

Тиимэһээл хүдэр томо хушанууд эндэ
Хүсэн дундаа хорёод һаһаяа голлуулдаг.
Тэдэнь сэмгэнэй гантама сэбдэг хүйтэндэ
Хэдэн зуун жэлые нугалан абадаг.

6

Барагар хара тугалай шэнээн шулуунууд
Бүмбэржэ холоһоо зүрхым залд гүүлэнэ.
Сагай наадаад мартажархиһан Буха шулуун
Сэхэ урдаһаам газар гэтэн хүлзынэ.

Элеэн дундаа шулуун болоод унаһан
Эртэ сагай тураг ехэ шубууд гү?
Эзэн хаанай сааза – хуулида хүлзыһэн
Эндэхи байгаалиин урлаһан али хүшөө гү?

7

Мориной хүлһэн, үжэһэн арһаар анхилдаг –
Аргалай шороб утаанһаа хаһаһан дайда һэн.
Мэлмэрһэн нулимсын хасар дээрээ мүльһэтэшэдэг –
Ахир хүнэй сагта төөришэһэн үе һэн.

Амиды ябаха эрхээ хайуулхан баатарнуудай
Сүлэлгын шорон түрмэ – орон бэлэй.
Амидын тама руу туулгаһан хүбүүдэй
Сүлөөтэ бодолые саазалха гүүлэһэн саха бэлэй.

Баргажанайм мүнхэ сагаан харьдагууд гэршэлдэг лэ –
Бодото бодолоороо мүнөөшье Кюхельбекер амиды.
Бартаа үүдыень сэлижэ холые хунгаһаар лэ
Баруулжаа хүтэрэлдэһэн нойргүй хүнинүүдэйн хамбы.

8

Хүлһэ гаргуулжа, хүн болгохо заабаритай,
Хүбшые хунгуулжа, баатар болгохо хургаалтай,
Эдир хүндэ тамир нэмээхэ аргатай,
Эмгэрһэн хүниие залуу болгохо шэдитэй

Сагнай һүүдэр-субаяа хуулажа хаяад,
Түмэр хүлэгүүдые хүбшэ руушни табилуулаа.
Түүдэгһээ түүдэгтэ дулаасажа ябахаяа болёод,
Сэбдэг хүйтэн дайдадаш дулаа асараа...

Мүнөө

Урагшатай үдэрым жолоодоһон мүрэнтэйш
Бишни яараһуу, Баргажан Баабаймни, баяртай!
Удаанаар айлшалха хүсэлым сагнай хүлээхгүй,
Байгал далайгаа бараалхахаяа ябахам, баяртай!

АХА ЗАХА ҮБГЭН БАЙГАЛНИ!

Барилдахдаа, шиираг залуу бара хүсэн –
Бууралхаа буурал Байгал Баабаймни,
ямар залуубши!
Амидаралда амин хайрата мүнхэ аршаан –
Агууһаа агуу Байгал далаймни,
ямар арюумши!

Мүнгэн нюргаяа ялас гүүлэһэн омолиин орон –
Сэбэрээрээ тунгалаг сэнхир далай,
мэндэ амар!
Миралзан ошодог үе сагуудай эрьюулгэ болоһон
Сэсэнээрээ гүнзэгы үльгэршэ далай,
мэндэ амар!

1

Мартагдаһан дурасхал – үнинэй юумэндэ
тамалуулдагым мэдэрһэндэл,
Мүнхэ нойроор шуһандам унташаһан
угсаатаниим һэрээнэ.
Үнэн юумэнэйм худал гүүлээд,
зобоодогынь дуулаһандал,
Үндэр байсануудаа шуухиран нюдаржа
сυχалаа гаргана.

Дохолон нулимсаа гоожуулжа, гэгэжэ
ябаагүйем хараһандал,
Мүльһэн хуягуудай һүрөөтэ харшалдаан,
байсануудай һайндэр – хүнхинөөн...
Далбагаа задалжа, холжоржо хүхихээ
ерээгүйем мэдэрһэндэл,
Мянгаараа хушуурһан мүнгэн тахатай
һүрэг хүлэгүүдэй табараан...

О, Байгални, найрлахаа бишни
ерээгүйлби, мэдыш –
Мүльһэнэйш хайлалгаар эрхэ сүлөөөш
хабар иигэжэ тэмдэглэнэ.
О, Байгални, эрьедэш зон
сугларшоол, анхарыш –
Мүрэн горхонуудшни үрдилдэн һагад
һэрилгыш иигэжэ амаршална.

2

Хүн гүүлэжэ нэрлүүлхэ гээшэ
бэлэн аад,
Хүнүүдэй дунда хүн ябахань
бэрхэл гээд шэбшэхэдэм,
Долгин гүүлэжэ долгилхо гээшэ
гоёл аад,
Долгидой дунда долгин байхань
хүшэрэл хаш гэхэдэм,

Хүдэр томо үбсүүгээ сэлеэд,
найтааха зуураа
Муу муухай хаядаһа богһоо
өөрыгөө сэбэрлэжэ байбал.
Хабсагайн шэнээн туулган хара
долгинуудаа эбхэрүүлхэдээ,
Муулар, найларай бог-зугаае
анхархаар бэшэ байбал.

Иимэл хадань сэбэрһээ сэбэр
сэдьхэлнай гээд,
Түрэл арадни дэмыдэ, юрэдөө,
магтаагүй юм байна.
Иимэл хадань даруу номгон
баатарнай гээд,
Дэлхэй дүүрэн соло, нэрыень
хүндэлдэг юм байна.

Эршэ тамираа багтааж ядаад,
 эмээлээ ябууд тохожо,
 Хайн хүнэй юһэн хүнэнэ –
 эрдэни бэдэржэ гарахадаа,
 Эсэжэ унатараа хонон, үнжэн,
 галһаа галда тэгүүлжэ,
 Хайн хүнэй үгэ бэдэржэ
 дэлхэй дүүрэн зайхадаа,

Дурлаһан хүүхэндэл улайжа, сайжа
 дураяа нюугаад,
 Дүлии, һохор байдал гээд,
 гомдохошые саг байгаа.
 Дүлэтэ наһаараа дуранай мүнхэ
 зула бадараагаад,
 Дэлхэй дайда байнал гэжэ
 ябааб даа залуудаа.

Шиниим элһэтэ шэжэр алтан
 эрье мэтэ
 Ажабайдалые тэгшэшые, эгсэшые юм гэжэ
 ойлголойлби.
 Шиниим элдэб – шэрүүншые, номгоншые
 долгид мэтэ
 Үгэ гээшэмнай хүсэтэйшые, ахиршые юм гэжэ
 мэдэлэйлби.

Далбагар ехэ хоёр далиингаа
 дзлеэн дунда
 Эмээлтэ хазаарые досоогоо багтааһан
 Байгални номгорно.
 Даамай ехэ агуу байдалайнгаа
 салгяан дунда

Эгээлэй намайе обёорхоор бэшэ
Байгални тэнюурнэ.

Энэ болохогүй юрьеэн шэнгеэр
ажабайдалым хануулаад,
Эдлэхэ гэхэн наһанайм хүсэн
энэл шэнги.
Эсэбэри ехэтэй ахир жэжэ
бодолым голуулаад,
Эмниг дуумни ургалуулаагүй зандаа
шуухирна шэнги.

5

Үбгэн Байгалдамни
Зүг бүриһөө зүрхэндөө хадагалжа ябаһан
уран дуугаа
Удхалан хангюурдаһаар гол мүрэнүүд
ураглан ороно.
Орон нютагаа домог болгон,
зорижо ерэхэнээ
Үльгэршэд мэтэ дууһахаар бэшэ
хөөрөөгөө эндэ эхилнэ.

Ямар зугаатай ерээбши гээд,
һонирхоһон мэтэ
Үүлэн үүдые үргэнөөр сэлижэ,
намайе урилсана.
Ямар угай хаанаһаабши гээд,
һурагшалһан мэтэ
Үбгэн Байгални буурал сагаан
һахалаа эльбэнэ.

О, ойлгобоб, угай һайниие
шэлэжэ, мэдэжэ,

Мүрэнүүдшые хадаа худа, ураглан
ерэдэг юм байна.
О, мэдэбэб, ухаанай найхание
шагнажа, сэгнэжэ,
Мүнхэ Байгални нүхэд болгожо
нүхэсэдэг юм байна.

Иимэл хадань сэсэнһээ сэсэн
Баабаймнай гээд,
Дурлажа хүн сэдхэлээ сэлмээжэ
бусадаг гээшэ ха.
Иимэл хадань үеын үедэ
үльгэршэмнай гээд,
Дууша нүхэдни шагнажа эрьһээнэ
далижадаг гээшэ ха.

6

Тэнгэри мэтэ эсэгэтэйшые хаа,
абынгаа богоһодо
Басаган хүн золой жолоо
барیداггүй юм гэдэг.
Дэлхэй мэтэ эхэтэйшые хаа,
эжынгэй хормойдо
Басаган хүн эхэнэрэй жаргалда
хүртэдэггүй юм гэлсэдэг.

Хэр ябажа, хэн болоһоноорни
һонирхоо хааш,
Хэтын хэтэдэ шамдаал тэгүүлдэг
Зэдэ мүрэнэй урасхалби.
Хэнэй үри, хэн байһаниим
мэдэнэ ёһотойш,
Хүшэр замайнгаа дэншээндэ дадаһан
сартуул угай дуушанби.

Төөрижэ ябаһаар түрхэмөө олодог
ёһо гэжэ бии –
Баргажан голоо зубшажа ябаһаар
ерээб гэнэб.
Томоотой бууралһаа үгэ дуулаха
заншал гэжэ бии –
Бахархал, гайхалаа хөөрөжэ зүбшэхөө
зорёоб гэнэб.

7

Хазагай зургыеш залан хэлэхэ
хүнүүд үсөөн ха
Хадые урбуулхаар зоригтой ябахадаш
нүхэд олон.
Тэсэмгэй ябахадаш нюдөөрөө шэрбэхэ
хүнүүдшые олдохо –
Тулюур ябахадаш үдэрэй баһал
тодхор байха.

Шалбаагта тэгүүлһэн ханаабай уһанда
харгынь тэгшэ –
Шамдам зоригһон горьхоной урасхалда
зүргэшые һаа – хүшэр.
Ашаанай тэргэдэ мөөрэй дуталдабал,
харгы холо –
Арюун сэбэрыеш сэгнэжэ шадаагүйбэл,
сэбэршэ ябалган – худал.

Шамдаа ерэтэрээ алдуутайшые, эндүүтэйшые
яһала ябааб –
Харгыем хороолсохо хүлэг дуумни
унаган хэмдээ байгаал.
Шулуутай, элһэтэй элдэбын эрьюулгэдэ
һаатажашые үзөөб –
Хойноһоом тууха хүсэтэ һалхимни
һэбшээн хэмдээ байгаал.

Мартаһанаа һанажа, нойроо сэлмээхэ
 хаһам ерээ –
 Дэншые удаан зүүдэндээ мэдүүлээшэм
 харатайл байна.
 Мэдэһэнээ, дуулаһанаа саашань дамжуулха
 наһан ерээ –
 Дүтыень хаража, дүтүүр гүйгөөшэм
 үһөөтэйл байна.

Зүгөөр би бээе сагааруулжа,
 муулар һайлараа тоолоходоо –
 Зүдэрхэдөө, тулихадаа түрхэмөө бэдэржэ
 ерээгүйб, этигэ.
 Элинсэг хулинсагтайм нэгэл угай
 байһандаш мүнөө –
 Эсэгэдээ мэтээр мэндыеш мэдэхээ
 ерээб, этигэ.

Үри хүүгэдэнь эсэгэдээ ерэхэдээ,
 дураяа дурадхадаг бэшэл –
 Тэнгэри мэтэ үндэр наһандань
 һүгэдэдэг бэшэ гү?
 Үри хүүгэдэнь эхээ тэбэрихэдээ,
 энхэрэлээ дурадхадаг бэшэл –
 Дэлхэй мэтэ хилэгүй сэдхэлдэнь
 шүтэдэг бэшэ гү?

Байгални анхархадаа:
 «Үбгэн бууралай үгэ дуулахаа
 һанаа һааш,
 Ажабайдалда нютаг дуталдабал,
 жаргал холо.

Үшөөл бирагүй, дуулажа шаданагүй
гүүлээл хааш,
Арад зондо хүргэхэ харгы
хүртэшэгүй холо.

Өөрсэ өөрын зүргэгүй хааш,
хүлэг олдохогүй –
хайн мориной хүлдэ гээшэ
аянда юм.
Өөрөө ахир өөдэгүй хааш,
нүхэд олдохогүй –
хайн хүнэй дуун гээшэ
арадта юм.

Өөрынгөө зүргөөр түрэн дайдадаа
ошожо хүгэдэ –
Энээнһээ бүхэ түшэхэ хэрэм
олдохогүй шамда.
Өөдэргэн дуугаа зондоо абаашажа,
сэдьхэлдэнь шүтэ –
Энээнһээ ондоо хилэгүй юумэн
үгыл, мэдэ.

10

О, Байгални, иимэл хадаш
нютаг бүхэн
Түхэл шарайгаа ерээдүйдэш
харадаг юм байна.
О, Байгални, иимэл хадаш
хүн бүхэн
Түрэлһөө түрэл сэдьхэлдэш
зоридог юм байна.

Дахижа ерэхэ аза талаандаа
найдажа,
Ородой ёһоор зэд мүнгөө
үргэхэм.
Дабшажал ябаха золойнгоо харгыда
зорижо,
Оюун шулууеш буряад ёһоор
үбэртэлхэм.

Омог мүшээ хүхэн дээрэш
мүнөө носоогоод,
Харихам даа, бусахам даа,
Байгални, баяртай!
Оһол гайһаа һаатаха гээшые
мэдэхээ болёод,
Хэлтыһэн эмээлээ заһажа мордобоб,
Байгални, баяртай!

ТҮРЭҺЭН ЭХЭ ТООНТОМНИ!

Амар сайн,
Агууһаа агуу, мүнхэхөө мүнхэ нютагни,
Айлшалжа шамдаа хүүгэншни ерээ бэшэлби.
Аянда мордохо дуратай үхибүүн хаһамни,
Аргагүйл һанаад, шамайе бэдэржэ бусаагүйлби.

Адха адхаар
Альган соом буян хэшэгээ адхажа,
Ямаршые намдаа мээхэй һэмши, нютагни?
Аянайм харгыда аза талаанаа үгэжэ,
Ямараар дахаа һэмши, үхибүүн хаһамни?

Баруун тээһээ
Хангай Баян Баабайм холоһоо мэндэшэлжэ,
Хонхо сэсэгээ жэнгируүлһэн нугам дуудана.

Хүмэг Ганжуур жалгам зүбхяа үргэжэ,
Хоолойгоо заһажа, һэбшээ һалхиие һүрьюулнэ.

Үдэр, һүнигүй сонходоо һуужа хүлээнэб гээд,
Үтэлһэн эмгэйм бэшүүлдэг бэшэгүүд һанагдана.
Үгы эмгэйм найдалые мүнөө һэргээгээд,
Үнинэй ерээгүй хүүгэнээ нютагни угтана.

Намайе үргэжэ энэ болгоһон тоонтомни –
Хөөрхэймниш даа, алтамниш даа, хүлисэ намаяа.
Наһаараа үгылхэ, тамалха гансахан хубимни –
Хүлээһээр намаяа маргаагүй аабзаш намдаа.

2

Гэрһээ мордоод,
Ашата нютагайнгаа нэрэдэ хүрэмөөр теэд,
Ажабайдалаа үргэжэ шадана гүб, үгы гү?
Наһаараа нютагаа домогложо ябахадам теэд,
Нютагайм зон баярладаг юм гү, үгы гү?

Тиимэһээл
Үримни ехэ – үдэр бүхэндэ ургана,
Урьһалбашье ажабайдал үглөөдэрынь нэхэнэ.
Үнэ сэнгээ заримдаа ойлгожо яданаб,
Үриие бусаажа шадахагүйгөөр али түрөө гүб.

Зүгөөр
«Үриие үреэр бү түлэ», – гээд,
Үбгэд, хүгшэд хажууһаам захяад һаланагүй.
«Үриие ажалаараа түлэдэг юм», – гээд,
Үе сагни онол аргаа хубаалданагүй.

Эндэл

Шамаяа досоогоо багтаагаад дуулажа хурахадаа,
 Үнэхөөрөө мүнөө шадалтайб гэжэ ханабалби.
 Шиниингээ шарайгаар шарай хэжэ ябахадаа,
 Үнэхөөрөө мүнөө хүнби гэжэ этигэбэлби.

Уулзаад,

Мэндээ мэдэлсэхэ ёһо гэжэ байдаг –
Сэнтэй үгэнүүдни теэд досоом бүглэршөө.
Мартаһанаа ханажа, хурагшалха гэжэ байдаг –
Сэдьхэлдэм он жэлнүүдни теэд худхаршоо.

Хэр ябаһанаа

Хөөрэхэ, дуулгаха заншал гэжэ байдаг –
Хэн болохоноо һанажа эгтээ яданалби.
Хүхихэ, тэбэрилдэхэ баяр гэжэ байдаг –
Харин би нулимсаа барижа шаданагуйлби.

Hahaapaa

Хүүгэншни үншэржэ ябана бэшэлби теэд,
Яатараа сэдхэлдэм дуталданабши,
зэрэлгээтэ Зэдэмни?
Хоёр хүүгэдэй эхэ болонхой аад,
Яараха гээшэмни аргагүйл шамдаа,
үхибүүн зандааб, нютагни!

Бананаб –

Газарай татасааа таһаржа ядаһан тэрмээлжэншни
Тэнгэри өөдэ дүүлихэ зориг олгодог хэн.
Галай ошондол хүл дороһоом сасарһан
Таршаа, голёонуудшни өөдэргэн бодол түрүүлдэг хэн.

Зүгөөр

Бэһеэн томо холоомо нюргадаа үргэлхэн
Шоргоолжоншье хаа, тамир шадалым голуулдаг хэн.
Шомшоролдон хагад хүшөөдэл сомсойһон
Борохон зумбараашье хаа, баһана гэхээр хэн.

Нэгэтэ энээгүүр

Хурын түрэ – нааданай хатарта обтожо,
Наһаараа наадаха хүсэлдэ баһал аблуулааб.
Һүүдэр татаһан харсагын элээнһээ һүрдэжэ,
Нюдаргаа зангидаад, өөрһөө баһал эшээб.

Мүнөө

Даараһан, үгыгөө үнидэ мэдэхээ болинхой,
Гэмэрхэ, үгыгөө ойлгожо хаянай яданхайб.
Таабаридал ерээдүйм дахинаа намайе зобооногүй,
Гайхажэ, гэлыжэ, энеэжэ ябахаа болинхойб.

О, нютагни,

Бүдэрбэлни, эхэ мэтээр нулимсым аршажэ,
Бодхоохо, дүнгэхэ хуби заяамни гэхэндээ,
Үлүү гарабал, «альган тарагташ» хүртэжэ,
Үнөөхил томоогүй үхибүүншни гүүлэхэ байһандаа

Мүнөөдэр

Сэсэгыеш таһалжа наадаха, хүхихые зорёогүй –
Өөрыншни түлөө өөрыеш амаршалхаа шамдааб.
Сагайш найханда бээс сэнгүүлхые хүсөөгүй –
Өөрыншни үршөөһэн дууе абажа ерээб.

Мүнөө хүүгэншни муу ябанаб гэжэ бодоногүйб –
Үндэрые абахадаашье, халижа унахадаашье шамтаяаб.
Мүндэртэ мэтээр байдалда сохюулхадаа гэгэнэгүйб –
Үнгэтэ юртэмсын удхыешье бэдэрхэдээ шамтаяаб.

Зонойнгоо

Холоһон ажалша гарые барижа мэндэшэлхэдээ –
Хүгжэжэл, һалбаржал байха шарайһааш уярааб.
Хүхижэ, үдэжэ ябаһан дүүнэрээ золгоходоо –
Хилэгүй, хэмжүүргүй ута наһандаш һүгэдөөб.

7

Хундага дүүрэн хүндыншни түрүү духаряада
Наһандам үргэлжэлхэ дуунайнгаа охиёе олооб.
Хадагтайгаар бариһан хүнэйн дээжэдэ
Нютагайнгаа зоной найдал этигэл харааб.

Эрхэһэн мэтэ бархираа гүб, яагаабиб?
Эльгээ хүмэрижэ, сээжэм шулуунһаа сүлөөлэгдөө.
Эсэһэн мэтэ зали абаа гүб, яагаабиб?
Энгэртэш нюураа бухажа, тамир орогдоо.

1984 оной майн 17

(Зэдын аймагта боложо үнгэрһэн литература болон
искусствын үдэрнүүдэй һүүлээр бэшэгдээ)

ХАНГАЙН ДУУШАНТАЙ СУГТАА...

(Замай тэмдэглэлхээ)

Республикын соел культурын хүдэлмэрилэгшэдэй табадахи съездые утгуулан, Ээдын аймагай ажалшадтай уулзаха, эндэхээ урган гаран Бурядаимнай мэдээжэ уран зохоолшон Даша-Дэмбэрэл Дармабазарович Дугаровай 50 наһанай ойтой дашарамдуулан, конференци-нүүдые үнгэргэхэ гэхэн түсэбтэ уулзалгануудаймнай һүүлшын үдэр...

Мүнөө нүхэрэйнгөө түрэн нютагта хүрэхэ хүсэлтэй аяар холо хүхэржэ байһан алас руу шуумайнабди. Нонин хорьмойгоо андалдан, машинайнгаа сонхоор хаял хууг нарын үлгэн дайда дэлхэйгээр гэшхэлжэ ябаһан үеые һайхашаахадамнай, хаа хаанагүй алтан намарай засагта мэдүүлһэн арсашагүй мүнхэ байгааалиин намжаа тэнюун байдал оршоно... Урда зүгтэмнай түхэл шарайгаараа, зан абаряарашье түбшэн даруу Гунзан уулын шэлэнүүд хойно, хойноһоон бидэнтэй сугтаа баһал һубарин урдана.

Харин хойто зүгтэмнай өө-мөөгүй үндэгэндэл халзан толгойтой гүбөөнүүд ганса нэгэн модонуудаа хүнхэр жалга, тохойнуудаараа гүрбэлзүүлэн бүмбэрнэ. Хараһаар байтарни, тэдэмни һаншагаа сайшаһан эртэ урдын үбгэдэй абар-табар һахалаа эмирэн, түрэ найртаа маһалзан һагад урданайнгаа ута дууе дуулажа һуһандал үзэгдэнэ.

Алцаг, Тореор ябабал, юрэдөө,
Ушарһан лэ хүншни дуушан байха гээд,
Анханһаа дуулаха табисууршьегүй һаа,
Уран дуундань аблуулагдадаг юм гээд,

Аяараа ерэхэн бодолым гэршэлхэдээ,
Эмгээгэйм хэлээшэ үнэн байхань ха.
Ангые дуугаараа агталдаг хадаа
Эльгэнэйм хүмэрисэ дуулажа, угтана ха.

Удангүй хойномнай Доодо Бургалтай, Оеор, Доодо Тори нютагууд үлэжэ, ошохо гэхэн газартаа дүтэлжэ ябанабди. Дүтэлхэ бүрээ минии мэдэхын ходоодоо түбшэн даруу, үгэ үсөөнтэй ябадаг Даша-Дэмбэрэл Дармабазаровичнай дуутай шуутай боложо, нютагайнгаа түүхэ намтар, нютагаархид тухайгаа уяран һагад хөөрөжэл ябана. Зүб даа... Ямаршье хүн түрэн нютагһаа мүнхэ юумые хаагууршье бэдэрээд олодоггүй юм гэдэг. Илангаяа нютагайнгаа нэрые нэрлүүлжэ, үргэжэ ябаха гэхэн табисууртай уран зохоолшын эндэ уярхань бидэндэ гай-

халтай бэшэ. Тэрэнэй үгэлэн хөөрөжэ ябахан хөөрөөе гэршэлһэн мэтэ Алцаг нютагай дүтэлхэ бүри хада ууланьшье, оршон тойронхи байгаалиньшье нэгэл ондоохон, ямар нэгэн үльгэрэй орон шэнгээр үзэгдэнэ гэбэл:

Эндэһээ

Бүхэн дээгүүрээ хүбшые тээгээд,
Томоотой түбшэн тэмээн хамбы алхална.
Баатарнуудые баатар угтадаг юм гээд,
Тэнгэридэ урагтай Хамар-Дабаан маһалзана.

Хаяадань

Дуушад дуушадтаа мээхэй юм гээд,
Дүнгэлсэжэ намхалзалан шэнэнэ, нарһад еохорлоно.
Шэмэг мүнгэн зүүдхэлээ шэнхинүүлээд,
Шулуунһаа шулуунда дэбхэржэ, горход бүжэглэнэ.

Удангүй жолоошомнай Даша-Дэмбэрэл Дармабазаровичай гуйлтаар үндэр эгсэ дабаанай хаяада машинаа зогсообо.

– Энээхэн дабаан дээрэ гарабалнай, нютагни альган дээрэ мэтээр үзэгдэхэ. Орой дээрэнэ гарахамнай гү? – гэжэ хэлэхэтээс сасуу тэрэмнай үндэр эгсэ хабсагайтай хада өөдэ ябажархиба. Хойноһоонь бидэшье: Буряадай хүндэтэ ахамад поэт, хаа хаанагүй эдэлжэ, арадай болошоһон олон, олон дуунуудай автор Чимит-Рэгзэн Намжиловч Намжилов, Зэдын райкомой инструктор Валерий Батуевич Базаров, Уран зохиолшодой холбооной жолоошон Виталий Ардуев бидэ дүрбэн баһал амияа абажа ядан, абиран нагад өөдөө тэгүүлбэди. Хорюултын үндэрэй оройдо одоошье гарахадамнай: хөөрүү хүнэй хэлэбэл, зүрхэнэй хахаршахаар гое хайхан байгаали, эндэ тэндээ алтан шэжэр зүүдхэлнүүдээ яларуулһан ой тайга, холынгоо аян руу зүдхэхэн Зэдэ мурэн, үбһэ ногоо, талха таряагаа хуряалгаһан таряалан, нуга сабшалан, нютагайнгаа харуулда зогсоһон мэтэ хада ууланууд дуулажа, гургажа байһандал тойроод хэлбэлзэнэ. Эгээл эндэһээ эдэ бүгэдые хайхашаан харахадам:

Арюундаа орохоор
яарашаһан намарые
зог татуулһандаа,
Хууг нарын
шара набшаһадай

халуунда хургажа бөөлэлгэн.
Амисхалайнгаа саглаанда
эсэс эхинтэйнь
оршолонгыг ябталхандаа,
Хээрын нэбшээндэ
Хорюултын үндэрэй
толгойгоо эльбүүлжэ дууралган.

Хаяа ханшагайнь
эгээл гол
худахан мэтээр
Зэдэ мүрэмни
бүлбэгнэн хагад
урагшаа, урагшаал бүмбэрнэ.
Хүбхэлзэн хүхэрхэн
шугынь бургааһад
манаяа умбаһаар,
Зугаагаа дэлгэн,
эрьеэ зубшаад,
дуутай шуутай саашална.

...Ябагаар ябабал барагдахагүй ута гурбан үйлсэнүүдтэй Алцагай совхозой түбэй контородо хүрэжэ ерэхэдэмнай, нютагай хүтэлбэрилэгшэд угтажа байба. Сагаа баража һуунгүй, уншагшадтайгаа уулзалгаяа үнгэргэе гэлсэжэ, удангүй уужам һаруул Соелой ордон руу оронобди. Хүн зон сугларшанхай, уран зохеолшод тухай статья болон номуудһаань бүридхэгдэһэн выставкэ эмхидхэгдэнхэй, номой дэлгүүр түлэг дундаа наймаагаа ябуулжа байба. Айлшад-зохеолшодойнгоо, мүн бусадһые олон, олон авторнуудай номуудые эндэ ерэхэн лэ хүн абаха хүсэлтэй оошорто зогсоно, автограф абахаяа хүлээнэ. Улаан Буланһаа баяан дээрэ хэнэйһыеб буряад дуунуудые гое хайханаар гүйсэдхэхэ дуулдана.

Удангүй Даша-Дэмбэрэл Дугаровай түрүүшын туужа болохо «Хара булган», «Хангай» гэжэ романаар уншагшадтай конференци эхилжэ, нютагай үндэр наһатай үбгэд, хүгшэдһөө эхилээд, алба хаагшад, ажалшад, хургуулийн багшанар, һурагшад эдэ номууд тушаань ханамжануудаа хэлэжэ, һонирхоһон олон, олон асуудалнуудые табижал байна. Нютагаархидайнь уран зохеолшынгоо ямар зохеол дээрэ хүдэлжэ байһанаар, хэр зэргэ бэшэгдэжэ байһанаарынь һонирхохоһые, юрөөлэй үгэнүүдые хэлэжэ, омогорхожо ябадагаа мэдүүлжэ, баярлахашье гээшэнь аргагүй. Илангаяа романайнь геройнуудые өөһэдынгөө дун-

даһаа олохо, нютагайнгаа «шэг шарайе» түһөөлжэ, автораарын хөөрүүлхэ, тайлбарилуулха дуратан олон...

Зүб даа. Энэл нютагһаа уран зохоолшон эдир залуу наһандаа хуби заяанайнгаа үндэр нарые дахажа, үргэн олон уншагшадтаа гараа бшуу. Эндэһээл тэрэ һургуулийн табсангаар эрдэмэй дабаан өөдэ дабхья, ажабайдалай халуун, хүйтэниие мэдээ, уран зохоолойнгоо эхин замай геройнууд тухайгаа, ажал хүдэлмэри, байдал тухайн эгээл түрүүшын хиеэ саарһан дээрэ бэшэжэ туршаа. Үшөө тиихэдэ эндэһээл тэрэ «То-риин колхозник» гэжэ газедэй редакцияда ажаллахаар уригдажа, жур-налистын хүшэршье, хүндэтэйшье замые эхилээ.

Тэрэ гэхээр уран зохоолшон бүхыдөө хореод жэлэй туршада энэ ажалаа үргэлжэлүүлээ гэбэл: Зэдын, Хяагтын районуудай газетэнүүдэй редакторай орлогшоор, оршуулагшанаар, литературын талаар таһагые даагшаар, мүн лэ «Буряад үнэн» газедэй тусхай корреспондентээр хүдэлжэ ябахадаа, республикынгаа хаа хаанагүй оршодог аймагуудай газар дайдаар зайжа, ерээдүйнгөө номуудай геройнуудтай уулзажа, хөөрэлдэжэ ябаһан намтартай.

...Уншагшадай энэ конференциин түгэсхэлдэ поэдүүд шүлэгүүдые уншажа, илангаяа поэт Чимит-Рэгзэн Намжиловой хүүгэдтэ зорюулжа бэшэһэн шүлэгүүдые анхаралтайгаар шагнажа, үргэн олон зондоо мэдээж болоһон дуунууд тушаань олон асуудалнууд табигдаа...

Газараа хороожо, ошоһон замаараа бусажа ябахадаа, энэ үдэшэндөө Доодо Бургалтайн клубта хүн зонтой уулзахадаа, ямар хөөрэлдөө үн-гэргэхэ тухайгаа наһамжануудаа хубаалданабди. Сагшье яһала бии. Тиимэһээ Даша-Дэмбэрэл Дармабазаровичнай түрэхэн тоонтотой зуу-рандаа харуулха хүсэлтэйгөө мэдүүлжэ, бидэшье Хадхалдааша нютаг тээшэ табилуулбабди. Харгыдаа ябаһан лэ газартамнай гое хайхан шэмэг дарамалнуудаа бидэндэ нэгэ мүһэн харуулха, үзүүлхэ гэхэндэл, шарайгаа хубилган угтажа байһан байгаалиин, хада уулануудай үзэхэлэн хайхание гайхалсаһаар, хоер талаһаамнай ербылдэһэн хоер ехэ Боон хадануудай хоорондуур гаранабди:

Анда нүхэдэй заншал сахин,
Болор мүнгэн гааһаяа агсажа забиланхай,
Аагтай тамхияа һорон, һорон,
Бэе бээдээ үльгэрөө түүрээжэ эсэхэгүй

Үльгэршэ хоер үбгэжөөл мэтэ
Хоер талаһаамнай Хоер Боонууд ербылдэнхэй.
Үзэхыешье үзэхэн наһатай бууралнууд
Хэнһээшье түбэгшөөхгүй сэдхэлээ гэтэнхэй.

Харин би

Барайлдаһан хоер баатарнуудай хэрэмдэ
Урьалгүйгөөр ерэшэһэн аяншан мэтэ гэлынэб.
Бугаагтаһан шулуун ханануудайнь хүрээлгэдэ
Уужам дэлхэйһээн таһаршаһандал хараашалнаб.

Хүмэг хабсагайнь хабшал бүхэнөөр
Мандаһан тугуудай намилзаае харанаб.
Мүнөөшье болотор дайсанаа бүхэлхөөр
Харуулда зогсоһон мододой хэргэгыг обеорноб.

– Граждан дайнай үедэ энэ Хоер Боонуудай хабшал хабсагайгаар нютагай ангуушад хорожо, сагаантанай бүлэг отрядые амадажа, саашань нютаг руугаа табингүй, эндэнь бута сохиһон юм гэлсэдэг, – гэжэ хөөрэхэ зуураа Даша-Дэмбэрэл Дармабазаровичнай дайнай үедэ нүхэдөөрөө үбһэн дээрэ хүдэлжэ ябадагаа, комплексно бригадын бригадирай туһалагшанааршые, мүн лэ колхозойнгоо үмхиржэ муудаһан гэр бараа болоод малай байра, хореонуудыг нэһлэбэн заһажа, дарханшые болоод ябадагаа уяран һагад хөөрэнэ: «Юрэдөөл ямаршые хүндэ хүшэр ажалһаа арсахагүй, эсэхэ сусахышые мэдэхэгүй наһамни байгаа даа. Тээдшые бидэнэй найдаха, хараха хүн гэжэ тиихэдэ үгы байгаа шахуу. Нургуулиин наһанда ябаһан бидэнһээ бэшэ ондоо эрэшүүл нютагтамнай үгы. Булта дайнда мордонхой, хүгшэд, үбгэд, һамгадай урдаа хараха «эрэшүүлэнь» ябаа гээшэ гүбди даа» гэхэ мэтээр хөөрөжэ ябахадынь, эжэлүүдгүй досоом шүлэгэй мүнрүүд түрэнэ:

Шараа нүсэгэн сабшалан дээгүүрын
Моридойнь урилдаһан табараан дуулдаад,
Шууяһаар үнгэрһэн он жэлнүүдын
Моридойнь хэмнэнһэн зайгаар эрьежэ ерээд,

Түмэн-Дэмбэрэлэй орой дээгүүр
Наран арюундаа орохо тээшээ жарганхай.
Далайдал гэрэлын хүлэгүүд мэтээр
Нюргаа бүхылгэһэн нүгөө хяраһаа үүрхэнхэй.

– Нютагтамни мүнөө хэншые үгы даа, булта иишэ тиишээ нүүгээ. Гэбэшье таряагаа тариха үргэн таряаланай газартай, малаа бэлшээхэ дэлгэр баян бэлшээритэй, захигүй ехэ нуга сабшалантай, уһа булагтай нютаг байһан аад лэ, колхозуудыг хамтаруулгын үедэ орхигдоһондонь заримдаа намда харамтай боложо, досоом бүглэршэхэдэл болодог. Урдань

яһала ашаг олзотой колхоз байһан юм лэ даа, – гэхээр, хэды шэнээн толгой адуу малтай, хэды шэнээн үбһэ, таряа хуряжа абадаг байһан тухайнь, урдань эндэ тоо бүридхэгшөөр хүдэлжэ ябаһан хүн гү гэхээр хургаа даран, хөөрөжэ ябатарынь, нэгэ мэдэхэдэ, өөрынь тоонто, эхэ, эсэгынь бууса болохо Хадхалдааша нютагта хүрөжэ ерэнхэй байбабди. Зүгөөр:

Һүүдэгнээд үнгэрдэг һүүдэр болошоод,
Үйлсөөрынь ябахадаа, нарамни хиртэшөө гэхээр
Хэнэйшьеб ханяһандал, һалхин һүрьеэд,
Уйтаршоол досоом замайнгаа нүгшэһэн мэтээр.

Шэнээгүй гараараа һарабалһан шэнгээр
Һалаг эмгээнэртэл, эзэгүй гэрнүүд үзэгдэлэй.
Һохор харалган нюдэнүүд мэтээр
Шэлгүй сонхонуудын угтажа, зүрхым сошоолой.

Тэндэһээ дүтын хаража, Хиитын дабаагаар бусаха тээшээ мордобди. Дайнай урдахи 1936-1937 онуудта хэн...Мүнөө бидэнэй ябаһан эгээл энэ харгы табилганда уран зохоолшын эхэ, эсэгэ үлгьтэй хүбүүгээ хуһанһаа үлгэжэрхеод, үдэрөө дууһан хүдэлжэ гарадаг байһан юм ха. Эсэгэнь – Дугарай Дармабазар гээшэ нютаг дээрээ суутай ангуушаншье, адуушаншье ябаһан хүн. Эсэгэ ороноо хамгаалгын Агууехэ дайнай эхилхэдэ, абын гурбан хүбүүд болохо аха дүүнэр дайнда мордожо, гурбуулан тэндэһээ бусаагүй: уран зохоолшын эсэгэ Дармабазар 1942 ондо Сталинград шадар болоһон тулалдаанда, харин нүгөө абганарын гэбэл, Агбаан – Смоленскэдэ, Данзанжаб – Польшодо унаа. Юу хэлэхэб, оройдоол гушаад үрхэ айлтай энэ Хадхалдааша нютагай зуу гаран хүлэг-хүбүүд тэрэ дайнай дүлэнһөө бусаагүй хэмнай.

Тиигэжэ уран зохоолшон наадажа ябаха арбаад наһандаа ажал хэжэ, гэр бүлөө тэжээхэ хүмнай гүүлэхэхээ гадна 12 наһанһаа агнуурида гаража, эрэ болобо гүүлэхэдэ – дайнай үеын аханар, эсэггүйгөөр хүн болоһон, бөөжээгүй жаахан бэе дээрээ үлдэхэ, даарахые, ажалай хүшэрье үзэжэ гараһан олон, олон эдир жаахан үеын нүхэдэй тэрэл хуби заяан хэн. Зүгөөр үншэрһэн үхибүүндэ наһанайнь наран урбаагүй, Эхэ оронойнгоо, эжынгэй, нютагаархидайнгаа ашаар үргэн дардам зохоолойнгоо замда тэрэ гаражал ябаа.

Мүнөө эндэ:

Шэниисэ таряагаа хадажа дүүргэһэн
Хадуур һарашье амархаа һанаба алтай.
Хиитын дабаан дээрэһээ малайһан
Шэнын юһэнэй һара дээрэм маһалзанхай.

Эндэ тэндэхээм симфони мэтээр
Байгаалийн мүнхэ абяанууд дуугаа үгэнэ.
Энэ наһандам замхахагүй шэнгээр
Байдалайнь сууряан түрэлөө досоом олоно.

Азарга сагаан хуһанай мүшэрһөө
Хуһан үлгын дүүжэндэхые харанаб.
Али байгаалийн мүнхэ амидаралһаа
Хүнэй үрийн тэнжэн бододогые ханаба гүб?

Шэхэндэм шэнхинэхэн үлгын дуунһаа
Хонхонь мэтээр жэргэмэлэй дуун адхарна.
Согсолшогүй ута наһа үреэлгэхээн
Хүбшөөр дүүрэн хүхын донгодохо дуулдана.

Үгэ андалдаха хүнэй үгьдэнь
Нарьдаг тээһээ бугын урамдаан зэдэлбэ хэбэртэй.
Хүсэн дундаа голлоһон хушануудын
Һамар борбоосгойгоо даажа ядан һагсалзанхай.

Модонһоо модондо хүрэжэ мүнөө
Хэрмэ, булганууд түрээ хэнэ гэхэмни,
Мүшэр тэрэнгиие хухалһаар гарахадаа,
Хүбшын эзэн засагаа мэдүүлнэ гэхэмни –

Нэгэ нэрьежэ, нэгэ зэдэлээд,
Байгаалийн дууша гээшэнь эндэ аргагүй.
Нэгэтэ амияа нэгэдэн һуугаад,
Бархиран һагад дуулаха дурам хүрэлэй.

Эндэ хэдэн номой автор, ангуушан, наһанайнгаа нүхэр Лариса Намсараевнатай гурбан хүбүүдые хүн болгожо табиһан эсэгэ, хэдэн ашанартай, арад үргэн зондоо хүндэтэй, буурал сагаан боложо ябаһан нютагайнгаа аха заха нүхэрөөрөө омогорхон хөөрэхэ болоо һаам, энэ наһаниинь эндэхи Хангайн дууһашагүй һайхан үльгэр мэтэ гээшэ ааб даа. Тиимэхээ хүшэршье, хүндэтэйшье зохоохы ажалаараа үшөөшье олон хүтэл, дабаануудай ялбама үндэрые абажа, шэнэ, шэнэ бүтээлнүү-дээрээ хүн зоноо баярлуулжа ябахыень юрөөхэ байнаб.

1986 оной ноябрийн 20-до хэблэгдэхэн
«Буряад үнэн» газетэхээ

АМАР САЙН, ХАСАГУУДАЙМ ОРОН!

Поэт Даша Дамбаевай дурасхалда зорюулнаб

Сэдьхэл – һэшхэлымнай гэгээрүүлхэ соёлой
зула боложо бадархан
Элинсэгэйм түшэг – Хамбын дасан,
мэндэ амар!
Ерээдүй руумнай дугшуулха гэхэн эрдэмэй
ном сударнууд –
Жаахандам хүртэшэгүй үльгэрэйм орон,
мэндэ амар!

Түүхыншни үүдэндэ хүрэжэ ерээд,
дуугай зогсоходоо,
Хэдэн зуун жэлэйш ашаа тээһэн
хамбы мэтэб.
Хуби заяагаа үбэрһөөш олоод,
таабариие таадагтал,
Таамаг ерээдүйе мэдэхые хүсэһэн
үльгэршэн мэтэб.

Сагуудай урасхалые гэдэргэнь бусааха
шэдитэй бэшэдэм,
Үе сагайнь долгёор хасагуудай бэшэг
намда ерэхэгүйл.
Сагай эрьюулгэдэ тунаһан хүнүүдһээ
һурагшалха бэшэдэм,
Үнгэрһэн тэдэ үе сагууд
миниихеэр бусахагүйл.

Һэлмээ һугалбал, урбагшадаа хүлисэхэгүй –
харбалдахадаа шэрүүн
Үбгэ эсэгэнэрэйм – хасагуудай орон,
омогорхоноб шамаар!
Хартан дайсанаа дарахадаа тунхарихагүй –
тулалдахадаа хатуу

Угаа орхёогүй сонгоол угтан,
мэндэ амар!

1

Анда нүхэдэй хани халуун
уулзуур байһан хадаа
Анханайнь найдал гүүлэһэн Сэлэндүүмэ,
солыеш дуудахам!
Зоноо зонхилһон засаг түрын
хүүргэ байһан гүүлэхэдээ,
Задалаагүй бэшэгни аалши, Сэлэндүүмэ,
түүхыеш уудалхам!

Тэрэ гэхээр хэды дахин
үерлөөб Саг,
Тэды шэнээн эрьень нуража,
хилэнь эбдэрээ.
Тэрэ гэхээр хэды дахин
хубилааб Саг,
Тэды шэнээн шэрүүн түүхын
эхин гэгдээ.

2

Сэлэнгэ мүрэнэйм миралһан долгидые
зайдаар унаад,
Һэлмээ далайһан хасагуудай һүүдэрнүүд
мүнөө оодоруулна шэнги.
Сагайнгаа эри дээгүүр холжорон һагад
эрьеэ мүргөөд,
Салуу сагаан добон-хүшөөнүүдээ
һарабшалһаар сухаринашье шэнги.

Үбгэ эсэгэнэрэйм хилэ хэмнэжэ
үнгэргэһэн наһан

Сагта төөрижэ харюу олоогүй
асуудалыншые олон бэлэй.
Ульгэр бэшэл шэрүүн намтарайнь
хуудаһа бүхэн –
Зэрэлгээн болоод, сагые ахинхай,
эндэ үзэгдэнэшые хэбэртэй.

Ульгэрэй оронһоо нүгэлтэ дэлхэйдээ
эрьен бусахадаа,
Эзэн хаанай албанһаа тиихэдэ
табигдаагүй зандаа аал?
Үүр хираанай толон сооһоо
гаража ерэхэдээ,
Эндэл хүшөө болон унаһанаа
ойлгоогүй зандаа аал?

3

Дэрлэжэ унтадаг эмээлын мүнөө
дэгнүүл болошоод,
Дайда дүүрэн харадаг зүүдыень
манана ха гү?
Энэл дайдаар эрхэ сүлөө,
жаргалаа бэдэрээд,
Элинсэг хулинсагайм нойрһоо һэрилгые
амаршална ха гү?

Галуута нуурай мұльһэн дээрэхи
хасагуудай буһалгаан
Төөриһэн арадайм тэмсэлэй эхиие
табилсаа юм лэ.
Галуута нуурай долгид дээрэ
улаан тугын намираан
Түрэл Буриадтам хубисхалай эпохые
асаралсаа юм лэ.

Мүнөө
Галуута нуурайм намтар –
хүтэлнүүдэй үндэрые абалган.
Алас руунь
Зайн галай
түмэр аранганууд
алхалан ошоо.
Галуута нуурайм мүнөөдэр –
золоймнай ехэ зэрэлгээн.
Үглөөдэр руунь
Эрэлхэг нүүрһэшэдэй
хүсэн түгэс
илалтын дохёо...

4

Эндэл
Тэсэжэ һуухагүй, тэмсээд унадаг
баатар угай
Түүхын бурмаһаа абажа гараһан
эрэлхэгтэнь дурланаб.
Түшэхэ гэбэл, мэхэгүй сэхэ –
сонгоол зонойнь
Тангаригтаа үнэн, нүхэсэбэл эрхим
абаридань һуранаб.

Мүнөө
Үринэрөө үдхэжэ, байгаалиин хэрзэгы
мэдэлдэ үгөөд,
Дууладаг лэ дуугаа дуулаһаар галуунууд
үндэрые абан арилна.
Урдын хасагуудай мартагдаһан дуунууд
тэдэнэй мордолгоор
Добын орой, нуурай эрьеэр
сууряан болоод эдэлнэ...

АЯ ГАНГЫН ОРОНДО

Поэт Дондог Улзытуевай дурасхалда зорюулнаб

Амар сайн,
Түмэн жэлэй зэрэлгээн сооһоо хүхэрдэг
Тархи эрьюулмэ ая гангата нютаг!
Хярынгаа саанаһаа улыһэн нарые үндылгэдэг
Хатан Хёлгын түшэг-баабай Хайранга!

Наруул найхан шарайеш нюдөөрөө гайхажа,
Талаамни мэдүүжэн, дуунайш мэдэлдэ үгтэхэм.
Худын түрүү – нэрэ хүндээ нанажа,
Түрэдэш нуулсаха азатай байһанаа мэдэрхэм.

1

Улаан бургаһата шугынь шуужа хүлгөөд,
Ногоон пулаадаараа даллан, угтажа байгаал.
Улаан Хадань үндэр байсаараа һарабшалаад,
Намае угтахаар һэбшээ-хүлэгөө эльгээгээл.

Дабаатын хүтэлһөө буужа ябахадам тэрэн
Дардам ута харгыем Шэбэртэ руугаа хүтэлөөл.
Ногоон долгёор үерлэһэн сэсэгтэ нугань
Найраа наяруулхаяа арзаяа нэрэжэ һуугаал.

2

Улаан Хада
Шэнэһэтэ ногоон үдхэн һорьмоһоо буулгажархёод,
Шулуун табсандаа хүнэй ерэхые хүлээнэ.
Шэмэжэ намае шадалтай бологты гээд,
Шүдэ гантама хүйтэн аршааниинь мэлмэрнэ.

Үндэр наһатанай үргэл болгон орхихон
Хатахагүй нулимса мэтээр зэдэнүүд ёлойно.
Хүгшэдэй ханаашаар, үбшэн тахалһаа хэргылхэн
Үринэрэйнх нахюуһан – бүдэй зурууд нарбана...

3

Түүдэг табинхай хүрьгэмни намаяа дуудана,
Хэлэхэ гэхэн үгэ хүүрэмнай захагүй:
Хүлэйнгөө холотор яһала зайгааб гэнэ
Тээ тэрээгүүр Дондог ахаяа даханхай.

«Үнэтэ шулууень олоо һэн гүбди, үгы гү,
Хайр шулуунһаа торон, унан дабшалхадаа.
Үгыень тиихэдэ үгэшээдэг һэн гүб, үгы гү,
Хаанаһаа теэдшые ойлгохо байгаабиб үнэндөө.

Үдэрөө дууһан зайгаад бусахадам угтаад,
Һанаагаа зобоһон төөдэйм гэмэршэдэг бэлэй.
Үнэтэ шулуугаа үглөөдэр олохобди гээд,
Хүнжэл руугаа бинь бухашадаг бэлэйб.

Жаахандам бэдэрүүлдэг үнэтэ баялигнай мүнөө:
Нютагаймнай түһөө шарай – өөрөө байгаал.
Нэгэнтэ бэшэ уулын оройгоор зайлгамнай одоо
Нютагаа магтаһан дуун боложо зэдэлшоол».

4

Улзытэ Хаан

Орожо ерэхэн айлшадтаа мээхэй аад лэ,
Үбэрөөрөө түбхинүүлжэ, үнэр һуулгадаг юм гэдэг.
Ошохо, орхихо болоходонь үншэрдэг аад лэ,
Үсэд дуудалгаараа хүниие табидаггүй юм гэдэг.

Хүбүүдэйнь
Шүлэг дуунууд хүнэй сэдхэл буляагаад,
Шэнхинэжэл, дуудажал байдаг гү даа хүнүүдые?
Шэбэртэнь «шулуун дээгүүрээ миралзаад»,
Шэбэнэн хагад эбхэнээр гү даа утынгаа харгые?

АМАР МЭНДЭ, УЛААН-ҮДЭМ!

Яарахан гээшэмни аргагүйл шамдаа –
Нойrhoо гарашоод харгыда ябаалби.
Яатараа хүлээжэ дуудаабши намаяа
Нютагуудай мэндые хүргэжэ ерээлби.

Үри хүүгэдээ
хүлээжэ ядашахан
Үнэр эхэмниш
Улаан-Үдэм!

Найман хоногоор хахасаад шамһаа
Наһаараа зайжа ябаһандал ханагдаа.
Нүхэсэлэй дүрөөдэ уяраашье хаа,
Нүхэрөө, хүүгэдээ үгылөөб одоо.

Жэгтэй даа,
нэрэдэш хүрэмөөр
Шадаха болохоороо
ябанаб, гуламтам!

Нютаг бүхэнэй наран арюун –
Жолооень гэр тээшээл залааб.
Нютаг бүхэнэй зугаа найхан –
Жороо удхыень шамдаа асарааб.

Урмашахаш даа
 золойнь түлөө,
Үгын найханаар
 үрeэхэш, мэдэнэб.

* * *

Хоёр гарайнгаа хүсэтэ дэлисээр
Сэлэнгын хоёр эрьеые холбоод,
Хоридохи зуун жэлэй оодороогоор
Сэлeэн нютагуудайм ханал ниилүүлээд,

Сагаан манан
 үүдээ сэлиһэн
Сэлэнгымни хүүргэ
 мэндэ амар!

Залгаа олон замуудые агшаажа,
Зүрхэн соогоо эбхэн абаад,
Заводуудайнгаа үндэр хоолойе үлылгэжэ,
Сортоотой задарюун дуугаараа угтаад,

Урагшатай ажалай
 охёор амилһан
Улаан-Үдэмни,
 мэндэ амар!

Оройгоороо хүлэгэй һүлдэ хиидхүүлһэн
Олоной омогорхол оперой ордон,
Оюутанай хүдэр далаар дэбиһэн
Онһон шэдитэ автомaдуудай орон –

Бахархажа шамаар
 хананагүйб хотом!
Бусабаб шамдаа
 Улаан-Үдэм!

* * *

Харгыдаа эсэжэ, сайгаа шанаад,
Ундаа харяан, тамир ороһондол,
Хүлэгөө гамнажа, эмээлээ абаад,
Үе ногоондо табижа амаруулһандал,

Бусаад шамдаа
аянай харгыһаа
Бээм хэргэнэ
Улаан-Үдэм!

Ябаһан газартаа манайхи гэнхэй,
Яаралгүй ябадаг зайгуул бэшэдээ,
Ямба хүндэнөө шамаяа мартаагүй,
Яараад шамдаа аргагүйл бусадагтаа

Далая хумихадам,
хүлээн абадаг
Далайдал байдалайм
эрьемни гэнэб.

Урмынгаа аза талааниие туршажа,
Дахинаа аянда бэлэн болодогтоо –
Үдэ һодоёо сэбэрлэн зэнэжэ,
Дуунай мундаргада дахинаа зоридогтоо –

Ниидэхэ гэхэдэм
тамир үгэдэг
Наһанайм дардам
аэродромомни гэнэб...

1980 он

Подстрочный авторский перевод

ИЗ ПУТЕВЫХ ЗАМЕТОК

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ОТ АВТОРА

В 1980-х годах прошлого века, бывая в Еравне, Закамне, Оке, Курумкане, Баргузине, на озере Байкал, Джиде, Селенге, Бичуре, Тунке, Аге, в районах Иркутской области, я успела-таки написать предисловия к своим поэмам. Каждая из поэм должна была состоять из улигеров и легенд этих мест, но известный в ту советскую пору поэт Владимир Петонов написал на 12 страницах критические рецензии и погасил мое вдохновение и задумку.

Причиной стало то, что в то время работающий заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации Шагдуров Дагба Бальжанович сказал мне, чтобы я принесла рукописи моих стихов, т. к. он может помочь мне издать книгу, и я стала готовить целую рукопись. К ней, кроме стихов и поэм, добавила неоконченные поэмы вместе с предисловиями и отдала ему, и он мои рукописи почему-то отправил в Бурятское книжное издательство.

Вскоре позвонил мне работавший редактором Бургица поэт Владимир Намсараев и сказал: «Если хочешь познакомиться с рецензией на рукописи твоих произведений, присланные нам из обкома партии, то можешь прийти». На следующий день я отправилась в книжное издательство, прочитала эти рецензии, и чуть не упала...

Хочу привести вам маленький отрывок из этой рецензии, чтоб вы имели представление, почему она произвела на меня такое шокирующее действие.

«Ознакомившись с вводными частями к поэмам о районах республики Галины Раднаевой, я хочу сказать, что они не похожи на стихотворные сочинения, написанные бурятской женщиной-поэтом, а написаны будто обыкновенной и ничем не примечательной прозой иностранного туриста. Приветственное слово «Амар сайн» («Здравствуйте») взято у поэта Дондог Улзытуева, и притом стилистика поэм напоминает стилистику стихов Владимира Маяковского, что никак не совместимо с установками Советской власти, в поэмах много встречается обыкновенных разговорных речей из области религиозной тематики, плюс ко всему этому – то, что поэмы написаны в сказовых стилях народного творчества, то это почти является плагиатом. В то же время в поэмах много пустых бурятских слов, которые отсутствуют в словарях бурятского языка...» – и все было написано в таком духе...

И тот, кто заказал рецензию Вл. Петонову, и сам Петонов, что накатал такую вот «рецензию» – были одинаково «хороши», но время было такое... Если мягко выразиться насчет этих «рецензий», если брать во внимание русских и известных мировых классиков, то я поняла, что они не читали произведений поэтов, а если и читали, то никто из них не

сделал никаких выводов, каждый из них, видимо, варился в собственном соку. Например, если брать во внимание произведение «Сокровенное сказание монголов», переведенное С. Козиным, оно хранится в московской Государственной библиотеке имени Ленина, и наш писатель Исай Калашников свой роман «Жестокий век» написал после прочтения переводов «Сокровенного сказания», хранимого в этой библиотеке! Сама я лично посещала эту библиотеку, чтобы прочитать переводы Козина.

Если дальше поведать, то Александр Пушкин написал свое повествование о старике и старухе и золотой рыбке по рассказам своей няни, написал свое стихотворение «Я памятник себе воздвиг нерукотворный», следуя стихотворным строкам древнеримского поэта Горация. Кто читал басни Эзопа, тот обязательно вспомнит басни И. Крылова. Не говорю, что они буквально взяли целиком то, что написано и переведено, но они интерпретировали все по-своему. Неужели после прочтения рассказа Хоца Намсараева «Смерть сирот» мы должны сказать, что он спланировал его из произведения «Море улигеров»? Если начну приводить такие примеры, то получится увесистая литературоведческая книга...

Если бы мои «рецензенты» читали классиков мировой и русской литературы, поэтические произведения, имели бы свое представление о поэтических канонах, и вообще о поэзии в целом, то не писали бы подобные «рецензии» как у Владимира Петонова. Ладно, что написано, то написано. И вообще, стоит ли обращать на это пристальное внимание и тратить свое драгоценное время?

Подобные «рецензии» писал не только В. Петонов, людей, которые были против моего творчества и выливали на меня всякую грязь, на самом деле было немало. Таким вот образом, в начале 1990-х годов, когда изменилось время и все вокруг обрело иной взгляд, решила я покончить со своим творчеством, остановить свою стихотворческую деятельность и однажды ночью вместе с семьей уехала жить в родное село.

Вскоре после этого получила письмо от стариков из Алцака и Торея, где они просили меня записать историю сартульского народа, фольклор, пока они еще живы сегодня. В письме они писали, что «кроме Вас никто этого не сделает, никто не запишет историю сартуулов и не выпустит книжку». Получив такие вот письма, недолго думая над этим, поехала в село Алцак, встретила с их авторами, поговорила с ними и начала работу по сбору фольклора. Даже были люди, которые спрашивали о том, почему я эту работу начала с западной стороны, а не с восточной...

С тех пор мною написано 18 томов работы по фольклору, пока готовила 19-й том по иркутским бурятам, разразилась эпидемия коронавируса «Ковид-19», и прошлым летом, уехав в родное село, приступила к начатым работам по поэзии тридцатилетней давности. Речь идет о

незаконченных и законченных стихах и поэмах, а их у меня оказалось огромное количество!

Таким образом я сожгла две коробки стихов. И подумала – пока буду работать над ними, завершу и создам электронный сайт, на все это может не хватить времени. С одной стороны, вроде правильное решение приняла, ну а, с другой стороны, как-то жалко стало свои работы... «С какой страстью работаешь, солишь собралась свои стихи!» – говорил мне муж Абида. Иногда я вспоминаю эти слова.

Мои стихи подвергались цензуре и оценивались по тому, на какие темы они написаны, и, исходя из этого, создавалось некое мнение обо мне. Поняв, что моя поэма «Огонь в очаге» не сможет быть издана на бурятском языке у себя в Бурятии, я издала ее в Москве, на русском языке.

У меня было совсем иное мнение о докладе ученого Гунги Туденова. Его доклад «В каком направлении должна двигаться бурятская литература?» вызвал во мне протест, и мне хотелось вести борьбу против такой точки зрения, но смолчала. Из бурятских поэтов, пишущих на бурятском языке, никто бы меня не поддержал, осталась бы я тогда со своим противоположным мнением в одиночестве. И в то же время я была знакома с позицией некоторых учителей бурятского языка и литературы, которые были воспитаны на стихах 1930-50-х годов, и чтобы понять, какой же должна быть новая бурятская поэзия, они должны были быть знакомы с русской или другой поэзией. Но они не знали ни русскую, ни другую поэзию, и жаловались, что не понимают стихов Галины Раднаевой. Я была слышана об этом. Думаю, что и сейчас найдутся люди, которые будут говорить, что не понимают, о чем я хотела сказать во вступительных частях своих поэм...

Пока я собирала народный фольклор, который является источником богатой культуры и искусства бурятского народа, его традиции и истории, истории шаманизма и буддизма, пока я собирала и выпускала книги, прошла будто целая эпоха и вся жизнь...

Но все же на мои 5 томов книг «Царица, мать моя Джиды» и 9 томов из 18-томного собрания сочинений, которые уже изданы, на сегодняшний день никто не написал ни отклика, ни рецензий, и это меня немного удивляет, конечно. Но время рассудит, нужны они были или нет.

Автор

НА РОДИНЕ БАБЖИ БАТОРА

Памяти поэта Намжила Нимбуева

Сейчас
Степенно шагающий по сопкам снежным
Дед-Мороз
трубит старинным бурез*, прославляя
жизнь на земле.
С заиндепевшими ресницами
река Эгэтэ храпит –
памятью погруженная в голубую ая ганга,
сон свой пасет.

Была пора моей веселой юности –
встречая меня, переполненную удивлением,
помнят ли озера, словно глазами глубинных веков
перемигиваясь между собой?
А я помню, было лето...
моя юность в зените своем пела вовсю.
– Здравствуйте, теперь снова я здесь,
сосновая моя Еравна, – говорю.

Одиннадцать сыновей ты нарекла
именем отца,
баторов ты многих –
родина Бабжи, добрый день!
Родину отца знаменами
дух его поднявшее,
гимн воспевавшее
гордое племя, здравствуйте!

Каменный загон, из горы
выдолбленный батором,
найти общий язык с тобой
и выразить мысли мои разрешит ли?

* Бурез – труба, духовой музыкальный инструмент, применяющийся в буддийской практике

Путеводитель мой – вершина Дархиты,
телеграфными столбами
поведавшая мне улигеры, расскажет ли
о жизни народа своего?

1

Когда ты в дальнем пути,
 благословением полно время,
поют километры
 под копытами гнедого-бегунца.
Без скрипа несутся сани мои, разрезая
 снежную долину,
рвется степной горизонт, отмеренный когда-то
 песнями Намжила, сверстника моего.

А зимняя ночь словно хочет со мной поделиться
 запоздавшими мыслями,
приглашает меня в круг молчаливых
 от мудрости звезд.
Сквозь лучи серебряным блеском
 мелькнувшего времени
при падении с криком звездной кометы,
 усиливается камлание жабара*.

2

В чашке молока призывно возглашавшего «Хуры!»**
 Седого Старика***,
в семенах, вздрагивающих во мгле
 грудной долины,
в звездах, собой увлеченно
 скользящих по льду,

* Жабар – ветер-верховик (резкий и очень холодный ветер, обычно дующий с верховьев пади)

** «Хуры!» – призывание счастья (религиозный ритуал)

*** Седой Старик – бог Сагаан Ыбгэн, Белый старец

в камланьи круглолицего
паломника-месяца

Я узнала
 певучую душу Намжила,
жизнь которого, проникнув в их тайны,
 осталась там же петь.
За то, что я нарушила покой
 Нимбуу-Боршогора*,
запомнила, как дремлющий его тальник
 просыпался от топота копыт коня моего.

3

Из-под снежных сугробов
 таежный Маарагта** бакенбарды свои
задумчиво закручивая, встречает меня.
А аксакал Буурал Баабай***, засучив игрневый
 обшлаг рукавов,
лысую голову чинно поглаживая,
с важным видом сидит на своем троне.

Вскоре
Когда смотрела с вершин Буурал Баабай
 на трех еравнинских красавиц,
дымились их наледи,
 испуская пар.
А их тридцать три водоворота передо мной
 навертывались серебром,
словно приветственные чаши, переполненные
 живым аршаном.

* Нимбуу-Боршогор – название местности, носящее имя деда Намжила Нимбуева

** Маарагта – название местности

*** Буурал Баабай – самая высокая гора в Еравне (буряты-еравнинцы обычно почитают эту гору как старика)

4

Вскоре тут же узнала меня
 мать-царица моя Еравна –
 белоснежная Женщина, навстречу выйдя,
 покрыла меня поцелуем.
 Лицо мое вспыхнуло пламенем,
 и стою я теперь,
 застенчиво кутаясь
 в меховой воротник пальто.

Подставляя губы ее студеному снегу,
 когда молока вкус ощутила,
 нежными ветрами-руками своими
 макушку мою будто бы погладила.
 Когда я стояла на ладони ее,
 такая маленькая, как мизинец,
 мысли дивные, родом крылатые
 она будто мне дарила.

5

Рыбу ловя всю ночь,
 чуть не заблудилась,
 взмахом весел, покой твой
 рвала я на части.
 Направляя лодку свою,
 по шелковому ковру молодой луны,
 отчетливо помню, как вышла на берег жизни
 из трудного плавания.

6

Солнце всходило, как моя молодость,
 в бубен играя,
 белой стеной лил неистово ливень,
 когда купаться решила.

Будто я во власти восторженного сердца,
как шаманка входит в транс,
я подпрыгнула, размахивая руками в танце,
сейчас помню это.

Словно лебеди, возвратившиеся на родину,
плескались в реке,
друзей моих ныряние в воду,
как было прекрасно.
Словно решили одежду высушить
на жарком пламени речей,
разговор веселых друзей,
какое было это счастье.

7

Как вчера то лето было,
богатый урожай,
пот народа вобравшая великая сила –
волновала и звала.
То ли зима встретилась с летом,
на душе моей то же самое лето, –
во мне та жизнь до сих пор
колышется полем пшеничным.

8

Срубленная копытами коня
Бабжи батора
каменистая земля,
превратившаяся в Обо-Камень – четыре скалы
предо мною дремлют ныне,
Выросшая, слушающая сказки их,
по воле времени выросшая –
гряда белых берез,
снег стряхивая, качается.

Заслонивших солнце, как тучи черные,
врагов заставившая отступить
сосен могучих гряда,
воинами мне показались.
Стрелы их луков, хотя висят в тишине
немногословных музеев,
но звон волшебных стрел и теперь
будто свистят над долиной Шэбээтуя.

9

Я, оказавшись во власти великой
вечных огней столбов электрических,
которые уходят рядами
через границы Хори и Еравны –
Заколдованная мужественной властью
больших твоих рек и речушек
с серебряными кольчугами,
которые стремясь в даль, в Уду
торопливо вливаются, –

За то, что и хороших, и плохих времен,
связь расставила рядами,
мечты и цель мою воспевать дух
народа твоего, помоги.
Белое, как перистые облака
одеяло һэхүүргэ* откинув,
в песню войди мне,
с хорошим сном вещим...

Оставляя мечту личною жаждой напиться,
уезжаю отсюда,
воспевая тебя в своих песнях, моя Еравна!
Наслышавшись сказов и преданий селений твоих,
до Улан-Удэ донесу их смысл, моя Еравна!

* Һэхүүргэ* – одеяло из шкурки ягненка

О, ГОРНАЯ МОЯ ЗАКАМНА!

Посвящаю поэтессе Галине Базаржаповой

От дорог, бесконечно-длинных,
сердце мое стучит на небесных висках.
Моя Джида в сторону Закамны,
как неоконченное мое письмо, спешит.

Я, словно принятая в караван облаков,
которые размахнули свои белые крылья –
Ведут меня величаво-синими вершинами гор,
спешащих на запад степенно, неторопливо.

Плыву с синим небесным конем,
которого спина дрожит от гула самолета.
Накинувших на плечи дэгэлы из туманных паров
горных старцев круг увидеть стремясь, озираюсь...

1

Хан-хан...

Небесных синих коней топот –
из-под их подков вылетают искры моих мыслей.
В ушах моих звук их наковальни и молота –
звнящий урамдаан* их песен.

О, Закамна моя,
Гремя замками двойных дверей своих,
что задумала она, как встретит меня?
Славу кузнечных мастеров своих подтверждая,
какую легенду свою поведать решила?

* Урамдаан – приманивание манком (например, изюбра)

Хан-хан...

Уран-Душэ*, тянувшаяся вершиной ввысь,
серебряных дарханов своих будто зовет?
Ветвь своего улигера превратив в реальность,
звездный путь обновить будто решила?

Может, девяноста девять мастеров небесных,
вставши в круг, куют, мастерят на горе?
Может, приветствуют они наше желанье
счастье ковать великой страны?

2

На посадку идет самолет. А внизу –
бесконечно-зеленое море таежное бушует.
Не видя острова, охваченное тревогой
вскипает сердце мое, и суеверие хлещет его, как молния.

Если столкнет с громадного обрыва своей горы,
боязливое сердце от страха лопнет.
Если душой тебя воспримет гора,
наградит сердцем самого лучшего из мужчин.

Вот это и есть: далекая сторона,
седая Закамна, с горным законом,
Необдуманно, с пренебрежением сказанное не прощает,
страна орлов, смелых и решительных она проверяет.

3

... С открытой, безмятежно спокойной душою
встретила меня Закамна, приветствую!
Сном, пропахшим намокшими стогами,
в чудесах улигеров купаясь, иду.

* Уран-Душэ – название горы (переводится как Искусная Наковальня)

Крыши свои, как зонты раскрывшие
каменные дома, чуть сутулясь, стоят,
Осколки солнечные еле-еле держа,
мокрые листья, чуть трепеща, дрожат.

С осенью жизни, спрятанной
в буераках трудной дороги моей
будто хотели меня поздравить,
Став скалами, увековечившиеся улигершины
будто хотели угостить табаком меня из трубки.

Пары от туманов как вопросы нехитрые,
сосновой тайги ехор-танец кружение,
серебряные стрелы морозящих дождей капли,
притихших после будней улиц вид спокойный...

4

Когда вдруг из Нүхэн-Шэбээты, где спрятались предки мои,
из дали веков будто раздался глухой звук кнута.
Из темнеющей бездны Елын Үндэр
будто донесся жуткий плач жирной птицы-грифа.

И в ушах моих будто зазвенели
в неравной борьбе павших рабов железные цепи.
Прозвенели будто клятвы баторов могучих – героев,
оставшихся за вратами историй.

Ужас меня охватил,
Когда словно охотники, вышедшие облавой
на диких зверей,
деревья вверх на гребень горы вторгаются.
Словно дремавшие силы у вулкана
каменных гор легкие издают гул.

Диву даюсь –
 В зной косули, прячущие головы друг под другом
 на северной стороне Уран-Душэ,
 может, здесь пасутся, отмахиваясь от наседающих мух?
 Может, это Бүтүү-Джида, берущая истоки
 от высоких горных вершин,
 протекая вниз по впадинам, наполняет шумом тайгу?

Может, слышу топот времен, веков и тысячелетий
 по отвесным многочисленным ступенькам горы?
 Сагдуулы*, услышав песни ехора цветов сагаан-дали,
 может, удивились, как они вверх карабкаются?

Поставив на огонь чугунный казан,
 как уставшая древняя тээбии**,
 пока собирала кизяки для огня,
 Как в старину мастер-таабай** отдохнуть присевший,
 устав от работы, чтоб выпрямить спину –

Может, Сайханов Табхар осматривает камень
 для ожерелий и украшений.
 Я тоже ищу Слова для благопожеланий, подбираю
 нужные изречения, чтоб сказать на прощание.

Проводника ищу, который поверит в мои силы,
 и поведет меня по строкам незаконченных стихов.
 Про Закамну мою шепчу я в душе,
 чтоб в карте моей души имя увековечить.

* Сагдуулы – молодые деревца

** Тээбии, таабай – здесь использован диалект закаменцев, которые бабушку называют тээбии, а дедушку – таабай

... Пахнущую навозом, ароматом цветов дурманящую
по капелькам, глотая ночь, я иду.
От впитавшего в себя чей-то сладкий сон,
пьянящего дыхания ветра, дух мой замирает.

Подобно тому, как от холода и жары сердце трепещет,
чьи-то ворота скрипят на ветру.
Когда груженная машина тяжело проезжает по улице,
вслед ей надоедливо лает чья-то собака.

Когда я вслушиваюсь в тишину этой спокойной ночи,
я, как музыка, что может себя взорвать.
Когда тень моя ускользает в темень гнетущую,
сама будто становлюсь жизнью бесконечной.

Где стыкуются пути Джиды и Сэхира на Бильчире
праздник шумит за то, что они породнились.
Также в широкой песенной душе его народа
горным бубном звенит любовь моя.

Традиции отцов своих сохраняя,
в синем краю установив коновязь мою,
также души материнские любя и уважая,
словно в душу нырнули, признали меня как родню.

Вот это и есть: самая далекая сторона,
седая Закамна со своими горными законами,
по ошибке, унижающих слов произносить здесь нельзя,
не простят,
край могучих и гордых орлов!

ОКА МОЯ, ЗДРАВСТВУЙ!

Посвящаю поэту Баиру Дугарову

«Ока-а м-о-я...»

И грусть, и величие таит в себе это эхо –
может, вспугнуло оно в глубокой задумчивости
восседавшего на троне Саяна?
Тоскующего по павшему брату охотника крик
эхом ли отдается сквозь прошедших веков караван?

Амар мэндэ-э!

Удивлена я с порога тридцати пяти моих лет:
Гэсэра тридцать три батора – тридцать три вершины,
Гэсэр в котле заваривал и пил здесь чай –
три большие великие горы – его таган!

Амар мэндэ-э!

Каменной крепостью, похожей на браслет, себя опоясав,
горными вершинами пугающая людей синяя страна!
Коней-облаков отгоняя к долинам,
ворота свои распахивающая Нүхэн-Дабаан!

1

Сегодня

О таянии замерзших во время плескания ондоли* твоих,
с обрывов скал в крутом прыжке летящих диких коз,
О ветрах, отряхивающих семена сагаан-дали,
о реве лося, содрогающего горы на правой его стороне,

Во мне,

Об услышанном мною горы будто хотят петь задорно,
как камни с песнею вприпрыжку скатываются вниз.

* Ондоли – наледь с пустотами на поверхности родника

Словно тает лед на вершинах,
Ока будто хочет выйти из берегов от горячей моей любви.

2

Молча закуривая трубки свои, седовласые старцы –
вершины сидят.

Не спеша начинают свой сказ,
пьют чай, усевшись вокруг бабушки-горы.

Не пренебрегая мною, что я не горянка, а дочь степей,
высокими думами делитесь со мною.

Не думая, что молода я,
самые лучшие из улигеров рассказывайте мне,
раскрывая их смысл,

Вдохновению прибавляя силы, их укрепляя,
поддержите меня, зовущие ввысь, Саяны мои!
Поверив в мое правдивое, искреннее сердце,
поддержи меня, Ока моя таежная, большая сторона!

3

Хочу признаться в любви горным хребтам твоим,
выстроившим как воинов в ряд сосны зеленые.
Песню петь начинаю
скалам твоим с разлетом каменных ресниц.

Мечтами слиться хочу
с целебными аршанами, дарующими людям долголетие,
Отсюда начну искать я свой путь
вместе с горными реками и речками.

Мысленно хочу выйти в путь
к горной долине самых чистых помыслов.

Совесь свою очищая, окуривать хочу
священной твоей травой сагаан-дали.

4

Говорят, что сагаан-дали из долины в горах,
которых достичь невозможно, зовет и манит нас.
Цветок, укутанный в одеяло-облако вершин,
дух той высокой, истинной любви, – говорят.

Поддержав песню, подобную грозовому грому юности,
как сагаан-дали, зажечь бы сердца любовью.
Поддерживая жизнь, шагая по широкому миру,
подобно сагаан-дали, будущее возвести бы на вершины.

Говорят, кто наделен храбрым сердцем батора,
идет за этим цветком – за духом его высокой любви.
Тот, кто не пылал в огне любви,
за цветком не пойдет, считая это делом глупцов.

5

Народ твой,
Чтоб обустроить и чтить свое бытие
по правилам солнечной вселенной –
До вершин, где соколы пестуют птенцов своих,
дойти желал, пытая удачу и судьбу,
считая это делом жизни.

Подкову горных коней в целости найденную,
может, в знак удачи в пути вешали над порогом дома?
Может, такая подкова есть память коня о хозяине,
который пал в бою в краю чужом,
и его надежда в ожидании?

Или, выполняя наказ своих монгольских предков,
эта подкова как дух, гимн воспекает коню?
Может, эту подкову, как память народную о жизни своей, что
проходила в седле, оставляют
в начале земного пути?

6

Когда Хаан-Уула краснеет как костер,
окружив себя парусными кораблями из облаков,
Когда трон его дрожит ожесточенно,
гулко из недр земли грохоча, землю с небом сливая,

У молочного берега твоей реки Сайлаг
стою я, вся во власти суровой природы.
От мыслей моих, стремящихся в сердце Азии,
от самого священного чувства рождаюсь я заново.

7

С горных хребтов с шумом спустившись
водопадом, прыгает свирепая, Жомболог.
Внук Ангары стремится к Средней Оке,
чтоб встретиться с другими речками, как братьями.

В этой харьяа* реке
Когда увидела мерцание елоо**, хариусов играющих,
словно исполняющих танец в хороводе –
Поразилась красоте гибких тел и изгибам – это
дочери Лусад*** танцуют, в украшениях серебряных.

К людям, к степи с шумом спешащие реки,
то ли к вершине своей горы зовут меня,
к мечтам моим ранним?

* Харьяа – быстротечная с перекатами река

** Елоо – сорожка, одна из разновидностей рыб

*** Лусад – хозяйка воды, реки в буддизме

Вдохновляя меня, будто подсказывают, что, ища свой путь,
смогу пройти сквозь эти скалы,
одолею преграды, научившись законам гор.

8

Не видела я наяву черного мака цветов,
маралий корень искала меж скальных ущелий.
Золотой корень ища, я направилась в горы
и пьянела от запахов твоих сурьги*.

Себе казалась тогда я маленькой трясогузкой,
что море проплывает на крыльях коршуна.
Огорчилась я, что в душе еще девочка глупая,
что верю во все, мне самой это не понравилось.

9

Право прося сидеть среди сидящих вокруг костра,
в костер твой добавила я, словно пламя, свою долю-слово.
В облик своего родного села облачаясь,
в очаг твой, сватаясь, прибавила Джиды моей песню.

Сдружившись с птицами – хойлог** горных вершин
вместе с ними взлетела бы к вершине.
Получая урок у седых старцев со светлыми мыслями,
как они спокойной стать бы мне.

Яков твоих, сарлыков пасущихся, увидеть впервые,
увидеть и удивиться честь мне выпала.
Рассказы твоих охотников, знатных и метких, услышав,
посчитала за честь, за радость для ушей моих.

* Сурьга – багульник болотный, высокогорное альпийское разнотравие в Восточных Саянах

** Хойлог – птицы семейства фазановых

«Ока-а-а м-о-я...»

Окрик братишки, тоскующего по брату,
так он меня познакомил со своею Окой.
Тоскою наполненный окрик этот древний
в межстрочьях стихов моих след оставил.

Почтительным гостеприимством люди твои
словно вдевали ноги мои в стремя:
восторженно окликнула и я – «Ока-а а м-о-я...».
Купаясь в густых туманах гор твоих синих,
жить на свете счастье какое – поняла я теперь и оценила.

Терпелив если будешь, мудрости достигнешь, – промолвив,
небеса твои дождями меня испытали.
Нүхэн-Даваан отпускать меня отказывался,
четыре дня праздновала, четыре ночи.

До свидания!

Видя себя в зеркальной душе народа твоего,
отныне приветствуя, буду вспоминать счастливые эти дни.
В душе своей обожествляя образ Оки величественный,
буду идти к песенному зову твоему, пока я жива!

24 июня – 3 июля 1984 года

НА РОДИНЕ, В ТООНТО МОЕГО СВЕКРА

Посвящаю поэту Николаю Дамдинову

С высокой остроконечной
шапкой собольей,
с развевающимися кистями,
вечно молодой отец мой – Бархан,
тебя приветствую я!
Белые Горы свои – словно караван верблюжий,
вереницей отправляющий
друг за другом,
роднее родных величавый мой Отец – Курумкан,
мэндэ амар!

Словно ехор танцевать разрешаешь
певчим соснам и лиственницам
на скалах и на утесах,
с целебными источниками край мой Хангай,
мэндэ амар!
Издалека машешь мне
узорчатыми по краям
цветастыми платочками,
принять готовый меня словно в подол тэрлика –
черемуховый зеленый бор мой,
здравствуй!

1

«Было время,
когда под острием меча
диких времен древних,
стаи голодных волков за нами гнались.
Под стражей Бархан уула,
словно в ее крепости
народ наш силу набирал –
вот такое начало нашей истории...»

Помню поныне, поведанный однажды
рассказ старой бабушки
об одинокой женщине,
судьбою гонимой, как она, родных проводя
на грешную землю их,
осталась одна.
Стойкостью женщины, не предавшей
гору свою родную, восхищаюсь.

2

В поиске счастья,
когда явилась однажды
в твой мир,
я не была падшей женщиной, заблудшей в пути.
Ветер попутный
милым своим нарекая,
сердце превратив в лодку парусную –
во власти его пробивала себе путь.

Косулей не была я,
что вечно в поисках травы с хужиром* –
а к друзьям своим верным стремилась,
что дадут мне силу в дальнем пути.
Не искала я
в ухабистом пути
неизнашиваемую подкову,
а души твоей чистыми помыслами искушалась я.

3

Цветения черемухи
пора была –
Бархан Баабай**, помнишь,
как однажды к тебе приезжала я?

* Хужир – солончак

** Баабай – отец

Кукушкиного пения вечер,
вечный из вечных вечер –
помню я до сих пор,
как баюкал меня ты на качелях моей любви.

В Аргаде твоей купаясь,
как ленту на косичках потеряв,
из одуванчиков твоих золотистых
как сплела я венок и надела.
Смеялись вокруг,
что Аргада меня ворожит в невесты,
вчера будто было,
надо мной как смеялись, свежо в моей памяти все.

4

Вошла в кузницу мастеров твоих,
туда, где куют они
удачу рода своего и солнце.
Легенду жизни твоего народа передать
их потомкам – счастье имею,
в запись родословной
двух детей своих я добавила.

С одним из твоих сыновей
идем по дороге
моей судьбы,
как сноха, очаг твой я свято поддерживаю.
Бархан Баабай мой,
с преклонением вспоминая тебя,
дээжэ от чая* брызгая,
иногда кажусь я себе эхом твоей вековой жизни.

* Дээжэ от чая – первая проба чая

Когда говорю я,
 что светлую надежду твою
 в наших детях увековечила,
 узнала я, что действительно твоя невеста
 имеет такую
 чудесную возможность
 вернуть тебе долг свой.
 Когда я призналась в мечте моей,
 что хочу преклоняться прекрасной душе твоей,
 действительно, я, сноха твоя,
 наконец-то поверила, что я певец.

Жизнь человеческая,
 судьба его непредсказуема
 и удивительна,
 как сын твой рвется к тебе и скучает,
 по тебе я тоже скучаю.
 Когда я всматриваюсь вдаль,
 щурясь от солнца,
 на гольцы в вышине,
 удивительно, что стала мне ты
 такая же родная, как Джидда моя.

До свидания, Бархан Баабай!
 Чтоб осведомляться о благополучии
 Баргажан Баабай,
 по дороге вдоль твоих побережий сегодня я уезжаю.
 Людям рассказать о тебе,
 как я съездила, поведать хочу.
 Также хочу представиться
 старцу Байкал Баабай
 и постоять хочу я на его берегах.

СТРАНА ХАНГАЯ, МОЙ БАРГУЗИН...

Посвящаю писателю Алексею Гатапову

Мэндэ амар!
Земля чудес, голубая страна, Баргузин,
излюбриным ревом
 дрожит и шумит твоя тайга.
Здравствуй, славных, именитых охотников страна!
Соболиный подол у шубки,
 небрежно закинутой тобой на седло,
на ветру трепещет.

Грозная мелодия реки Баргузин, здравствуй!
Бурное течение твое,
 дойдя до великих гольцов,
 трясет снежные шапки их вершин.
Со снежным Дедом Морозом в одинаковом цвете
белеющая половодьем ковылей долина,
 мэндэ амар!

1

Тринадцать каменных обелисков выстроив рядами,
словно столбом пограничным
 возвышается гора Хульмоохэн.
Горы свои с двух сторон, как воинов
поставил он шеренгами,
 чтоб на страже нашего мира
 в вечном строю стояли они.

Гонимые вещими снами, когда-то
кочевали люди, говорят, подобно тучам, в другое место.
Костры их, догоревшие, краснея, на местах,
став звездами наших удач, горят и ныне наверху.

2

В старину из скал была воздвигнута крепость-замок,
 озеро Бөөлэн-Тумэр, говорят,
 с гудением грозным устраивало камланье.
 Вскоре таймени и щуки, как на празднике танцевали,
 нерестясь, говорят,
 среди хрустальных камней.

Но в звонкой песне реки Баргузин грусть слышна,
 влюбившись в дочку Тэбхэгэр Тэрмээ*,
 Однажды выйдя из железного замка, сбежал он, говорят,
 к любимой – к девушке по имени Улгана**.

3

Спрыгивая с камня на камень, любит охотиться
 знатная, молодая красавица Улгана.
 Выпущенная ею стрела со стихами метка –
 она должна найти место, где ей предстоит
 встреча с любимым.

Указывая путь ей, словно сваты
 лиственницы, сосны в хороводе – качаются верхушками.
 Тайга все свои сокровища как приданое
 для счастливой дочери – приготовила давно уже.

4

У подножия Улан-Хаана, встретившись, возлюбленные
 к истоку жизни всей душой стремились.
 «Холодное оружие – не женское дело» – решив,
 Улгана дангина убрала свой лук.

* Тэбхэгэр Тэрмээ – название скалы

** Улгана – название горной реки, которая вытекает из подножия скалы
 Тэрмээ

Отсюда прозвучал мужской голос
меткого из метких, самого умного Баргузина.
Отсюда началась его широкая жизнь,
удачливая, добродетельная, нескончаемая на дары.

5

Мороз леденящий во время ухода осени
когда ударяет – суров как волшебный хабаа*.
Когда идет великая битва всемогущей природы,
ее весеннее испытание – это черный ветер.

Вот почему у крепких больших кедров здесь
расцвет сердцевины происходит рано – в двадцать лет.
Где остывает костный мозг от такого мороза,
кедры, опережая столетия, стоят как ни в чем не бывало.

6

Хмуро-черные камни размером с теленка
издалека видны, словно живые, перекатываются они.
Камень-бык, которым играя, забыло время,
смотрит на меня в упор исподлобья.

Во время полета, может, превратились в камень
упавшие древних времен могучие птицы?
Восставший против смертной казни при царе,
может, это памятник, сотворенный природою?

7

Где конским потом, чахлою кожей пахнувший
край, утонувший в дыму кизяка,

* Хабаа – шерстобитный ивовый пруттик

Где скатиться не успевшая слеза
на щеке превращалась в льдинку,
суровое было время, когда
люди со слабым характером заблудились.

Край для лишенных прав на жизнь ссыльных
был тюрьмою, где отбывали они наказание.
Загоняли туда –
в ад, свободу отняв
у свободолюбивых бунтарей,
приговоренных к казни.

Снежно-белые вершины гольцов баргузинских –
свидетели этих событий.
Кюхельбекер с его мыслями жив и ныне.
И сегодня ворота, ведущие вдаль,
для них распахнуты,
также караваны, на запад идущие –
бессонные его ночи.

8

Следуя предначертанию: чтоб человеком быть –
научиться работать
до седьмого пота.
Приучившись к труду: чтоб батором стать –
преодолевать горы
и тайгу.
Это – юным и молодым помогут силы прибавить,
постаревших – омолодить – это и есть предков наука.

Время наше,
сняв с себя тень, словно плащ,
наполнила тайгу шумом стальных лошадей.
Идти от костров к костру, чтоб согреться,
уклад наш – в прошлом уже,

в наш край лютого холода
нам теперь доставляют тепло...

Сегодня
Выбрав благополучный день с рекой твоей,
потороплюсь я, Баргузин Баабай.
Время не ждет, пока погостить, как хотела подольше,
навещать старца Байкала поеду я, до свидания!

МУДРЫЙ СТАРЕЦ МОЙ БАЙКАЛ!

Равных в борьбе тебе – нет,
сила молодости в тебе бушует,
седой мой Байкал Баабай,
какой же ты молодой!
Для жизни – вечный, целебный аршан,
Великий Байкал мой, как ты чист и прозрачен!

Омулевая страна,
сверкающая серебром своих чешуек –
времен ускользящих,
плавно мерца, водоворотом ставших,
мудрейший из мудрых старец мой
Байкал-улигершин, здравствуй!

1

Будто знаешь, как я мучаюсь
о прошедших веках думая,
в крови моей предков ты будишь,
вечным сном уснувших.
Будто слышал, как мучаюсь я,
когда ложью объявляют правду,
волны твои тяжело и шумно вздыхают, ударяясь о скалы,
так избавляясь от гнева!

Будто увидел, что не ходила я,
сетуя на судьбу, со слезами в глазах –
глыб ледяных доспехов столкновение грозное.
Будто знают,
что не приходила,
чтоб расправить парус и веселиться, катаясь –
бег тысячи табунов с серебряными копытами шум и топот...

О, Байкал мой,
не праздновать к тебе приехала я, знай –
когда тают льды твои, твою свободу весна так празднует.
О, Байкал мой,
на берегу твоём люди собрались, взор обрати –
реки и речки твои, перегоняя друг друга,
поздравляют тебя с пробуждением.

2

Вроде бы ничего мудреного нет в том,
чтобы называться человеком,
но, шепчу, что быть человеком
среди людей довольно трудно.
Красиво, вроде, бурлить, называясь волною,
но, говорю, что трудно быть волною среди волн.

Увидела, как одним чиханием,
распахнув большую широкую грудь,
очищаешь себя от всякой грязи и мусора.
Когда бушуя свинцовыми черными волнами,
на скалы похожими,
отметаешь разговоры гнусные, не обращая внимание.

Вот почему говорим мы,
что душа твоя чиста и невинна,
не зря народ мой хвалит тебя и чтит тебя свято.

Вот почему батором достойным, уравновешенным
мы тебя величаем,
вот и почитают тебя во всем мире, имя твое уважают.

3

От избытка чувств, которых некуда девать,
на скаку коня оседлав,
выходила на поиски девяти драгоценностей –
девяти духов хороших людей,
Идя день и ночь, падая от усталости,
стремясь от огня к огню,
когда в поисках слова доброго человека
бродила по всему свету.

Подобно влюбленной девушке,
краснея и смущаясь, любовь свою скрывая,
было время, когда обижалась на время,
считая его слепым и оглохшим.
Было время, зажигая из своей
огненной судьбы вечную лампаду,
везде и всюду бродила я
в молодости по белу свету.

О том, что жизнь,
как твои жемчужно-золотые берега,
имеет и свои равнины, и обрывистые кручи,
и крутизну ее – теперь поняла я.
Как волны твои
суровые и спокойные,
слово имеет свою силу и слабость –
тоже узнала я.

4

Во время размаха двух размашистых крыльев,
Байкал, вмещающий внутри себя
весь мир, успокаивается.

Во время гула своей великой жизни
Байкал не обращает на меня –
простого человека, внимания.

Напоминая мне жизнь мою как обыкновенную суету,
будто это и есть сила жизни моей,
что должна я прожить.
И мысли мои называя мелочью жизни,
будто пренебрегает, словно скакун мой,
еще не объезженный, громко вздыхает.

5

Большие и малые реки со всех сторон,
каждая со своей песней, что в сердце хранилась,
бегут свататься к старцу Байкалу.
Каждая из них свой край
превращая в легенду,
начинают рассказ нескончаемый свой,
подобно улигершинам.

Облачную дверь широко открывая, также меня пригласив,
будто интересуется, с чем к нему пришла я,
Старец Байкал поглаживает седую бороду,
будто хочет узнать, рода какого я.

О, Байкал! Поняла я – даже реки породниться хотят,
выбираешь лучшее – из какого они племени, из рода какого.
Узнала я, послушав рассказ их, взвесив их ум,
даже друзей себе выбираешь лучших из лучших.

Вот почему говорят, что Байкал Баабай наш самый умный,
потому влюбляются в него все, душой светлея.
Вот почему все считают его улигершином всех времен,
и друзья мои певчие, услышав улигеры его, вдохновляются.

Пусть будет отец у девушки
 знатного рода, как тэнгри,
 но в отчем доме, говорят,
 не доступен ей поводок ее счастья.
 Пусть мать у девушки
 будет щедрой как мир, широкой,
 но в подоле материнском
 не будет хватать ей женского счастья.

Как я жила, кем стала, если тебе интересно,
 я – течение Джиды,
 что вечно стремится к тебе.
 Ты знаешь, наверное, чья я дочь, кто я,
 я – певица рода сартульского,
 привыкшая к тряской езде
 по ухабистым дорогам своей судьбы.

Есть понятие, что идя, заблуждаясь,
 находишь родню –
 стремилась сюда, шагая вдоль берегов Баргузина.
 Есть понятие, услышать слово
 от уважаемого старца седого –
 пришла я, чтоб рассказать и подумать
 о чудесах, удививших меня.

Средь людей мало кто на ошибки твои
 укажет, подскажет и направит,
 когда здоров ты и полон сил, энергии –
 много друзей у тебя,
 Когда ты терпеливый такой,
 на тебя будут косо смотреть,
 в дни бедствий и горя –
 много преград на пути.

У водички канавы, стремящейся в лужу –
 прямая дорога.
У речки, к тебе стремящейся, –
 даже тропинка трудная.
У груженной телеги без одного колеса –
 дорога дальняя.
Если не смогли оценить чистоту твою –
 чистюлей быть – ложь.

Прежде чем прийти к тебе,
 много ошибок я совершила,
Пегас, чья песня могла бы
 путь мне укоротить, был еще жеребенком.
Пришлось испытать песчаные круги и воронки,
 которые задерживали меня в пути,
сильный ветер, что был бы мне попутным,
 был лишь еще ветерком.

8

Забывтое вспомнить, сон стряхнуть
 пришло время,
слишком долго была во власти снов,
 досадно – бог с ними.
Увиденное и знания передавать
 детям – настала пора,
но краткий путь достижения цели,
 оказалось, имеет последствия.

Словно оправдываться желая,
 когда перечисляю беды свои,
как бедная родственница в поиске родни
 не пришла я, поверь мне.
Оттого, что ты с моими предками
 одного рода,
пришла как к отцу я,
 поприветствовать, поверь мне.

Дети, когда к отцу приезжают,
 не любовь свою предлагают,
ведь навещая отца, воздают ему
 почести и уважение?
Когда дети и внуки приезжают к матери своей
 не ради ее нежности, –
так ведь они же поклоняются
 чистоте и широте ее души?

9

Наконец промолвил Байкал:
– Если захочешь услышать
 советы мудрого старца –
вот мой совет: если пренебрегаешь родиной,
 недостигаемо будет счастье.
Если скажут, что петь не умеешь,
 не научилась еще,
далек будет путь, по которому
 дойдешь до народа.

Если нет у тебя особой своей дороги –
 скакун не найдется,
ведь дух хорошего скакуна – всегда в пути.
Если ты сама с мелкой душою –
 друзья не найдутся,
ведь человеком хорошим спетая песня
 дружит с народом.

Родине малой поклониться
 иди ты своей особой дорогой,
на земле не найдешь такой крепости,
 как твоя родина.
Свою песню особую спой для людей,
 поклонись им,
кроме этого нет границ другим, знай это.

О, Байкал мой, вот почему – каждое тоонто
видит свой облик в твоём будущем.

О, Байкал мой, вот почему
спешат к тебе как к самой родной душе.

Надеясь на свой будущий приезд к тебе,
по русскому обычаю –
монеты тебе преподношу я.
Стремясь на удачу в пути,
твой камень жемчужный
по бурятскому обычаю беру я с собою.

На груди твоей зажигая гордую звезду свою,
я отправляюсь на родину, забытую мной,
до свидания, Байкал мой!
Не страшны мне уже на дорогах ухабы,
поправив слегка накренившееся седло,
отправляюсь в путь, Байкал мой, до свидания!

ЗДРАВСТВУЙ, ТООНТО МОЕ!

Из всех великих самая великая,
из всех вечных самая вечная,
не гостить к тебе я приехала, твое дитя.
Я в поиске детства, которое любило пускаться в путь,
приехала к тебе, родина моя!

Горсть за горстью в ладони мне
дары свои щедро ты сыпала,
как же ты сильно любила меня, моя родина?
Везение, удачу в путь-дорогу мне посылала,
а детство мое, как оно следом бежало за мною?

1

С западной стороны издалека
приветствует меня Баян Баабай,
цветами-колокольчиками звеня,
зовет меня моя долина.
И падь Хумэг-Ганжуур, веки подняв,
голос поправил, ветерком меня обдувая.

Вспоминаю письма от моей старенькой бабушки,
в которых писала, что дни и ночи
сидит у окна, ожидая меня.
Надежду бабушки о моем приезде на родину
вновь возродив,
тоонто мое дочь свою, что давно не была
здесь, встречает.

Родина малая, меня вскормившая, воспитавшая,
прости, мое золотце, если я тебя чуток позабыла,
единственная, о ком я буду скучать,
сожалеть, ты моя доля.
Судьба ты моя, судьбинушка, мой Малый Нарын,
не забыла, надеюсь, меня ты, все еще любишь и ждешь.

2

Родину свою милую, когда-то покинув,
жизнь поддерживаю ли достойно ее имени?
Односельчанам приношу радость или нет,
тем, что всю жизнь воспеваю тоонто наше?

Вот почему долг перед нею велик у меня,
с днем каждым растет,
дав взаймы, назавтра жизнь требует возврата его.
Иногда мне трудно понять, какую цену,
или я родилась не умеющей долг возвращать?

«Долг долгом не плати», – твердят
мне хором старики.
Хотя время мое подсказывает:
«Возвращать надо долг трудом своим»,
но не делится оно опытом со мною.

3

Родина моя,
Моим плечам, не сумевшим поднять эту ношу,
может, не хватило твоей нежности ко мне.
Изрядно побегавши по миру в поисках вечного,
поняла, что ты мое самое вечное.

Вот почему,
Когда сумела всю тебя вместить в душе,
начала верить в свои силы и научилась петь широко.
В твоём обличье, когда я хожу, с твоим лицом,
верить начала, что я чего-то стою.

4

Встретившись, есть обычай поприветствовать друг друга,
но ценные слова мои заглушило дыханием.
Вспомнить забытое – поспрашивать есть обычай,
но в душе моей смешались все годы мои.

Как ты жил, кем ты стал, – рассказывать есть обычай,
но не знаю, кем я стала, и как жила – будто уже и не помню.
Обнимать друг друга при встрече, радоваться – есть обычай,
но я сдержать не могу вдруг нахлынувших слез.

Всю жизнь дочь твоя не сиротою хожу я,
но как же мне не хватает тебя,
покрытая маревом моя Джидда?

Хоть я уже мать двоих детей,
но сама будто осталась еще ребенком
и спешу к тебе, моя родина!

5

Помню, даже муравей, взваливший на хрупкие плечи
солону огромную, больше себя,
давал мне повод усомниться в своих силах.
И серые суслики, сидящие как изваяния,
казалось мне, будто презирали меня, мою слабость.

Однажды, когда увидела, как тетерева токуют,
охваченная порывом, также захотела я вечного праздника.
Испугавшись вдруг хищного ястреба тени,
грозя ему вслед кулаками, себя же стыдилась.

Было ли холодно мне, я не знаю,
то ли сетовать мне, то ли нет – не знаю теперь.
Будущее уже не пугает меня,
перестала всему удивляться и наивно смеяться.

6

О, Родина моя!
Если вдруг я споткнусь, как в детстве,
ты как мать поднимешь и слезы утрешь мне, я знаю.
Если окажусь излишне капризной – мне дашь оплеуху,
теперь я, чтоб ты не назвала меня опять
непутевым ребенком –

Сегодня
я пришла не рвать цветы на лугу твоём,
а поприветствовать тебя я пришла.

Момент улучив, не развлечь себя я хотела,
песню, что дарила мне ты, спеть я пришла.

Не думаю, что дочь твоя сегодня плохо живет,
высоты ли беру я иль падаю вниз, – я с тобою.
Не плачу, когда жизнь бьет словно градом,
в поисках смысла жизни брожу ли, – я с тобою.

Когда пожимаю натруженные, в мозолях руки рабочего,
твое процветание вижу в лице твоём, меня гордость берет.
Встретив ликование подрастающих братьев и сестер,
поклонилась я долголетию твоему без границ и без меры.

7

О, моя родина,
В честь приезда моего празднующих земляков
в бокале нашла я пыл своей песни,
что всю жизнь будет продолжаться.
В молоке, преподнесенном мне с хадаком,
увидела их веру и надежду в меня.

То ли плачу как в детстве, обидевшись,
безутешно, душа моя растопилась,
освободившись от камня обиды.
То ли от усталости, когда уткнулась в грудь твою,
силу будто в меня ты вдохнула.

Написано после республиканских
Дней литературы и искусства в Джидинском районе
17 мая 1984 года

ВМЕСТЕ С ХОЗЯИНОМ ХАНГАЯ...

(Из путевой записки)

Последний день из встреч в рамках предстоящего пятого республиканского съезда работников культуры, искусства и литературы и 50-летия со дня рождения известного прозаика, моего земляка Даши-Дымбыл Дармабазаровича Дугарова...

Едем сегодня на малую родину Даши-Дымбыл Дармабазаровича. Машина стремительно мчит нас в сторону Джиды. Осень в разгаре – природа утопает в желтой гамме вечной осени. Южнее мимо нас пробегают гряды лысых холмиков с одинокими деревьями, будто древние старцы сидят, поглаживая свои реденькие бороды в предвкушении предстоящего грандиозного праздника.

Подстрочный перевод

Если будешь в Алцаке или в Торее,
Увидишь – каждый встречный споет тебе песню.
Он споет тебе не хуже настоящего певца,
Хоть певцом и не родился он,
Но песня его захватит всю душу.

Сказанное мною подтвердят
слова моей бабушки.
Песни эти завораживали диких зверей.
Однозначно, что эти песни
душу мою вывернут наизнанку.

Мы уже проехали села Нижний Бургалтай, Оер, Нижний Торей. Чем ближе подъезжаем к малой родине Даши-Дымбрыл Дармабазаровича, обычно немногословный и неразговорчивый, он становится все веселее и начинает рассказывать о своих земляках-односельчанах. Да, да. Это правда, что нет на свете лучше того места, где ты появился на свет и вырос – родина твоя навечно в твоём сердце. Неудивительно, что Даши-Дымбрыл так взволнован, ведь самое главное для любого писателя, это прославить место, где он родился, прославить своим талантом и творчеством. И как подтверждение сказанному мною – чем ближе Алцак, чувствуем особую атмосферу, особую ауру этой местности. Природа здесь какая-то особенная, таинственная и сказочная.

Подстрочный перевод

Тайгу взвалив на свой горб,
Степенно движется вперед верблюжий караван.
Говоря – храбрых баторов встречают такие же баторы,
Хамар-Дабан улыбается, родом из небес.

По окраинам в ехор играют сосны,
говоря, что певцы особо относятся к певцам.
Позвякивая серебряными украшениями,
речки хороводят,
с камня на камень запрыгивая.

Вскоре по просьбе Даши-Дымбрыл Дармабазаровича водитель остановил машину у крутого перевала.

– Если заберемся на перевал, то отсюда мое тоонто будет видно как на ладони. Пойдем? – сказал он и стремительно начал подниматься. Мы последовали за ним. Мы – это наш уважаемый поэт, старший из нас, известный в республике и за ее пределами, автор многих популярных в народе песен Чимит-Рыгзен Намжилович Намжилов, инструктор Джидинского райкома КПСС Валерий Батуевич Базаров, водитель правления Союза писателей Виталий Ардуев и я. Вчетвером мы следуем за Даши-Дымбрылом, стараясь не отставать от него, еле переводя дыхание. Когда наконец-то взобрались на вершину перевала, мы оста-навливаемся, ослепленные этой невиданной красотой, покоренные силой ее энергетики. Отсюда открывается великолепная панорама окружающей природы – лес и тайга утопают в багряной красоте золотистой осени, река Джиды, стремительно несущая свои воды куда-то вдаль, поля и пастбища покоятся после уборки богатого урожая, горы, будто вечные стражники, поют песни на своем особом языке.

Подстрочный перевод

Осень,
спешащую в свою стихию,
на миг остановить успели мы...
Лист осенний
в сентябре
в трансе шаманском...

На высоком вздохе
соединить успели
начало и конец.
Дремлет
перевал Хорюулты,
горный ветер гладит
Ему голову.

Будто
главная артерия его виска
несет свои воды Джида.
Кустарники утопая,
в синем мареве густого тумана,
переговариваясь шумно, вдоль берегов
Вдаль уходят.

... Если пешком идти в центральную контору совхоза «Алцакский», пройдете три длинные улицы. В конторе нас встретило руководство совхоза. Чтоб времени зря не терять, мы стремительно входим в просторный светлый клуб. А там народу полно в ожидании нашего сегодняшнего героя, стоят в очереди, чтобы купить его книги, получить автограф. На стендах висят статьи о творческом пути и творчестве писателя, на полке – книги. Из красного уголка слышится бурятская песня под аккомпанемент баяна.

И вскоре начинает работу читательская конференция по первой его повести «Черный соболь» и роману «Хангай». Читатели – стар и млад, начиная с седовласых дедушек и бабушек, служащих совхоза, учителей и учеников школы – все так активно включаются в обмен мнениями, всем есть что сказать. Произведения писателя никого не оставили равнодушным. Всем хочется говорить и спросить у автора – над чем сегодня он работает, как ему пишется. Многие просто желают своему земляку доброго здоровья и легкого пера и выражают свою гордость и восхищение. Желаящие стать героями будущих произведений своего земляка тоже имеются. Некоторые хотели бы, чтобы автор отразил некоторые истории и легенды своей местности...

Ну да. Ведь здесь он родился и вырос, здесь начал писать, учился в школе, познал трудности жизни и впервые попытался описать жизнь своих героев, отсюда писатель начал свой путь в литературу. Здесь его пригласили в редакцию местной газеты «Торейский колхозник» и, ра-

ботая в этой редакции, он освоил все непростые прихоти журналистской работы.

С тех пор писатель в общем итоге поработал в редакциях разных изданий около двадцати лет, а именно – заместителем редактора в редакциях газет «Джидинская правда» и «Кяхтинский рабочий», также переводчиком, заведующим литературным отделом, был и спецкором газеты «Буряад унэн» по Джидинскому району. Будучи спецкором газеты «Буряад унэн», побывал почти во всех районах республики, и, можно сказать, познакомился со всеми героями и персонажами своих будущих произведений.

... После того, как закончилась основная часть читательской конференции, поэты почтили свои стихи. Собравшиеся здесь особо тепло встретили поэта Чимит-Рыгзен Намжилова, стихи его, посвященные детям, вызвали бурю эмоции, много интереса вызвали песни, написанные на его стихи...

В тот вечер, когда возвращались назад, и во время встречи в клубе с читателями Нижнего Бургалтая, мы все время обсуждали, как провести вечер с читателями в этом селе. И время – хорошо обдумать – вроде есть. И мы едем в сторону Подхулдочи, любуясь красотой этих мест, машина наша стремительно несется между двумя хребтами Боон.

Подстрочный перевод

По традиции – два друга сидят
Держа в руке серебряные трубки,
И курят горький табак,
Неустанно рассказывая улигеры.

Как два старца-улигершина
С двух сторон на нас смотрят два хребта – два Бона.
Видавшие все на своем веку старцы
Не стыдятся ничего, ничего им не страшно.

Только мне как-то неловко,
будто я путник незванный
 в этом замке двух баторов.
Очутившись в замкнутом каменном замке,
Оторванной от мира чувствую и
 растерянно осматриваюсь.

В узких расщелинах крутых хребтов
вижу красные флаги, на ветру колышутся.
Вижу – деревья как будто на страже,
в сей миг готовы окружить своего врага.

– Во время гражданской войны в расщелинах и распадках этих двух хребтов, мне рассказывали, местные охотники преградили путь в свои села белогвардейским отрядам, остановили и расправились с ними, – поведал Даши-Дымбыл Дармабазарович. И дальше нам рассказал, как во время войны работали на сеноуборке, как он был помощником бригадира комплексной бригады, как латал прохудившиеся и обветшавшие крыши и ворота животноводческих строений. «Язык не поворачивался сказать, что вряд ли сумею. Надо было сделать, и все, – взволнованно рассказывает он. – Да, было дело в наше время... И по сути, не на кого было надеяться, за кого-то спрятаться. Все мужчины на фронте. Остались одни дети, старики и женщины».

Когда он произносит эти фразы, на ум мне приходят строчки:

Подстрочный перевод

На опустевших пастбищах твоих
Будто слышу – табунов бегущих топот.
От шума их будто
прошедшие годы вернулись.

Солнце уходит за гору Тумэн-Дэмбэрэл,
След лучей его на воде как коней табуны,
С той горы
будто слышу их гул.

– В моем селе почти никто уже и не живет. Все укочевали отсюда. А какое богатое село было. Было где пастись скоту, было чем кормить его, богатейшие луга и долины, полноводные речки... Во время коллективизации кругом вдруг опустело, как вспомню это, внутри у меня будто все обрывается.., – говорит он с большой досадой и начинает перечислять, сколько чего здесь было. Мне невольно подумалось, не счетоводом ли он работал здесь, все так хорошо знает. Пока мы так ехали, внезапно обнаружили, что уже приехали... Но...

Подстрочный перевод

Солнышко будто затмилось мое,
Прохожу я как тень.
Ветер подул – будто кашлянул кто-то,
стало тоскливо внутри – будто оборвался мой путь.

Будто женщины смотрят,
прикрывшись дрожащими руками,
И руки бессильные их –
похожи на дома бесхозные, что
смотрят на меня пустыми глазницами окон.

Чтоб укоротить путь наш, решили возвращаться через Кито́йский перевал. В 1936-1937 годах родители писателя работали здесь, прокладывали путь, а маленький Даши-Дымбрыл лежал в зыбке, подвешенной на березовую ветку. Отец – Дармабазар Дугаров был знатным охотником, табунщиком. В начале Великой Отечественной войны трое сыновей Дугаровых ушли на фронт и не вернулись. Отец Даши-Дымбрыла Дармабазар погиб в Сталинградской битве, Агваан – в Смоленске, Данзанжаб – в боях на польской земле. Из маленького села Подхулдочи, где насчитывалось всего лишь тридцать семей, не вернулись назад более ста юношей и мужчин...

Так очень рано, в десять лет писатель на себе испытал все тяготы военного времени, его ровесников в селе называли тогда кормильцами... Даши-Дымбрыл в возрасте 12 лет познал и голод, и холод, но все же его ровесники прекрасно понимали всю ответственность, которая выпала на их долю. И Родина, и односельчане, и матери были рядом, и они сумели пережить все трудности своего времени. И эта закалка временем помогла ему уверенно войти в литературу.

Однако здесь:

Подстрочный перевод

Отдохнуть решила, видимо, серп-луна,
которая закончила уборку пшеницы.
Над Кито́йским перевалом улыбается
с небесной вышины мне новая луна.

Отовсюду я слышу вечные звуки природы,
они как симфония.

Звуки эти, отклик найдя в душе моей,
не замолкнут в моей жизни.

С ветки белой березы вижу,
как колыбель качается на ветру.
Быть может, я почувствовала,
как в этой вечности зарождается человек?

С колыбельной, что звучит в моих ушах,
колокольчиком разливается пение жаворонка.
Благопожелания, что пророчат долгую жизнь –
наполняют тайгу пением кукушки.

Из-за тишины, когда разговаривать не с кем,
с гольцов слышу, как олени зовут друг друга.
А кедровые ели еле шевелятся
под тяжестью налившихся орехами шишек.

Думала я, что у белок и соболей идет гон,
радостно перепрыгивают они с дерева на дерево,
увидев сломанную ветку багульника, думала,
что это дух тайги дает знак о себе – кто здесь хозяин,

вокруг сплошной гул, природа
ликует и празднует сегодня.
Вдруг ком подступил к горлу от этого,
захотелось всплакнуть и петь...

Автор нескольких книг, охотник Даши-Дымбрыл Дугаров с супругой Ларисой Намсараевной родили и воспитали троих сыновей. Растут уже внуки, теперь он солидный и достойный семьянин, которого уважают односельчане, и я горда за моего земляка, певца джидинской тайги и красивых гольцов. Судьба его такая же удивительная и загадочная, как природа здешних мест. И я желаю моему земляку, старшему другу и собрату по перу, чтобы он всегда с легкостью преодолевал суровые перевалы на своем творческом пути и долгие годы радовал своих читателей и земляков новыми прекрасными произведениями.

Улан-Удэ, газета «Буряад унэн», номер за 20 ноября 1986 года

ЗДРАВСТВУЙ, РОДИНА КАЗАКОВ!

Памяти поэта Даши Дамбаева

Душу-совесть нашу просвещая,
 словно зула* пылаешь,
опора предков моих – Хамбо дацан, мэндэ амар!
Знаний, устремленных в наше будущее
 книги-судары** –
страна чудес, что в детстве мне
 была недоступной, здравствуй!

Когда молча стою у ворот
 твоей истории,
как караван я, вековую ношу везущий.
Судьбу находя за твоей пазухой,
 разгадываю будто загадку,
и улигершином кажусь я себе,
 желающим разгадать будущее.

Не волшебник я, чтобы течение
 времени вспять повернуть,
казацье послание – письмо, по течению времени не вернется.
У людей, утонувших в водовороте времени,
 невозможно спросить,
те времена, прошедшие, по моему желанию
 уже не вернутся назад.

Не прощали твои сыновья предателей,
 если вынули саблю из ножен,
моих предков очаг, казачества родина –
 тобою горжусь я!
В бою с врагами суровые и твердые как сталь,
не забывшие род свой –
 сонгоолы, мэндэ амар!

* Зула – лампадка

** Судара – божественные книги

1

Селендума – ты была перекрестком всех дорог,
оттого была надеждой
дружеской встречи побратимов,
их началом начал,
потому воспевать хочу твою славу!
Селендума – ты была мостом
правителей между людьми
и властью,
оттого являешься письмом не распечатанным мной,
потому открыть хочу историю твою!

С тех самых пор, сколько раз
разливались времена, словно половодье.
Сколько раз, размываясь,
берега-границы разрушались, не счесть.
Сколько раз Времена менялись,
столько раз говорили,
что начинается век – жестокий.

2

Будто тени казаков, усевшихся верхом без седла
на волны селенгинские, лихо скачут,
размахивая саблями, отвагой полны.
Так до сих пор на острие времени
скользя, на памятники
из белых камней, превратившиеся
в холмы пустынные,
они глядят и отступают, ударяясь о берег.

Ответов нет на вопросы предков,
жизнь которых,
меряя километры, на заставах прошла.

Каждая страница их суровых судеб
не сказкой была,
теперь сквозь времена миражами
будто проплыли.

Со страны сказочной, возвращаясь
на грешную землю,
как тогда на царской службе,
может, они вновь не отпущены?
Явившись миру с зарей,
на кромке рассвета,
еще не поняли, может, падая здесь,
как превратились в памятники навечно?

3

Седло, на которое голову клали
вместо подушек,
теперь превратившись в кочки по всей степи,
еще тогда виденные их сны стерегут ли?
Степь в поисках свободы и
счастья рыскавших
моих предков
одобрит ли возвращенье?

Когда на льду Гусиного озера казаки
подняли мятеж,
заблудившийся народ мой
начал эту борьбу.
На этих же волнах озера
колыхание красного знамени
родной Бурятии моей помогло
прийти к революционной эпохе.

Теперь
Биография Гусиного озера –
взятие высот перевалов,
столбы стальные – линии электропередач
в бескрайние дали устремлены.
Сегодняшний день Гусиного озера
– магнетическая сила света,
идуший в завтра –
радостный клич победы шахтеров.

4

Из истории, из лавы горячей ее выходящих –
родом из баторов,
у которых девиз: чем сидеть сложа руки,
лучше падать в битве.
В отвагу и смелость их влюблена я.
Клятве верных и лучших в дружбе – сонгоолов,
их привычкам учусь я.

Сегодня
Выросших птенцов познакомив
с властью суровой природы,
с теми же песнями, ту же высоту набрав,
улетают вновь лебеди.
Древних казаков забытые песни
с их отлетом, превратившись в эхо,
звучат по берегам озер, над холмами...

НА РОДИНЕ АЯ-ГАНГИ

Памяти поэта Дондока Улзытуева

Здравствуй,
Синеющая из марева тысячелетий
сторона с головокружительным ароматом ая-ганги!
Солнце, что встает из-за гор, поднимает все выше
Хатан Хилок – матери опора – отец-Хайранга!

Облик твой ослепительный, видя глазами, удивляясь,
под власть мелодии твоей отдаюсь, наудачу.
Как глава сватовства, среди сватов твоих находясь,
хочу испытать, достойна я или нет породниться.

1

Роща, шелестя от ветра густым тальником,
зеленым платочком махая, встречала нас.
А гора Улаан Хада, приложив скалу,
 словно руку к глазам, увидев нас,
чтоб с честью встретить,
 отправила навстречу нам ветер-коня.

С перевала Дабааты когда мы спустились,
он повел за собою в Шибертуй.
В зелени утопающий цветущий его луг,
к празднику готовясь, перегонял арзу.

2

По дороге целебный аршан,
 студенисто сверкая на солнышке,
приглашает нас, чтоб прибавить здоровья и силы.

А Улаан-Хада на ступеньке каменного крыльца ждала нас,
опустив густые свои лиственнично-зеленые ресницы.

Лежат там и тут копеечки, слезинкам подобно сверкая,
старые люди их оставили, поднося хозяину горы.
На ветках деревьев висят лоскутки разноцветные –
от злых сил оберегая детей и внуков развесили их...

3

Костер разведя, зовет меня зять к разговору,
для разговора у нас много тем.
«За братом Дондоком* здесь путешествовал я много.
Долго ходил за ним, ноги стер до мозолей.

Нашли ли мы тот самый камушек, тот жемчуг,
когда шли, спотыкаясь о мелкие камни.
Слово его ценил ли тогда я?
Что надо ценить – откуда мог знать тогда я?

Когда возвращался вечером домой, уставший,
бабушка, вся в тревогах, встречая меня у порога,
ворчать начинала.
«Завтра найдем тот камушек ценный» –
подумав, прятался я под одеяло.

То, что мы искали – ценный тот камень,
оказался край мой родной, лик моего тоонто.
Наши хождения, походы по горам и долам
в песню-гимн Родине превратились у брата Дондока».

* Дондок – поэт Дондок Улзытуев

Улзытэ Хаан,
 Ты с любовью всегда гостей встречал, говорят,
 давал им кров и очаг, сажал на хоймор.
 Когда уходили они, ты скучал по ним,
 и звал к себе, не желая ни с кем расставаться.

Стихи и песни твоих сыновей, души людей пленив,
 до сих пор звенят, поют, влекут, чаруют.
 Река Шибертуй над камнями переливаясь,
 как прежде, шепча, сокращая время, вдаль стремится.

1980 год

ЗДРАВСТВУЙ, МОЙ УЛАН-УДЭ!

В спешке, недосыпая, торопилась я
 к тебе – нет слов.
 Чувствовала, как ты ждал и звал меня –
 торопилась донести привет от разных селений.

Ты для меня
 как мать многодетная,
 не перестающая ждать
 детей своих!

Расставшись с тобой на восемь дней,
 ощутила я, будто всю жизнь в пути.
 Хоть и было умиление от дружеской встречи,
 испытала тоску о детях, также ждавших меня.

Как странно!
От всей души стараюсь
достойной быть имени твоего,
город родной!

Где бы я ни была, солнце светит одинаково –
но меня вела на поводу мечта.
Рассказы прекрасны каждой местности –
суть складной их беседы передать тебе хочу.

Ободришься окрыленный
их делами,
знаю, будешь благословлять
на счастье их.

* * *

Взмахом двух сильных крыльев
соединив два берега Селенги,
При уносящемся галопом двадцатом веке
желания-мечты разных уголков связав,

Сизо-туманную дверь
настежь распахнувший
мост селенгинский,
амар мэндэ!

В сердце своем свертывая
соединенные между собой дороги в один путь,
Встречая поющими бодрым звуком
вытянувшимися высокими трубами заводскими,

Здравствуй, мой город
Улан-Удэ,

дышащий пылом
доблестного труда!

Как символ во главе с духовной мощью скакунов,
ставший гордостью народной – оперный дворец.
Крылатыми творениями мыслителей созданная,
волшебством славившаяся страна автоматов,

Не перестаю дивиться
красотой твоей, Улан-Удэ!
Возвращаюсь к тебе,
восхищенная тобой!

* * *

Словно свежим чаем утоляя жажду,
приобретаю силу, уставшая в пути,
Словно пустила отдохнуть на волю,
пожалев скакуна, снимая с него узду,

Вернувшись к тебе
из дальнего пути,
только у тебя
прихожу в себя, Улан-Удэ!

Я не бродяга, что везде чужую родину
называет своим тоонто.
Принятая с почтением у многих,
я не забывала тебя, торопилась только к тебе.

Какая бы я ни стала,
как долгожданную принимаешь меня.
Потому ты есть – берег моей жизни
бурной, как море.

За то, что готова отправиться в дальний путь,
испытывая удачу духа своего,
За то, что снова стремлюсь к песенной вершине,
почистив перья, словно крылатая птица,

Даешь мне силу воли,
когда вздумается мне лететь,
ты есть – аэродром
моей судьбы, мой Улан-Удэ...

1980 год

ГАРШАГ

«Гуламтын гал» буряд хэлэн дээрэ

(Уянгата поэмэ)

Поэмэ тушаа авторай тайлбарилһан үгэ	3
Оролто үгэ	4
Нэгэдэхи бүлэг. Гуламтын гал	7
Хоёрдохи бүлэг. Эхэ орон	18
Гурбадахи бүлэг. Тоонто	36
Дүрбэдэхи бүлэг. Мундарга	57
Табадахи бүлэг. Эхэ	79
Зургаадахи бүлэг. Инаг дуран	105
Долоодохи бүлэг. Үхибүүд	111
Наймадахи бүлэг. Ажал	121
Юнэдэхи бүлэг. Нурхарбаан	131
Арбадахи бүлэг. Нүхэд	140
Арбан нэгэдэхи бүлэг. Саг	150
Арбан хоёрдохи бүлэг. Сагаан һара	159
Түгэхэлэй үгэ	164

Подстрочный авторский перевод поэмы «Огонь в очаге»

Пояснительная от автора	167
Вступление к поэме	168
Глава первая. Огонь в очаге	171
Глава вторая. Родина	181
Глава третья. О, тоонто мое!	199
Глава четвертая. Вершины	220
Глава пятая. Мать	242
Глава шестая. Любовь	268
Глава седьмая. Дети	274
Глава восьмая. Труд	284
Глава девятая. Сурхарбан	293
Глава десятая. Друзья	302
Глава одиннадцатая. Время	312
Глава двенадцатая. Белый месяц	321

Аян замай дэбтэрһээ

Оролто мүнүүд тушаа тайлбарилһан авторай үгэ	331
Бабжа баатарай орондо	334
Нарьдаг таабай Захаамимни!	340
Амар сайн, Ахамни!	345
Хадам эсэгын тоонтодо	350
Хангай Баргажан Баабаймни!	354
Аха заха үбгэн Байгални!	358
Түрэхэн Эхэ тоонтомни!	366
Хангайн дуушантай сугтаа	371
Амар сайн, хасагуудайм орон!	378
Ая гангын орондо	382
Амар мэндэ, Улаан-Үдэм!	384

Из путевых заметок

(Подстрочный авторский перевод)

Пояснительная от автора	388
На родине Бабжи батора	391
О, горная моя Закамна!	397
Ока моя, здравствуй!	402
На родине, в тоонто моего свекра	408
Страна Хангая, мой Баргузин... ..	412
Мудрый старец мой Байкал!	416
Здравствуй, тоонто мое!	423
Вместе с хозяином Хангая... ..	428
Здравствуй, родина казаков!	435
На родине ая-ганги	439
Здравствуй, мой Улан-Удэ!	441

Литературно-художественное издание

Санджэ-Сурун
(Раднаева Галина Жигмытовна)

ГУЛАМТЫН ГАЛ

ОГОНЬ В ОЧАГЕ

Лирическая поэма

Том 3

Редактор Т. Самбялова, О. Дамдинжапова
Корректор О. Димова
Дизайн и верстка А. Жаркой

6+

Издательство «Номад» (ИП Дамдинжапова О. Б.)
г. Улан-Удэ, ул. Каландаришвили, 23, каб. 7
Тел. 8 (3012) 211155. www.nomadbook.ru

Подписано в печать 24.07.2023. Формат 60×90/16
Бумага офсетная. Гарнитура PT Serif.
Печ. л. 28.
Тираж 270 экз. Заказ № 19